

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

*Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.*

*Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции*

*Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий*

*Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции*

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Гуторова А. Н.**
Конституционно-правовое обеспечение
народного доверия к судебной власти 4
- Овсепян Ж. И.**
Модификации президентско-парламентской
формы правления в Российской Федерации
(на основе анализа новелл Закона РФ
о поправке к Конституции РФ 2020 г.) 19

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Нечаев А. И.**
О немедленном исполнении судебных
решений по делам об оспаривании
ненормативных правовых актов 32
- Туктамышев В. Д.**
Компетенция арбитража:
общая характеристика 42

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Ширяев А. Ю.**
Учение о составе преступления
в прагматической концепции уголовного
права П. А. Фейербаха 53
- Маслов В. А.**
Уголовная политика России в отношении
смертной казни 62

ТРУДОВОЕ ПРАВО

- Коваль В. П.**
Соотношение правовой позиции суда
с судебной практикой, судебным актом
и судебным прецедентом на примере
трудовых споров 71

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярко

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Винницкий А. В., Харинов И. Н.**
Нераскрытый потенциал судебного нормоконтроля в свете Закона об обязательных требованиях 82

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Жабреев М. В.**
Правовое регулирование применения в советской России дореволюционного законодательства 95

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

- Бедрина И. С., Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г.**
Роль правового регулирования в формировании образовательной среды дополнительного профессионального образования: опыт и инновации 101

- Долганичев В. В.**
Особенности применения интерактивных методов в преподавании дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» 110

- Думанская Е. И., Кокотова Д. А.**
Разработка схемы экспертизы правового акта для использования в учебном процессе 124

- Индекс статей, опубликованных в журнале «Российское право: образование, практика, наука» в 2022 г.** 139

CONSTITUTIONAL LAW

- Gutorova A. N.**
Constitutional and Legal Support of People's Trust in the Judiciary 4
- Ovsepyan Zh. I.**
Modifications of the Presidential-Parliamentary Form of Government
in the Russian Federation (Based on the Analysis of the Novelties of the Law
on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation 2020) 19

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

- Nechaev A. I.**
On the Immediate Execution of Court Decisions in Cases of Contesting
Non-Normative Legal Acts 32
- Tuktamyshev V. D.**
Arbitration Competence: General Characteristics 42

CRIMINAL LAW

- Shiryaev A. Yu.**
The Doctrine of the Formal Components of a Crime in P. Feuerbach's
Pragmatic Concept of Criminal Law 53
- Maslov W. A.**
Russia's Criminal Policy on the Death Penalty 62

LABOR LAW

- Koval' A. Yu.**
Interrelation of the Legal Position of the Court with Judicial Practice,
Judicial Act and Judicial Precedent using the Example of Labor Dispute Cases 71

ADMINISTRATIVE LAW

- Vinnitskiy A. V., Kharinov I. N.**
Challenging Legal Acts Containing Mandatory Requirements in Court

---

HISTORY OF STATE AND LAW

- Zhabreev M. V.**
Legal Regulation of the Application of Pre-Revolutionary Legislation in Soviet Russia 95

LEGAL EDUCATION

- Bedrina I. S., Nesmeyanova S. E., Kalinina E. G.**
The Role of Legal Regulation in Creating Educational Environment for Additional
Professional Education: Experience and Innovation 101
- Dolganichev V. V.**
Features of the Use of Interactive Methods in Teaching the Discipline
«Consideration of Cases on the Protection of Collective Interests by the Courts» 110
- Dumanskaya E. I., Kokotova D. A.**
Development of the Law Examination's Algorithm Used in the Learning Process 124
- Index of Articles Published in the Journal in 2022** 139

А. Н. Гуторова

Юго-Западный государственный университет
(Курск)

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАРОДНОГО ДОВЕРИЯ К СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Обеспечение доверия граждан к судебной власти достигается путем использования таких конституционно-правовых инструментов, как сочетание профессионального и непрофессионального правосудия, публичное отправление правосудия, предоставление доступа к информации о деятельности судов, конституционный порядок назначения на должность и освобождения от нее, предъявление определенных требований к поведению судей. Автор исходит из необходимости различать доверие населения к судебной системе и конкретному судье, рассматривая их как общее и особенное.

При анализе категории предоставления информации о деятельности судов в статье обращается внимание на проблему осуществления судьями и судами несвойственной им функции. Привлечение технических специалистов для ведения сайтов, осуществления онлайн-трансляции – это исполнительно-организационная функция. Выполнение ее судами ставит под угрозу независимость судебной системы.

Одним из способов обеспечения доверия граждан к судебной системе представляется обеспечение открытости и доступности информации о судебных решениях. По мнению автора, в современной России указанная информация полностью открыта и доступна. Для повышения доверия населения и укрепления принципа независимости правосудия автор предлагает установить порядок назначения судей федеральных судов на должности и освобождения от этих должностей на основе единой модели правового регулирования.

Ключевые слова: судебные органы, конституционные гарантии, публичность, независимость судов, общественное мнение, правосудие, несменяемость судей

Для цитирования

Гуторова А. Н. Конституционно-правовое обеспечение народного доверия к судебной власти // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 4–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4.

УДК 342.56

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4

В условиях конституционно гарантированной системы разделения публичной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви немаловажную роль играет механизм обеспечения народного доверия судьям и судам. Правосудие – особый вид государственной деятельности, главное предназначение которого заключается в исследовании и установлении юридических фактов, а также в применении права в конкретном юридическом деле. С этой точки зрения судебная власть – наиболее унифицированный институт в аппарате государства, в нем в наименьшей мере (по сравнению с законодательной и исполнительной властью) проявля-

ется национальная специфика. Суды во всех странах осуществляют примерно одинаковые функции и строят свою деятельность в основном на одних и тех же принципах.

Чтобы граждане доверяли судам, последние должны быть компетентными, беспристрастными и независимыми [Завьялова 2018: 4]. Задача конституционно-правового регулирования состоит в том, чтобы беспристрастность и независимость судов и судей максимально эффективно гарантировались и обеспечивались [Кизирбозунц 2017: 8]. При этом конституционно-правовой инструментарий для выполнения данной задачи может использоваться различный и дифферен-

цированный. Здесь, напротив, не существует каких-либо универсальных стандартов в масштабе мирового сообщества. Судебная система России имеет свою политико-правовую историю и специфику, что должны учитывать конституционный законодатель и правоприменитель.

В зарубежных странах гарантии доверия граждан к судебной власти отличаются большим разнообразием. Так, во Франции гарантом независимости судебной власти объявляется Президент Республики, которому «помогает» в этом Высший совет магистратуры (ст. 64 Конституции Франции). В силу ст. 97 Конституции ФРГ судьи назначаются на штатные должности на постоянной основе, но могут быть уволены, освобождены от должности, переведены на другое место или уволены в отставку. Это возможно только на основании судебного решения по основаниям и в форме, которые устанавливаются законом. Согласно ст. 101 Конституции Италии правосудие отправляется именем народа. В отличие от Италии, в Испании, так как это государство с иной формой правления, в ст. 117 Конституции устанавливается, что судебная власть исходит от народа, но осуществляется именем Короля. Судьи должны быть не только независимыми, но и несменяемыми и ответственными.

В соответствии со ст. 178 Конституции Польши, которая признает принцип несменяемости судей, судьям обеспечиваются условия труда и вознаграждение, которые должны соответствовать, во-первых, достоинству должности, во-вторых, объему их прав и обязанностей. Таким образом индексация судей не вступает в противоречие с представлениями граждан об основных вопросах социальной справедливости, чем дополнительно обеспечивается доверие граждан к политике государства в отношении институционализации судебной системы.

В Австрии (ст. 86 Конституции Австрии) доверие граждан к судебной системе обеспечивается конкурсной формой назначения судей на должности. Несмотря на то что такое назначение отнесено к функциям главы государства и Федеральный президент вправе делегировать соответствующее полномочие компетентному федеральному министру, список кандидатур должен состоять «по меньшей мере из трех лиц», а если мест несколько, то

число кандидатур должно быть по меньшей мере «вдвое больше, чем число подлежащих назначению судей».

Из приведенных примеров следует, что конституционно-правовой инструментарий, используемый для обеспечения доверия граждан к судам и правосудию, действительно весьма разнообразен [Абдулин 2020: 38], позволяет сочетать сменяемость и несменяемость судей, их назначение главой государства или другими лицами, с гарантиями конкурсного отбора и без такового и т. п. Главное же в том, что конституционные системы зарубежных стран в подавляющем большинстве избегают прямых выборов судей; считается, что избирательная система допустима лишь при применении механизма формирования политических деятелей (глав государств и парламентариев).

Избирательная система дает мощные стимулы для обеспечения народного доверия. Отчасти этот опыт признавался в СССР, где проводились выборы народных судей на «нижних» ступенях системы судов общей юрисдикции. Однако при регулировании судебной деятельности конституционный законодатель, как правило, жертвует одной конституционной ценностью (народное доверие) в пользу другой (эффективное выполнение правосудием присущих ему конституционных функций), не отрицая самой необходимости народного доверия к судебной системе. Принципиально важно, что суды в конституционном праве зарубежных стран позиционируются вне политики, дистанцируются от мирного соперничества политических партий и, следовательно, от свободных и конкурентных выборов. При этом конкуренция кандидатов на должности судей очень даже поддерживается, но реализуется она при помощи несколько иных конституционных приемов и методов.

Полагаем, что в конституционно-правовых исследованиях следует различать задачи обеспечения народного доверия к судебной системе и к судьям. В институциональном аспекте указанные категории соотносятся как общее и особенное: доверие судьям – необходимое, но не достаточное условие доверия к судам и судебной системе в целом. При определенных обстоятельствах, однако, возможно и обратное утверждение: гражданин может не доверять конкретному судье

(и заявить в этих целях ходатайство об отводе судьи), но доверять судебной системе в целом (полагая, что суды организованы демократично, эффективно, способны полноценно защищать права и свободы человека и гражданина и т. п.). Недоверие к судебной системе невозможно преодолеть отводом судьи или неприятием судебной власти. Последняя действует независимо от воли граждан и является для субъектов правоотношений юридически обязательной [Канатов, Мунайтбасов 2015: 43].

Вопрос о доверии к судьям на институционально-конституционном уровне органически связан с проблемой коллегиальности и профессионализма в отправлении правосудия [Носова 2020: 665]. Это именно конституционно-правовой вопрос [Кокотов 2014: 97], который не разрешается лишь в текущем процессуальном законодательстве по усмотрению действующего состава парламента, о чем свидетельствует не только опыт конституционного регулирования в зарубежных странах, но и отечественная политико-правовая история. В частности, в Конституции СССР 1977 г. имелась норма о том, что все суды осуществляют деятельность на коллегиальной основе. В Конституции РФ такой нормы нет, но закрепляются гарантии рассмотрения уголовных дел определенной категории судами с участием присяжных заседателей. Таким образом, позднесоветские государство и право гарантировали доверие граждан судам путем создания коллегии, состоящей из трех лиц (трое профессиональных судей или один профессиональный судья и два народных заседателя). Конституция СССР 1977 г. категорически запрещала единоличное разрешение каких-либо судебных дел. Сегодня же единоличное отправление правосудия не запрещается, но предусматриваются гарантии развития института суда с участием присяжных заседателей, которых в советской России вообще не было.

Полагаем, что в практике коллегиального рассмотрения всех дел в судах (за исключением института суда с участием присяжных заседателей, в котором присяжные представляют собой коллегию, но судья осуществляет свои функции единолично) наблюдается своего рода конституционный регресс. Применявшееся в позднесоветской России требование о коллегиальности состава суда можно было бы в правовую систему вернуть,

но не возвращаться к опыту привлечения народных заседателей, а включать в состав коллегии именно трех профессиональных судей. Такое решение имело бы положительный эффект и значительно повысило бы доверие граждан к судебной системе, хотя, конечно, повлекло бы за собой дополнительные расходы за счет средств федерального бюджета либо повысило и без того высокую нагрузку на судей [Бумагин 2014].

Проблема участия в судах присяжных заседателей могла бы разрешаться и весьма радикально вплоть до введения конституционной нормы о том, что подавляющее большинство уголовных дел разрешается только судами с участием присяжных. Это также повысило бы доверие граждан к судебной системе, но обернулось бы дополнительными государственными расходами. Однако в современной России подобных законодательных тенденций не наблюдается. В связи с этим считаем более обоснованной сдержанную научную позицию, которая опирается на разумный и прагматический подход. Законодатель сегодня не намерен радикально менять конструкцию судебной власти, поэтому регулирующее воздействие в целях обеспечения доверия граждан к судьям и судам должно совершенствоваться в рамках имеющихся приоритетов внутренней политики страны.

Вместе с тем нельзя не заметить, что многие зарубежные конституционно-правовые системы придерживаются в данном вопросе более фундаментальных институциональных решений. Приведем несколько современных примеров конституционного регулирования организации уголовных судов с участием присяжных заседателей в конституционном праве зарубежных стран.

Так, согласно ст. 27 Конституции Венгрии суды должны выносить приговор в составе присяжных по общему правилу, если иное не будет предусмотрено законом. Если сравнивать это положение с нормой ч. 2 ст. 20 Конституции РФ, становится очевидным, что российские гарантии выглядят менее существенными. В Венгрии суды присяжных рассматривают все уголовные дела, если исключения из этого общего правила не установлены законом. В конституционном праве России лишь гарантируется право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных, если инкриминиру-

емое деяние предполагает наказание в виде смертной казни (на применение которой в России решениями Конституционного Суда РФ установлен мораторий и которая напрямую запрещена конституциями многих зарубежных стран).

В Конституции Австрии (ст. 91) имеется норма о праве народа на участие в отправлении правосудия. По делам о преступлениях, за которые может быть назначено суровое наказание, а также по делам о всех политических преступлениях и проступках вопрос о виновности обвиняемого решают присяжные. Они должны участвовать в уголовном судопроизводстве по делам и о других уголовно наказуемых деяниях, но только если подлежащая назначению мера наказания может превысить установленный законом предел.

Общность подходов конституционных законодателей Австрии, Венгрии и ряда других зарубежных государств заключается в том, что суды с участием присяжных должны действовать в случаях потенциального применения суровых уголовно-правовых санкций или при рассмотрении преступлений отдельных категорий, но не всех. С этой точки зрения наблюдается явное методологическое родство с конституционным правом России. Отличие состоит в широкой дискреции федерального законодателя, который недостаточно связан конституционными нормами и может применять положения уголовно-процессуального законодательства в значительной степени по своему усмотрению (ч. 4 ст. 123 Конституции РФ), если только состав преступления не предполагает назначения смертной казни (ч. 2 ст. 20 Конституции РФ). Лишь в последнем случае вступают в силу прямые конституционные гарантии, которые обязывают федерального законодателя организовать уголовный суд с участием присяжных. Что же касается ч. 4 ст. 123 Конституции РФ, то она имеет настолько абстрактное содержание, что не обязывает федерального законодателя даже к небольшому расширению составов преступлений по сравнению с требованием ч. 2 ст. 20 Конституции РФ о гарантировании права обвиняемого на суд с участием присяжных при наличии в уголовном законодательстве санкции за данное правонарушение в виде смертной казни.

Значение уголовных судов с участием присяжных заседателей с точки зрения механиз-

ма обеспечения доверия граждан к судебной власти сложно переоценить. Доверие, конечно, необходимо при осуществлении судопроизводства всех видов – конституционного, гражданского, административного, арбитражного. Однако общественное мнение связывает доверие к судебной системе главным образом с доверием к отправлению *уголовного* правосудия ввиду суровости санкций и существенности других правовых последствий для правонарушителей. Если виновность или невиновность человека устанавливает коллегия лиц, случайно выбранных из народа и привлекающихся к отправлению уголовного правосудия в первый и, вероятно, в последний раз в своей жизни, вопрос о совести

Большое значение в системе обеспечения народного доверия к судам имеют также публичное отправление правосудия и предоставление доступа к информации о деятельности судов

и беспристрастной оценке доказательств проявляется с наибольшей остротой. Связанность профессионального судьи народным решением о доказанности или недоказанности обстоятельств преступления не просто повышает доверие граждан к государству и праву, но совершает своего рода «переворот» в правосознании, который наблюдался в нашей стране в период реформ Александра II, а также во многих зарубежных странах в различные периоды их развития, когда они учреждали суды с участием присяжных заседателей и отказывались от «инквизиционных», т. е. сугубо обвинительных, форм уголовного судопроизводства.

Проблема доверия граждан к судам и судебной системе, разумеется, не исчерпывается вопросом о нормативно-правовом выборе между профессиональным (постоянно действующие судьи) и непрофессиональным (присяжные заседатели, народные заседатели, арбитражные заседатели) правосудием, а также коллегиальной и единоличной формами судопроизводства. Большое значение в системе обеспечения народного доверия к судам имеют также публичное отправление правосудия и предоставление доступа к информации о деятельности судов [Боброва 2020: 86].

В исторические эпохи, когда правосудие зарождалось и развивалось, человечество не знало цифровых технологий. В силу этого основной формой обеспечения гласности, публичности и транспарентности судов являлось предоставление публике доступа в залы заседаний.

Судебные заседания, особенно по уголовным делам с участием коллегии присяжных заседателей, приобретали свойства «шоу» и средства «развлечения толпы». Процессуальное законодательство было вынуждено заботиться о поддержании дисциплины в зале посредством установления соответствующих полномочий председательствующего в судебном заседании, судебных приставов и других представителей системы охраны общественного порядка [Воронцова 2019: 73]. Считалось, что чем больше публики может охватить зал судебного заседания, тем демократичнее выглядит судебный процесс. В современном мире обстоятельства существенно изменились. Цифровые технологии позволяют свободно транслировать любое судебное заседание в сети Интернет, причем этому могут воспрепятствовать только соображения недопустимости разглашения охраняемой законом тайны. Всякий раз, когда распространяемые в суде сведения не охраняются законом, какие-либо другие ограничения гласности судопроизводства можно считать нарушением требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Примечательно, что в России действует Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». Однако несмотря на внесение в 2020 г. ряда изменений и дополнений в главу 7 Конституции РФ, вопросы доступа к информации о деятельности судов на конституционном уровне урегулированы не были, все соответствующие нормы остались в упомянутом Законе. При этом ряд его принципов и положений, на наш взгляд, имеют очень большое значение и должны были бы закрепляться непосредственно в главе 7 Основного закона страны.

Указанный Федеральный закон (ст. 1) вводит понятие «информация о деятельности судов», под которой понимаются, во-первых, «информация, подготовленная судами» (т. е., по сути, их официальная публичная информация), во-вторых, «информация, поступившая в суды» (главным образом речь идет о со-

держании обращений заявителей), в-третьих, нормативные правовые и правоприменительные акты (первые регулируют деятельность судов, вторые – являются результатом их деятельности). Полагаем, что данное нормативное определение выглядит достаточно полным, однако оно не до конца отражает важность общественной оценки деятельности судебных инстанций. Получается, что мнение журналистов, интервьюеров, блогеров и других аналогичных лиц о функционировании судебной системы не входит в понятие информации о деятельности судов и подпадает под какой-то иной конституционно-правовой режим в механизме реализации свободы мысли, слова и права на выражение мнения, но не под нормы Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации».

Считаем, что общественное мнение действительно не должно «вмешиваться» в судебную тяжбу и тем более оказывать какое-либо давление на судей. Задача представителей закона заключается в скрупулезном исследовании доказательств, представленных каждой из сторон, и верном истолковании подлежащих применению правовых норм. Если в данные процессы будет вмешиваться журналистика, правосудие не сможет выполнить свою конституционную задачу быть объективным и беспристрастным. Однако здесь применима и противоположная логическая цепочка: ничем не связанный с точки зрения внешних обстоятельств и общественного внимания судья тоже рискует нарушить свои публичные обязанности, но по другим причинам (злоупотребление правом, которое может быть мотивировано профессиональной деформацией, коррупцией, некомпетентностью и т. п.) [Рябцева 2021: 55; Бухарев 2015: 128]. Полагаем, что судебные процессы не могут быть келейными и закрытыми (если только речь не идет об охране государственной или частной тайны, что специально оговаривается в законодательстве; тогда проводится закрытое судебное заседание). Общество должно иметь широкие возможности наблюдать за ходом судопроизводства. И только этими и им аналогичными методами можно в долгосрочной перспективе обеспечить полноценное доверие граждан к судам и к судебной системе.

Анализируемый закон ввел в правовую систему страны категорию «единое инфор-

мационное пространство федеральных судов и мировых судей». Это, на наш взгляд, важный конституционно-правовой феномен. Судебная система не является единой в том смысле, что разграничиваются виды юрисдикции (конституционная, общая, арбитражная), полномочия судов, процессуальные основы их деятельности (конституционный, гражданский, арбитражный, административный, уголовный процессы). Каждый судья выступает процессуально независимым лицом, хотя его действия и бездействие можно обжаловать в установленном законом порядке. Единство судебной системы означает внутреннюю согласованность входящих в нее структурных элементов, обеспечение их эффективного взаимодействия.

Однако единое информационное пространство судов предполагает уже нечто совершенно иное вплоть до централизованных служб сайтов и единых информационных организаций для всей судебной системы (при этом руководитель суда не должен будет полностью отвечать за организацию и деятельность всей информационной системы суда). Полагаем, что это весьма перспективное направление дальнейшего развития законодательства вплоть до возложения соответствующей компетенции на федеральное Министерство юстиции. Информирование граждан о деятельности судов, строго говоря, не функция председателей судов, судей и работников судебного аппарата (секретарей судебных заседаний, помощников судей и т. д.). Здесь более четко прослеживаются конституционные функции исполнительной власти.

В советский период Министерство юстиции выполняло сравнительно большое количество функций, но затем его позиции значительно ослабли отчасти ввиду того, что конституционному принципу разделения властей было уделено чрезмерное внимание [Шагиев 2015: 59]. Из компетенции Министерства юстиции и его структурных подразделений в субъектах РФ оказались исключенными многие важнейшие государственные функции, например публичное управление адвокатурой, нотариатом и материально-информационное обеспечение деятельности судов. Полагаем, что многие права и обязанности, которые Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» возлагает на Су-

дебный департамент и его органы, органы судебного сообщества и председателей судов, в действительности должны были быть переданы централизованно Министерству юстиции и его структурным подразделениям в субъектах РФ [Абдулин 2015: 162]. Только в этом случае можно было бы говорить о наличии «единого информационного пространства федеральных судов и мировых судей».

Данному нормативному решению, по нашему мнению, не может воспрепятствовать то обстоятельство, что порядок обеспечения доступа граждан к информации о деятельности судов может регулироваться не только федеральными нормативными правовыми актами, но и законодательством субъектов РФ. Конституции (уставы) и законы субъектов РФ могут наделять дополнительными правами и обязанностями территориальные органы федерального Министерства юстиции несмотря на то, что эти органы не входят в систему государственных органов субъектов РФ. Сложившееся в течение последних десятилетий представление о том, что законодательство субъектов РФ якобы не вправе регламентировать деятельность территориальных органов федеральных органов власти, на наш взгляд, противоречит сути федеративных отношений и конституционной природе региональной законодательной власти.

Судебный департамент и его органы фактически выполняют функцию ненадлежащего замещения конституционных полномочий Министерства юстиции и его органов, поскольку функция судей и судов – отправлять правосудие, но не осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность, включающую в себя наем специалистов в сфере цифровых технологий, ведение сайтов в Интернете, осуществление трансляции судебного заседания и т. п. Суды не должны наделяться не свойственными им исполнительно-организационными функциями еще и потому, что это порождает исполнительно-организационную зависимость от вышестоящего публичного менеджмента, нарушая тем самым институциональную независимость судебной власти.

Обеспечение доступности информации о деятельности судов – весьма затратная (с точки зрения бюджета) функция, о чем свидетельствует, в частности, предписание ч. 2 ст. 9 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности

судов в Российской Федерации». Закон обязывает создавать соответствующие структурные подразделения или определять ответственных должностных лиц в судах, в Судебном департаменте, в органах Судебного департамента и в органах судейского сообщества. Необходимо также иметь регламенты, которые регулируют их деятельность. Подчеркнем, что эта функция имеет мало общего с правосудием в конституционно-правовом смысле (здесь необходимы свобода, беспристрастность, независимость, несменяемость, неприкосновенность и т. д.), но представляет собой вид «исполнительно-распорядительной деятельности» (здесь, напротив, конституцией и законом правомерно культивируются ответственность, дисциплина, иерархия, связанность административными распоряжениями и т. д.).

В связи со стремительным развитием цифровых технологий, которое наблюдается в наше время, возникает риск почти полного замещения «живого» судебного процесса его цифровым суррогатом. С помощью видеоконференцсвязи, по существу, могут быть не только организованы допрос свидетелей, выступление истца и ответчика, обвиняемого, адвоката или прокурора, но и обеспечено присутствие самих судей и присяжных заседателей [Жегулина 2018]. Применение данных цифровых средств «размывает» юридический смысл важнейшего процессуально-правового понятия очного или заочного разбирательства (участвующие в процессе лица присутствуют «дистанционно», что нельзя назвать строго очным или заочным). Особенно активно внедрению подобных форм способствовали события конца 2019 г. – начала 2020 г., когда мировое сообщество столкнулось с проблемой распространения пандемии COVID-19, граждане были вынуждены соблюдать режим локдауна, многие государственные учреждения приостанавливали свою деятельность на длительное время. В настоящее время степень угрозы распространения коронавирусной инфекции снизилась, однако привычка к использованию цифровых технологий осталась.

Полагаем, что «живое» судебное разбирательство (с фактическим присутствием участников в зале судебного заседания, их непосредственным выступлением в зале перед публикой) оказывает большое воспитательное

влияние и не должно даже в перспективе полностью замещаться цифровыми технологиями. Этому, однако, не препятствует всеобщая трансляция в сети Интернет всех текущих открытых судебных заседаний (в отличие от закрытых заседаний, режим которых регулируется процессуальным законодательством и исключает разглашение соответствующих сведений ввиду режима охраняемой законом тайны). Полагаем, что соответствующую обязывающую норму можно было бы установить в действующем процессуальном законодательстве применительно ко всем способам управления правосудия.

По сравнению с советской эпохой современное российское судопроизводство сделало огромный шаг вперед в обеспечении доступа граждан к судебным решениям. В советской России для этого нужно было обращаться в канцелярию суда, делать выписки, претерпевать бюрократические проволочки; сегодня же достаточно одного «клика» на компьютере [Долженко 2019]. Информация о судебных решениях в современной России полностью открыта и общедоступна. Это важный показатель демократичности судебной системы и уровня доверия граждан к ее функционированию [Печегин 2021: 18], который в современной России уже достигнут.

Признавая важность указанных достижений, некоторые положения Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» можно было бы подвергнуть критическому осмыслению. Так, вызывает сомнения обоснованность требований ст. 14 Закона, которая обязывает суды размещать информацию по определенному и весьма негибкому перечню, что может породить юридические недоразумения при внешних признаках правонарушения. Так, Закон обязывает каждый суд размещать на своем сайте буквально «перечень законов, регламентирующих деятельность суда». Очевидно, что полностью выполнить данное требование силами одного суда невозможно. Отчасти эту функцию выполняют справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант» и др., но даже они не имеют оснований претендовать на полноту сведений обо всех законах, которые регламентируют деятельность судов, особенно с учетом «подвижности» законодательства, внесенная в него изменений и дополнений.

С прикладной точки зрения критикуемое положение означает, что штат каждого суда должен включать в себя как минимум одного специалиста, в функциональные обязанности которого входили бы отслеживание перечня законов, регулирующих деятельность данного суда, и обновление соответствующей информации на его официальном сайте. Однако насколько это необходимо в условиях, когда ту же работу, но гораздо более качественно, выполняют многочисленные коллективы IT-специалистов названных справочно-поисковых юридических систем? В современной России нецелесообразно требовать от каждого суда отслеживать изменения в законодательстве и корректировать соответствующую строку на официальном сайте. Указанное полномочие, на наш взгляд, нужно было бы возложить централизованно на Министерство юстиции РФ, либо Государственной Думе вообще следовало бы отказать от соответствующего законодательного требования. Конституционную цель повышения доверия граждан к судебной системе за счет обеспечения транспарентности информации о деятельности судов не следует, на наш взгляд, достигать бюрократическими методами [Левина 2019: 28], особенно потому что расцвет бюрократии как раз и способствует падению престижа публичной власти в глазах широкой общественности [Неретина 2020: 201].

Большое значение в механизме обеспечения доверия граждан к судебной власти имеет конституционный порядок назначения судей на должности и освобождения их от занимаемых должностей. Сравнение данных механизмов в современной и позднесоветской России показывает, что законодатель отказался от коллегиально-депутатской формы наделения судей полномочиями, предпочитая путь установления соответствующей компетенции главы государства для всех федеральных судов, кроме высших судебных инстанций (в последнем случае является необходимой реализация компетенции Совета Федерации как одной из палат федерального парламента при инициативном участии Президента РФ). Исключение из этого правила – порядок назначения мировых судей, имеющих смешанный статус судей судов общей юрисдикции и судей, входящих в систему государственной власти субъектов РФ. В связи

с этим порядок их назначения регулируется законодательством субъектов РФ, но рамки такого регулирующего воздействия определяются федеральным законом.

В современной России состав судей не должен подвергаться частой ротации как, например, депутатский корпус или чиновники исполнительно-распорядительного аппарата. Но имеется ряд исключений из общего правила: во-первых, пребывание в судейской должности ограничено предельным возрастом; во-вторых, на судей может быть наложено дисциплинарное взыскание в форме досрочного прекращения полномочий по решению органов судейского сообщества; в-третьих, лица, уполномоченные на назначение судей, при определенных обстоятельствах вправе принять решение и о досрочном прекращении полномочий назначенных лиц (данная концепция, в частности, проявила себя в ряде конституционных поправок 2020 г.) [Кряжков 2020].

Назначение значительного количества судей правовым актом Президента РФ с точки зрения института публичного доверия граждан к судебной власти имеет как достоинства, так и недостатки. Достоинством является то, что глава государства – всенародно избранное лицо, которое пользуется в силу этого значительным народным доверием. Кроме того, к числу преимуществ такой формы назначения судей на должности следует отнести блокирующее воздействие на процессы регионального и местного влияния на судей (судьи воспринимаются как федеральные представители власти, что гарантирует особое доверие к ним на местах). Вместе с тем сугубо президентская компетенция назначения судей на должности, лишённая какого-либо парламентского участия, вызывает критическую оценку, особенно с учетом того, что судьи высших судов (Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ) назначаются в другом порядке, что предполагает компетенцию Совета Федерации по окончательному решению данного кадрового вопроса [Костюков 2018].

Полагаем, что переход к единому механизму назначения федеральных судей по формуле «Президент РФ предлагает, Совет Федерации решает» в значительной степени позволил бы повысить доверие граждан к судебной системе. Гарантии конкурсного отбора судей

и защиту их от излишнего политического влияния конкурирующих политических партий можно было бы таким образом сохранить (в отличие от Государственной Думы, в Совете Федерации нет фракций, верхняя палата формируется вне избирательной системы и представляет собой лишь дополнительное средство профессионального отбора судей по их личным и деловым качествам). При этом в законодательстве можно было бы установить, что Президент РФ предлагает Совету Федерации для назначения на каждую из судебных должностей не менее двух кандидатур.

Данный механизм, конечно, «проигрывает» избирательной системе в достоинствах обеспечения прямого мандата народного доверия. Однако следует учитывать, что судебские должности не могут и не должны замещаться посредством всеобщих, равных, прямых и тайных выборов на срочной основе. В какой-то степени это было возможно в СССР [Мумлева 2011], потому что в тот период существовала только одна политическая партия, имевшая статус «руководящей и направляющей силы» советского общества. Все другие политические движения если и действовали, то на нелегальном или полуполуправильном положении. Если сегодня в России в качестве эксперимента установить выборность районных и городских судей судов общей юрисдикции, довольно быстро станут развиваться партийно-номенклатурные принципы отбора судей вместо критерия надлежащих личных и деловых качеств.

Полагаем также, что для повышения уровня доверия граждан к судебной системе следовало бы изменить порядок досрочного прекращения полномочий уже назначенных судей. Одной из важнейших гарантий независимости правосудия является альтернативный порядок досрочного прекращения полномочий, который не должен быть «зеркальным» отражением процедуры наделения судей соответствующими полномочиями. Так, назначают судей на должности, по сути, одновременно Совет Федерации и Президент РФ (при конструкции «Президент РФ предлагает, Совет Федерации решает»), причем ни один из этих двух органов не обладает правом самостоятельного решения данного вопроса кадровой политики, здесь действует принцип «двух ключей». В вопросе же досрочного прекращения полномочий конституционному законодателю, на наш взгляд, следовало бы пол-

ностью исключить какую-либо компетенцию и Совета Федерации, и главы государства. Уполномоченным здесь должно быть третье лицо, имеющее отношение к ветви судебной власти. В свое время в России предпринималась попытка создания Дисциплинарного судебного присутствия [Рамазанов, Эльдаров 2011]. Вероятно, более перспективной была бы передача соответствующей компетенции Конституционному Суду РФ, поскольку любой вопрос досрочного прекращения полномочий судьи без его воли в значительной степени приобретает конституционно-правовой характер. Решение подобных проблем не должно составлять компетенцию ни органов судебной системы, ни Верховного Суда РФ как лица, которое заинтересовано в разрешении соответствующих вопросов кадровой политики и не может быть «судьей в собственном деле» [Казанцев 2017: 26].

Предлагаемый нами конституционный порядок назначения на должности и освобождения от них судей федеральных судов на основе единой модели правового регулирования имеет и ряд других преимуществ, способствующих укреплению принципа независимости правосудия и доверия граждан к судам. Считаем это доказанным и не нуждающимся в дополнительном обосновании. Вместе с тем высказанное нами предложение имеет ряд негативных побочных эффектов. Следует обратить внимание на два из них: во-первых, остается открытым вопрос о круге субъектов права инициативы о досрочном прекращении полномочий судьи в Конституционном Суде РФ; во-вторых, становится институционально затруднительным досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда РФ по решению того же Конституционного Суда РФ. Полагаем, однако, что указанные затруднения можно было бы преодолеть с помощью соответствующих инструментов конституционно-правового регулирования общественных отношений.

Право инициативы досрочного прекращения полномочий судьи может принадлежать весьма широкому кругу лиц, что не предопределяет позицию Конституционного Суда РФ и не связывает его в принятии окончательного решения. С точки зрения механизма доверия граждан к судебной системе важно исключить сосредоточение соответствующей функции в рамках компетенции лишь одного органа или должностного лица (Пре-

зидента РФ, Генерального прокурора РФ, Верховного Суда РФ и др.). При этом, вне сомнения, правом возбуждения в Конституционном Суде РФ инициативы о досрочном прекращении полномочий федерального судьи (включая судью Конституционного Суда РФ) должны обладать и Президент РФ, и Генеральный прокурор РФ, и Верховный Суд РФ. В этом, на наш взгляд, нет какой-либо угрозы независимости правосудию. Напротив, так в конституционном демократическом процессе реализуется порядок разрешения публично-правовых конфликтов кадрового характера.

Если имеются основания для досрочного прекращения полномочий федерального судьи, причем они соответствуют букве и духу законодательства, таким основаниям должна быть дана юридическая оценка. Факты подобного рода не могут скрываться, умалчиваться и т. д. Если они стали известны Президенту РФ, то он юридически обязан обратиться с инициативой в Конституционный Суд РФ без какого-либо согласования с Генеральным прокурором РФ или Верховным Судом РФ. Если сведениями такого рода обладают Генеральный прокурор РФ или Верховный Суд РФ, то они, в свою очередь, должны выступить с соответствующей инициативой без какого-либо предварительного согласования вопроса с другими субъектами конституционных правоотношений.

Для обеспечения доверия граждан судам, с одной стороны, важно, чтобы процедура возбуждения производства о досрочном прекращении полномочий судьи была достаточно проста и прозрачна (чтобы исключить умалчивание фактов и обеспечить их последующую юридическую оценку), с другой – окончательное конституционное решение вопроса желательно поручить высокой судебной инстанции, которая гарантирует беспристрастность, отсутствие предопределенности кадрового решения и каких-либо предубеждений в отношении конкретных лиц. При этом считаем недопустимым с конституционно-правовой точки зрения возложение функции досрочного прекращения полномочий судьи на внесудебную инстанцию, включая палаты парламента страны. Подобной прерогативой с позиции конституционного принципа разделения властей может обладать только суд и никто более.

В завершение исследования обратим внимание на проблему институциональной ста-

бильности судебной системы. В вопросах публичного доверия важно поддерживать баланс между стабильностью институтов и ротацией кадров. Под институциональной стабильностью в данном контексте мы понимаем длительное действие соответствующих видов судов и юрисдикций, недопустимость произвольной модернизации судебной системы. Примечательно, что современный конституционный строй России не в полной мере соответствует этому условию. В частности, за период действия Конституции РФ был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ при сохранении системы арбитражных судов, а также ликвидированы (точнее, находятся на стадии ликвидации) конституционные (уставные) суды субъектов РФ. В условиях, когда суды соответствующих видов учреждаются и упраздняются, граждане склонны меньше доверять правосудию. Однако это, разумеется, не означает, что конституционный законодатель должен «законсервировать» механизм правового регулирования организации судебной власти и вообще исключить внесение в него каких-либо изменений. Здесь важна конституционная обоснованность соответствующих модернизаций.

Упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ произошло в правовой форме внесения поправок в Конституцию РФ и имело основной целью соединение функций Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ в границах компетенции одного лишь Верховного Суда РФ. Это не сопровождалось какими-либо социологическими исследованиями того, доверяют ли граждане и профессиональное сообщество судьям Высшего Арбитражного Суда РФ, насколько качественной выглядела сложившаяся в данном суде правоприменительная практика, и т. п. Конституционный законодатель, по сути, немотивированно отказался от института высшей судебной арбитражной инстанции, однако наделил соответствующим полномочием Верховный Суд РФ и тем самым не допустил, чтобы важная конституционная функция организационно-правового обеспечения деятельности арбитражных судов оказалась бы вне предметов ведения государственного аппарата.

Иначе выглядела ситуация в ходе конституционных поправок 2020 г., вследствие которых правовая система была вынуждена отказаться от конституционных судов республик в составе Федерации и уставных судов

других субъектов РФ [Митусова 2021]. Критики конституционной (уставной) юстиции в субъектах РФ часто приводили в качестве основного аргумента «пассивность» большинства субъектов РФ в учреждении подобных органов, особенно если речь шла не о республиках с титульной национальностью [Курятников 2021], но о других субъектах РФ (к 2020 г. уставные суды действовали только в трех таких регионах – в Санкт-Петербурге, Калининградской и Свердловской областях).

Вполне вероятно, что уставные суды и далее бы «не прижились» на юридической почве современного федерализма и местного самоуправления, однако конституционные суды республик в составе РФ, напротив, были весьма многочисленными, активно функционировали и играли свою роль в обеспечении доверия граждан к институтам власти и действиям государства. После упразднения республиканской конституционной юстиции образовалось «свободное пространство», которое не может быть заполнено ни конституционными советами, ни компетенцией федеральных судов общей юрисдикции, ни как-либо еще. Поэтому с определенной долей уверенности можно утверждать, что, потеряв один из эффективно работавших правозащитных институтов, среднестатистический избиратель стал меньше доверять публичной власти, что не может, на наш взгляд, позитивно сказываться на функционировании государства и права в целом.

«Подвижность» судебной системы в современной России достаточно прочно ограничена конституционными средствами:

1) в Конституции РФ прямо указано, что вопросы судебной системы не могут регламентироваться обычными федеральными законами, а только федеральным конституционным законом;

2) во многих случаях для изменения судебной системы требуются конституционные поправки (Высший Арбитражный Суд РФ было невозможно упразднить без внесения изменений в Конституцию РФ);

3) конституционный законодатель нередко стимулирует изменение судебной системы в конституционной форме вместо законодательной. Так получилось при упразднении конституционных (уставных) судов субъектов РФ, поскольку этот вопрос можно было

разрешить на уровне федерального конституционного закона, однако законодатель предпочел конституционные поправки. В результате в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ был закреплен перечень видов судов, входящих в судебную систему Российской Федерации, конституционные (уставные) суды указанная статья не упоминает. Правоприменительная практика истолковала этот перечень как исчерпывающий, что повлекло за собой их упразднение.

Данные обстоятельства, без сомнения, играют позитивную роль и способствуют тому, чтобы судебная система была относительно стабильной и не подвергалась излишне частым изменениям.

Вместе с тем интересы обеспечения доверия гражданского общества к институтам власти и действиям государства требуют дальнейшего совершенствования законодательства о судебной системе и статусе судей, чтобы путем применения конституционных средств гарантировать более высокий уровень независимости, профессионализма и ответственности судов перед обществом и государством. Здесь, напротив, желательны такие тенденции, как движение, изменение, модернизация, следование запросам времени. Суды не должны быть консервативными и отставать от развития общества. В противном случае они быстро потеряют народное доверие или (при его отсутствии или низком уровне), тем более, не смогут его приобрести.

К доверию граждан в судах должна «располагать» буквально каждая «мелочь», от внешнего вида зала судебных заседаний до поведения судей и судебного персонала. Известные Бангалорские принципы поведения судей, в частности, требуют, чтобы судья в своем поведении избегал всего, что может поставить под сомнение его объективность и беспристрастность. Судьи обязаны вести себя достойно и сообразно их статусу, понимать и учитывать социальные различия в обществе, подчеркивать свое равное отношение к участникам процесса, не допускать проявления эмоций, оскорбительных выражений и т. п.

Все это необходимые условия доверия граждан не только конкретному судье, но и судебной системе в целом, потому что су-

дья олицетворяет собой судебную власть и отправляет правосудие именем государства. Конституционный принцип несменяемости судей не может означать вседозволенность в поведении судейского корпуса, его недостойные представители должны, на наш взгляд, исключаться из числа представителей публичной власти. Но это возможно лишь при условии совершения значительно-

го проступка и систематичности неэтичного или противоправного поведения указанных должностных лиц. Произвольное лишение их полномочий представляет угрозу реализации другой важнейшей конституционной ценности – независимости правосудия. В конституционном государстве конкурирующие конституционные ценности нуждаются в соответствующем балансе.

Список литературы

- Абдулин Р. С. Проблемы формирования доверия к суду // Российский судья. 2020. № 11. С. 38–42. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-11-38-42.
- Абдулин Р. С. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: преемственность советского опыта организационного обеспечения деятельности судов и новизна // Genesis: исторические исследования. 2015. № 1. С. 162–196. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.1.13891
- Боброва Д. А. Имидж на доверии: о роли СМИ в процессе информирования общества о работе судов // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2020 года. Ростов н/Д: Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2020. С. 86–91.
- Бумагин А. Н. Публичность правосудия как форма социального контроля судебной власти и фактор общественного доверия к суду // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5. С. 20–23.
- Бухарев А. В. Учет внепроцессуальных обращений к судьям как мера профилактики коррупции в судах // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2015. № 5. С. 128–132.
- Воронцова И. В. Проблемы привлечения к ответственности за несоблюдение порядка в зале судебного заседания и проявление неуважения к суду // Современное право. 2019. № 11. С. 73–76. DOI: 10.25799/NI.2019.61.54.031.
- Долженко А. Н. Электронный документооборот – платформа эффективной судебной деятельности // Российское правосудие. 2019. № 9. С. 65–75. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.65-75.
- Жегулина М. А. Использование систем видеоконференцсвязи в судебном заседании // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 10. С. 7–9.
- Завьялова Т. В. Цель одна – стабильная, сбалансированная судебная практика, предсказуемость судебных актов и повышение доверия к суду // Судья. 2018. № 6. С. 4–9.
- Казанцев А. О. Право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (в контексте принципа «никто не может быть судьей в собственном деле») // Lex Russica. 2017. № 2. С. 26–31.
- Канатов А. К., Мунайбасов Н. М. Деонтологические основы повышения доверия к суду // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2015. № 1. С. 41–44.
- Кизирбозунц Т. М. Эффективность деятельности суда и личный авторитет судьи как основа доверия к институту суда в правовом государстве // Экономика и право. XXI век. 2017. № 2. С. 8–15.
- Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 97–108.
- Костюков А. Н. Двадцать пять лет конституционной государственности России // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6. С. 18–26.
- Кряжков В. А. Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32. DOI: 10.31857/S102694520011399-9.

Курытников В. В. Причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов РФ // Проблемы права. 2021. № 4. С. 26–31.

Левина А. В. Основные направления совершенствования борьбы с бюрократизмом в деятельности государственных служащих // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Оренбург, 23 января 2019 года. Оренбург: АМИ, 2019. С. 28–30.

Митусова И. А. Причины упразднения института конституционного (уставного) правосудия в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 58–60. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-58-60.

Мумлева М. И. Реализация принципа выборности судей по первым декретам советской власти о суде (1917–1918 годы) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. С. 155–158.

Неретина С. С. Бюрократия власти и власть бюрократии: рецензия на собрание сочинений В. П. Макаренко // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 201–208.

Носова А. А. Доверие к суду как показатель эффективности его деятельности // Трибуна ученого. 2020. № 12. С. 665–670.

Печегин Д. А. Информационные технологии в уголовной юстиции: зарубежные тенденции и проблемные аспекты // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 18–26. DOI: 10.52433/01316761_2021_9_18.

Рамазанов Г. С., Эльдаров Р. А. Учреждение Дисциплинарного судебного присутствия как необходимость повышения эффективности судебной защиты // Современное право. 2011. № 2. С. 100–101.

Рябцева Е. В. Организация противодействия коррупции среди мировых судей в Российской Федерации // Российская юстиция. 2021. № 9. С. 55–59. DOI: 10.52433/01316761_2021_9_55.

Шагиев Б. В. Проблемы функционирования Министерства юстиции РФ в системе разделения властей в России // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4. С. 59–63.

Алла Николаевна Гуторова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета. 305040, Российская Федерация, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94. E-mail: allagutorova@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0345-6903

Constitutional and Legal Support of People's Trust in the Judiciary

To ensure the confidence of citizens in the state, it is necessary to create such a mechanism in which all public authorities, including the judicial system, will enjoy the support of citizens. The main instruments that ensure the normal functioning of the court are the impartiality and independence of courts and judges, which should be regulated by constitutional and legal norms. Ensuring confidence in the judiciary is achieved through the use of a combination of professional and non-professional justice, public administration of justice, access to information about the activities of the courts, the constitutional procedure for appointment and dismissal, and requirements for the behavior of judges.

The author proceeds from the need to distinguish the trust of the population in the judicial system and in a particular judge, considering them as general and special. Ensuring openness and accessibility of information about court decisions seems to be one of the ways to ensure citizens' confidence in the judicial system. In the author's opinion, in modern Russia, this information is completely open and available. To increase public confidence and strengthen the principle of independence of justice, the author proposes a constitutional and legislative form of the procedure for appointing and dismissing judges of federal courts based on a unified model of legal regulation.

Keywords: judiciary, constitutional guarantees, publicity, independence of courts, public opinion, justice, irremovability of judges

Recommended citation

Gutorova A. N. Konstitutsionno-pravovoe obespechenie narodnogo doveriya k sudebnoi vlasti [Constitutional and Legal Support of People's Trust in the Judiciary], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 4–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_4.

References

Abduln R. S. Problemy formirovaniya doveriya k sudu [Problems of Formation of Trust in the Court], *Rossiiskii sud'ya*, 2020, no. 11, pp. 19–30, DOI: 10.18572/1812-3791-2020-11-38-42.

Abduln R. S. Sudebnyi departament pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii: preemstvennost' sovetского opyta organizatsionnogo obespecheniya deyatelnosti sudov i novizna [Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: Continuity of the Soviet Experience in Organizational Support of Courts and Novelty], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2015, no. 1, pp. 162–196, DOI: 10.7256/2409-868X.2015.1.13891.

Bobrova D. A. *Imidzh na doverii: o roli SMI v protsesse informirovaniya obshchestva o rabote sudov* [Image on Trust: on the Role of the Media in the Process of Informing Society about the Work of the Courts], *Reklama i svyazi s obshchestvennost'yu: traditsii i innovatsii* [Advertising and Public Relations: Traditions and Innovations]: conference papers, Rostov on Don, Rostov. gos. un-t putei soobshcheniya, 2020, pp. 86–91.

Bukharev A. V. Uchet vneprotsessual'nykh obrashchenii k sud'yam kak mera profilaktiki korruptsii v sudakh [Accounting for Non-Procedural Appeals to Judges as a Measure to Prevent Corruption in the Courts], *Vestnik Akademii General'noi prokuratury RF*, 2015, no. 5, pp. 128–132.

Bumagin A. N. Publichnost' pravosudiya kak forma sotsial'nogo kontrolya sudebnoi vlasti i faktor obshchestvennogo doveriya k sudu [Publicity of Justice as a Form of Social Control of the Judiciary and a Factor of Public Trust in the Court], *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Novye gumanitarnye issledovaniya*, 2014, no. 5, pp. 20–23.

Dolzhenko A. N. Elektronnyi dokumentooborot – platforma effektivnoi sudebnoi deyatelnosti [Electronic Document Management as a Platform for Efficient Judicial Activity], *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 9, pp. 65–75, DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.9.65-75.

Kanatov A. K., Munaytbasov N. M. Deontologicheskie osnovy povysheniya doveriya k sudu [Deontological Bases for Increasing Confidence in the Court], *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*, 2015, no. 1, pp. 41–44.

Kazantsev A. O. Pravo zakonodatel'noi initsiativy Konstitutsionnogo Suda RF (v kontekste printsipa «nikto ne mozhet byt' sud'ey v sobstvennom dele») [Right of Legislative Initiative of the Constitutional Court of the Russian Federation (in the Context of the Principle «No One Can Be a Judge in Their Own Case»)], *Lex Russica*, 2017, no. 2, pp. 26–31.

Kizirbozunts T. M. Effektivnost' deyatelnosti suda i lichnyi avtoritet sud'i kak osnova doveriya k institutu suda v pravovom gosudarstve [The Effectiveness of the Court and the Personal Authority of the Judge as the Basis of Trust in the Institution of the Court in a Legal State], *Ekonomika i pravo. XXI vek*, 2017, no. 2, pp. 8–15.

Kokotov A. N. Konstitutsionnyi printsip doveriya v praktike Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The Constitutional Principle of Trust in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2014, no. 5, pp. 97–108.

Kostyukov A. N. Dvadsat' pyat' let konstitutsionnoi gosudarstvennosti Rossii [Twenty-Five Years of the Constitutional Statehood of Russia], *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, 2018, no. 6, pp. 18–26.

Kryazhkov V. A. Kak konstitutsionnaya reforma 2020 goda izmenila Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii [How the Constitutional Reform of 2020 Changed the Constitutional Court of the Russian Federation], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 9, pp. 18–32, DOI: 10.31857/S102694520011399-9.

Kuryatnikov V. V. Prichiny uprazhneniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov sub'ektov RF [Reasons for the Abolition of Constitutional (Statutory) Courts of the Constituent Entities of the Russian Federation], *Problemy prava*, 2021, no. 4, pp. 26–31.

Levina A. V. *Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya bor'by s byurokratizmom v deyatel'nosti gosudarstvennykh sluzhashchikh* [The Main Directions of Improving the Fight Against Bureaucracy in the Activities of Civil Servants], *Problemy i perspektivy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva* [Problems and Prospects of Civil Society]: conference papers, Orenburg, AMI, 2019, pp. 28–30.

Mitusova I. A. Prichiny uprazhdeniya instituta konstitutsionnogo (ustavnogo) pravosudiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii [Reasons for the Abolition of the Institution of Constitutional (Statutory) Justice in the Constituent Entities of the Russian Federation], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2021, no. 11, pp. 58–60, DOI: 10.18572/1812-3767-2021-11-58-60.

Mumleva M. I. Realizatsiya printsipa vybornosti sudey po pervym dekretam sovetskoj vlasti o sude (1917–1918 gody) [Implementation of the Principle of Electing Judges According to the First Decrees of the Soviet Government on the Court (1917–1918)], *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi akademii prava*, 2011, no. 2, pp. 155–158.

Neretina S. S. Byurokратиya vlasti i vlast' byurokratii: retsenziya na sobranie sochinenii V. P. Makarenko [The Bureaucracy of Power and the Power of Bureaucracy: a Review of the Collected Works of V. P. Makarenko], *Sravnitel'naya politika*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 201–208.

Nosova A. A. Doverie k sudu kak pokazatel' effektivnosti ego deyatel'nosti [Confidence in the Court as an Indicator of the Effectiveness of its Activities], *Tribuna uchenogo*, 2020, no. 12, pp. 665–670.

Pechegin D. A. Informatsionnye tekhnologii v ugolovnoj yustitsii: zarubezhnye tendentsii i problemnye aspekty [Information Technologies in Criminal Justice: Foreign Trends and Problematic Aspects], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2021, no. 9, pp. 18–26, DOI: 10.52433/01316761_2021_9_18.

Ramazanov G. S., El'darov R. A. Uchrezhdenie Distiplinarnogo sudebnogo prisutstviya kak neobkhodimost' povysheniya effektivnosti sudebnoj zashchity [Establishment of the Disciplinary Judicial Presence as a Necessity to Improve Effectiveness of Judicial Protection], *Sovremennoe pravo*, 2011, no. 2, pp. 100–101.

Ryabtseva Ye. V. Organizatsiya protivodeystviya korrupsii sredi mirovykh sudey v Rossiiskoi Federatsii [Organization of Combating Corruption among Magistrates in the Russian Federation], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2021, no. 9, pp. 55–59, DOI: 10.52433/01316761_2021_9_55.

Shagiyev B. V. Problemy funktsionirovaniya Ministerstva yustitsii RF v sisteme razdeleniya vlastey v Rossii [Problems of the Functioning of the Ministry of Justice of the Russian Federation in the System of Separation of Powers in Russia], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, no. 4, pp. 59–63.

Vorontsova I. V. Problemy privlecheniya k otvetstvennosti za nesoblyudenie poryadka v zale sudebnogo zasedaniya i proyavlenie neuvazheniya k sudu [Problems of Bringing to Responsibility for Non-Observance of Order in the Courtroom and the Manifestation of Contempt of Court], *Sovremennoe pravo*, 2019, no. 11, pp. 73–76, DOI: 10.25799/NI.2019.61.54.031.

Zav'yalova T. V. Tsel' odna – stabil'naya, sbalansirovannaya sudebnaya praktika, predskazuyemost' sudebnykh aktov i povyshenie doveriya k sudu [The Goal is the Same – Stable, Balanced Judicial Practice, Predictability of Judicial Acts and Increasing Confidence in the Court], *Sud'ya*, 2018, no. 6, pp. 4–9.

Zhegulina M. A. Ispol'zovanie sistem videokonferentsyvyazi v sudebnom zasedanii [The Use of Videoconferencing Systems in a Court Session], *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik*, 2018, vol. 3, no. 10, pp. 7–9.

Alla Gutorova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Southwest State University. 305040, Russian Federation, Kursk, 50 Let Oktyabrya str., 94. E-mail: allagutorova@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-0345-6903

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 06.12.2022

Ж. И. Овсеян

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону)

**МОДИФИКАЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКО-ПАРЛАМЕНТСКОЙ
ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА НОВЕЛЛ
ЗАКОНА РФ О ПОПРАВКЕ К КОНСТИТУЦИИ РФ 2020 г.)**

На основе анализа Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г., Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» 2020 г., стратегических указов Президента РФ, других новейших российских законодательных актов и научной доктрины исследуются модификации формы правления России.

Проведен анализ изменений в соотношении признаков президентской и парламентской республик в форме правления России по таким критериям, как конституционное регулирование президентских выборов в РФ и порядка формирования Правительства; особенности формирования новой модели взаимоотношений Правительства РФ и Государственной Думы; новеллы конституционно-правового регулирования соотношения президентских и парламентских полномочий в сфере контроля деятельности Правительства РФ. Высказываются авторские суждения по вопросам о совместимости с президентско-парламентской формой правления в Российской Федерации практик «рационализованного парламентаризма» и «делегированного законотворчества».

Ключевые слова: суверенитет, глобализация, основной публичный правопорядок, президентско-парламентская форма правления, «рационализированный парламентаризм», «делегированное законотворчество», сдержки и противовесы, разделение властей

Для цитирования

Овсеян Ж. И. Модификации президентско-парламентской формы правления в Российской Федерации (на основе анализа новелл Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г.) // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 19–31. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_19.

УДК 342.33

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_19

Введение. На развитие современного государства и права, в том числе российского, значительное влияние оказывает состояние мироустройства. Характеризуя этап цивилизационного развития в первые десятилетия XXI в., можно сказать следующее: наблюдаются конкуренция процессов глобализации и суверенизации, перехода от однополярного мира к многополярному; значительно расширяется круг субъектов международно-правовых отношений, нередко конкурирующих между собой (это не только национальные государства, но и транснациональные корпорации (ТНК). Происходит информационная и научно-технологическая революция, в между-

народную экономическую деятельность вступили и ТНК, занятые в сфере IT-технологий.

Наконец, на современное мироустройство влияют последствия распада Союза ССР в 1991 г. К признакам мироустройства с 2019 г. относятся также возникновение пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) и угрозы появления новых ее штаммов, вероятность рукотворного происхождения этой инфекции.

В контексте указанных выше характеристик необходимо рассмотреть новейшие реформы национального государства и права, ответить на вопрос о востребованности этих преобразований. Предварим анализ определением соотношения понятий государства

и права. Прежде всего это неразрывно связанные парные категории, но в российской науке все еще недостаточное внимание уделяется анализу синтетического аспекта этой корреляции. Согласно идее Ганса Кельзена, которая является устоявшейся в политико-правовой практике стран Западной Европы, государство есть основной публичный правопорядок.

Выдающийся вклад Г. Кельзена в развитие научной теории и практики специалисты видят в том, что его учение о государстве как правопорядке обеспечивает новое понимание, связанное с преодолением дуализма в характеристике соотношения государства и права [Зинковский, Калиш 2015: 39]. Г. Кельзен выводил свое определение государства, основываясь на нескольких логических посылах. Ученый, во-первых, исходил из определения права с позиций нормативистской теории как принудительного правопорядка, во-вторых – учитывал, что принуждение в праве обеспечивается государством [Антонов 2013]. В-третьих, опираясь на определение правопорядка как системы норм, Г. Кельзен отмечал, что причина действительности одной нормы (*нижестоящей*) всегда кроется в другой норме (*вышестоящей*). При этом «каждая вышестоящая норма является источником для нормы нижестоящей» [Котов 92]. «Выстраивая таким образом иерархическую структуру национального правопорядка» [Там же: 92–93], Г. Кельзен представлял в качестве вершины национального права конституцию [Там же: 93].

Из трех приведенных выше посылок следуют актуальная характеристика государства как основного публичного правопорядка и заключение о том, что модификации государства связаны с реформами его основного закона. Сегодня расширяется практика внесения новелл в конституции многих национальных государств в целях расширения гарантий сохранения национально-культурных идентичностей и государственных суверенитетов.

Современное состояние мира оказывает заметное влияние прежде всего на форму государства (форму правления, форму государственного устройства) и его функции. Одному из элементов формы государства – форме правления – посвящено настоящее исследование, выполненное на основе анализа Закона РФ о поправке к Конституции Россий-

ской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке к Конституции РФ 2020 г.) и научной доктрины.

Форма правления и разделение властей широко исследуются в юриспруденции (в теории государства и права, в истории политических и правовых учений, в конституционном праве – прежде всего в конституционно-правовой компаративистике), а также в политологии, исторической науке, философии и др. Так, в юриспруденции разделение властей (в контексте исследования статуса главы государства, президента как главы государства) анализируется в научных трудах С. А. Авакьяна, М. В. Баглая, К. С. Бельского, А. Б. Венгерова, Г. В. Дегтева, О. Е. Кутафина, В. В. Маклакова, Д. Ю. Скуратова, В. Е. Чиркина, Б. С. Эбзеева и других авторов. Эта тема широко представлена и в публицистике. В науке конституционного права России среди крупных работ, посвященных вопросам российской модели формы правления и разделения властей, можно особо отметить докторскую диссертацию Г. Н. Чеботарева [Чеботарев 1997], монографию Д. А. Авдеева [Авдеев 2015], ряд трудов иных российских авторов. К этой теме обращалась и автор настоящей статьи [Овсепян 2006]. Однако исследования модификаций формы правления в России в связи с принятием Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. находятся на начальных этапах, что и объясняет актуальность настоящей статьи.

В компаративистских научных исследованиях отмечается, что «термин „форма правления“ содержится во многих конституциях стран мира. В ряде основных законов этот термин отсутствует, но они почти всегда закрепляют основной принцип формы правления: монархия или республика» [Сравнительное конституционное право 1996: 454]. В монархический период российской истории в Высочайше утвержденных основных государственных законах от 23 апреля 1906 г. было закреплено, что «императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть» (ст. 1), однако в последующем говорилось, что «указы и повеления государя императора, в порядке верховного управления или непосредственно им изда-

ваемые, скрепляются председателем Совета министров или подлежащим министром либо главноуправляющим отдельную частью и обнародуются Правительствующим сенатом» (ст. 26). В современной научной теории признано, что институт подписания актов главы государства (монарха либо президента) ответственным министром – показатель парламентской формы правления, а также фактор, нуллифицирующий полномочия главы государства, даже если они формально-юридически являются широкими.

В Конституции РФ понятие формы правления прямо употребляется в самом начале: ч. 1 ст. 1 гласит, что Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В научной литературе считается, что в российской форме правления присутствуют признаки и президентской, и парламентской форм правления, и это позволяет говорить о смешанной модели. Распространено мнение о том, что поскольку преобладают признаки президентской формы, то смешанная форма правления в современной России представлена такой ее разновидностью, как президентско-парламентская республика. С принятием Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. президентско-парламентская форма правления в России сохраняется, но претерпевает интересные модификации. Они делают российскую систему разделения властей более функциональной, обеспечивают значительное усиление президентских позиций в системе исполнительной власти, что связано с новеллами в порядке замещения президентской должности и с расширением президентских полномочий в сфере конституционного контроля, новеллами во взаимоотношениях Президента РФ и Государственной Думы по поводу конституционного контроля деятельности Правительства РФ.

Особенности организации исполнительной власти в РФ, предусмотренные Законом о поправке к Конституции РФ 2020 г.

На внесение в Конституцию РФ изменений в 2020 г. повлияла обострившаяся конкуренция процессов глобализации и суверенизации. Прежде всего следует вновь отметить, что со времени принятия Конституции РФ в 1993 г. и после ее корректировки в 2020 г. в РФ сохраняется смешанная (гибридная) президентско-парламентская форма правления.

Об актуальности сильных президентских позиций в российской модели разделения властей и неприемлемости для России доминирования признаков парламентской формы правления в период обсуждения проекта Конституции РФ писал С. С. Алексеев, по мнению которого «глава государства – это глава. Его ответственность – за целостность государства. Он принимает меры, чтобы работал весь аппарат, предотвращает разного рода кризисные ситуации, напрямую курирует Правительство» [Алексеев 1995: 105]. По общей оценке С. С. Алексеева, идея президентского начала как главенствующего проходила красной нитью в проекте Конституции РФ, представленной на референдум в 1993 г. [Там же].

М. В. Баглай выделяет приоритет усмотрения Президента РФ в системе исполнительной власти. Ученый пишет: «Анализ полномочий Президента РФ и Правительства РФ дает все основания считать главой исполнительной власти Российской Федерации именно Президента РФ, а не председателя Правительства или Правительство РФ в целом. Поэтому когда утверждают, что Правительство РФ является высшим органом исполнительной власти, то необходимо принимать во внимание известную условность такого утверждения. Оно (Правительство. – Ж. О.) может рассматриваться как высший орган исполнительной власти в том смысле, что является единственным коллегиальным органом, имеющим компетенцию в сфере исполнительной власти и право руководить всеми органами исполнительной власти» [Баглай 2012: 62–63].

В связи с принятием Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. произошло усиление единоначалия в форме правления по ряду параметров. В дополнение к ранее введенной новелле (2008 г.), увеличившей срок президентских полномочий с четырех до шести лет, были предусмотрены новые условия замещения президентской должности. В их числе: а) более высокий ценз «оседлости» – проживание в Российской Федерации не менее 25 лет; б) наличие гражданства «по рождению» – отсутствие ранее гражданства иностранного государства, либо вида на жительство, либо иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства (ч. 2

ст. 81 Конституции РФ); в) запрет открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 81); г) запрет одному и тому же лицу занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков, исключение слова «подряд» (ч. 3 ст. 81). При этом положение ч. 3 ст. 81 применяется к лицу, занимавшему и (или) занимающему должность Президента Российской Федерации, без учета числа сроков, в течение которых оно занимало и (или) занимает эту должность на момент вступления в силу поправки к Конституции РФ, вносящей соответствующее ограничение (ч. 3.1 ст. 81 Конституции РФ).

Предоставлению возможности занимать должность Президента РФ лицу, занимавшему или занимающему ее, даются различные оценки, в частности связанные с либерально-демократическими взглядами. Так, в одном из вопросов, заданных С. А. Авакьяну в интервью в журнале «Закон», было отмечено, что указанная норма может быть угрозой «для демократической сменяемости власти... особенно в условиях концентрации значительных властных полномочий в руках Президента РФ». Однако С. А. Авакьян считает, что «правление страной – ответственное дело, которое надо поручить тому, кто справится... ведь победу надо одержать на выборах и в честной борьбе». Он приводит в пример президентские выборы в России в 2019 г., когда «кандидата в президенты РФ могла бы выдвинуть политическая партия, и не надо было бы собирать подписи в поддержку выдвижения», но «действующий глава государства предпочел собрать подписи избирателей, что и было сделано, и обвинений в нарушении избирательных процедур не было» [Авакьян 2020: 13].

С позиций научной теории, по-нашему мнению, рассматривать вопрос нужно с отмеченной нами проблемы обеспечения государственного суверенитета и истории возникновения суверенитета как научной доктрины и государствоведческой практики. Известно, что Ж. Боден – автор учения о суверенитете, характеризовавший суверенитет как существенный признак государства, на основе которого возможно совершенствование государственного управления, – являлся идеоло-

гом абсолютизма. Он обосновал связь учения о суверенитете с развитием идей абсолютизма и управления. Суверенитет, по логике Ж. Бодена, – государствообразующая категория. Высокая востребованность идеи о государственном суверенитете в период глобализации, конечно, не предполагает возвращения к средневековому абсолютизму, однако очевидно связана со значительным усилением единоначалия в государственном управлении.

Вернемся к новеллам, связанным с расширением полномочий Президента Российской Федерации в сфере исполнительной власти как фактором, влияющим на модификацию формы правления в России. Так, наряду с должностью Президента в РФ сохраняется должность председателя Правительства РФ, подтверждается ее высокая значимость: Конституцией установлен особый порядок назначения на должность и прекращения полномочий председателя Правительства; закреплено его полномочие представлять Президенту предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти и представлять Государственной Думе кандидатуры заместителей председателя Правительства и федеральных министров; председатель Правительства «организует работу Правительства» (ст. 111, чч. 1, 2 ст. 112, ст. 113). Как известно, наличие должности премьер-министра, как и отсутствие должности вице-президента, являются признаками парламентской республики. В связи с этим увеличение количества норм о статусе председателя Правительства РФ свидетельствует о наличии признаков парламентской формы правления в России.

Вместе с тем в 2020 г. в Конституцию РФ было добавлено и много новых норм о статусе Президента РФ; впервые сказано, что Президент РФ не только вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации, но и осуществляет общее руководство Правительством РФ и исполнительной властью, которую осуществляет Правительство РФ (пп. «б», «в¹» ст. 83, ч. 1 ст. 110). Председатель Правительства несет персональную ответственность перед Президентом Российской Федерации за осуществление возложенных на Правительство Российской Федерации полномочий (ст. 113). Президент РФ не только назначает председателя Правительства, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Пре-

зидента РФ, но и освобождает председателя Правительства от должности (п. «а» ст. 83).

До принятия Закона о поправке к Конституции в 2020 г. в Конституции РФ говорилось только о коллегиальной ответственности Правительства перед Президентом. Особенность новой концепции конституционного регулирования заключается в том, что была закреплена и индивидуальная ответственность органов и должностных лиц исполнительной власти перед Президентом РФ. Т. Я. Хабриева и А. А. Клишас обращают особое внимание на значимость этой новеллы: «...Солидарная ответственность Правительства РФ... предполагала, что при неодобрении проводимой им социально-экономической политики в целом или результатов деятельности его отдельных членов как Президентом так и Государственной Думой уходят в отставку все члены Правительства» [Хабриева, Клишас 2020: 143–144]. Между тем «переназначение всех членов Правительства влечет большие издержки, связанные с приостановлением деятельности высшего органа исполнительной власти. Конституционная новелла привносит стабильность в работу Правительства и иных федеральных органов исполнительной власти и касается только случаев, когда основания применения мер такой ответственности затрагивают исключительно председателя Правительства» [Там же: 144].

Рассмотренные выше изменения свидетельствуют об усилении признаков президентской формы правления, что соответствует традициям единоначалия в России. Обращает на себя внимание эволюция правового регулирования, связанная с введением в Конституцию общей формулировки о распределении полномочий руководства в системе исполнительной власти. В силу ч. 3 ст. 110 Правительство РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации. Однако бесспорно доминирует президентское управление: председатель Правительства в РФ – это высокопоставленное должностное лицо, которое функционирует в составе правительственной коллегии, полностью подчинено Президенту Российской Федерации, осуществляет свою деятельность в соответствии с его полити-

ческой волей. В Конституции РФ не предусмотрено издание самостоятельных правовых актов председателя Правительства, упоминаются только правовые акты Правительства в целом – постановления и распоряжения (ч. 2 ст. 115). В 2020 г. установлено требование о соответствии постановлений и распоряжений Правительства РФ не только Конституции, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента РФ, но и поручениям Президента РФ (ч. 1 ст. 115).

Усиление в РФ президентского единоначалия заключается и в том, что функции Президента не ограничиваются сферой исполнительной власти, не исчерпываются руководством деятельностью Правительства. Согласно Федеральному конституционному закону от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» Президент РФ «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие Правительства РФ и иных органов, входящих в единую систему публичной власти» (п. 3 ст. 1).

«Рационализированный парламентаризм» и «делегированное законотворчество», их совместимость с президентско-парламентской формой правления в Российской Федерации

В странах, где конституционно учреждена система «рационализированного парламентаризма» (например, во Франции), исполнительная ветвь наделяется автономной по отношению к законодателю регламентарной властью. Последнее означает, что глава правительства (иногда – глава государства) обладает полномочиями на издание регламентарных актов, которые «де-факто выходят на один уровень с законами» [Овсепян 2006: 217]. Поскольку в таких государствах компетенция по предметам ведения распределена между органами законодательной и исполнительной власти, дублирования нормативных правовых актов законодательной и исполнительной власти, возможного в странах, где предметы ведения законодательной и исполнительной ветвей власти в соответствии с конституциями устанавливаются в общем перечне, при данной модели разделения властей не происходит [Там же].

В российской форме правления нет признаков системы «рационализированного парламентаризма»: в Конституции РФ отсутствует предметная дифференциация полномочий

федеральной законодательной и исполнительной власти. Конституция РФ не наделяет Правительство РФ (главу Правительства, как, кстати, и Президента РФ) регламентарной властью. Иными словами, у Правительства РФ нет собственных, автономных от Федерального Собрания (парламента) РФ, предметов ведения, которые соотносились бы с полномочиями этого органа власти и в соответствии с которыми правовое регулирование осуществлялось бы только актами Правительства РФ, как нет и актов Правительства, которые бы принимались по вопросам, отнесенным Конституцией к области законодательного регулирования. Согласно Конституции РФ все акты Правительства РФ имеют только подзаконный характер и должны соответствовать правовым актам, издаваемым Президентом РФ.

В российской форме правления нет признаков системы «рационализированного парламентаризма»: в Конституции РФ отсутствует предметная дифференциация полномочий федеральной законодательной и исполнительной власти.

В ст. 71–73 Конституции РФ предусмотрено «вертикальное» разделение властей – разграничение полномочий между Федерацией и ее субъектами без прямого указания на то, идет ли при этом речь о разграничении предметов ведения и полномочий «по вертикали» государственного устройства только в законодательной сфере, либо и в сфере функционирования исполнительной власти. Разъяснения о том, предметы ведения и полномочия какой из ветвей власти (законодательной или исполнительной) зафиксированы в ст. 71–73 Конституции РФ, очевидно, следует искать в ст. 76 Конституции. В ней установлено, что нормативными актами, посредством которых реализуются полномочия Федерации в сфере федерального и совместного (РФ и субъектов РФ) ведения, являются только федеральные конституционные законы и (или) федеральные законы. Интересно в связи с этим провести сравнение с нормативными актами, посредством которых субъекты Российской Федерации реализуют полномочия в сфере совместного ведения, и остаточ-

ные полномочия, находящиеся вне пределов ведения РФ и совместного ведения субъектов РФ: это не только законы субъектов РФ, но и иные нормативные правовые акты субъектов РФ (п. 2 ст. 76 Конституции РФ).

Хотя в Конституции не признаются регламентарные полномочия исполнительной власти, однако Конституционный Суд РФ подтвердил соответствие Конституции РФ известного и за рубежом «делегированного законотворчества» (в России – президентского), практика которого сложилась в РФ в 1992–1999 гг. Так, Конституционный Суд РФ указал, что по не урегулированным законодателем вопросам, которые отнесены ст. 71 Конституции РФ к ведению РФ, а именно по тем, которые касаются системы федеральных органов исполнительной власти, Президент Российской Федерации может издавать указы, которые не должны противоречить Конституции Российской Федерации и федеральным законам¹.

Тенденции в развитии формы правления в РФ связаны с расширяющейся и стабилизирующейся практикой издания указов Президента РФ и основанных на них постановлений Правительства РФ, посвященных вопросам стратегического долгосрочного планирования. Президент РФ вправе издавать такого рода указы (об утверждении доктрин, стратегий, концепций, программ развития и т. д.) в силу компетенции (полномочий), которая закреплена за ним в Конституции РФ. Части 1–3 ст. 80 гласят, что Президент РФ является главой государства, гарантом прав и свобод, принимает меры по охране суверенитета РФ, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие всех органов публичной власти, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства и т. д. Кроме того, соответствующая практика опирается на Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 31 декабря 2017 г.) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Подобного рода президентские указы не имеют силы закона, однако во многом представляют собой программы законотворческой деятельности, имеют высокий авторитет в государственной деятельности.

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 2-П по делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

По нашему мнению, исследования статуса Президента РФ в части, касающейся его стратегических полномочий, приобретают большую актуальность в контексте обеспечения единства государственно-правового пространства. Целесообразно ввести термин «стратегические полномочия Президента РФ» в понятийный аппарат юриспруденции.

Изменения в порядке формирования состава Правительства

С принятием Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. модифицируется механизм сдержек и противовесов во взаимоотношениях Президента РФ, Государственной Думы РФ и Правительства РФ. Сокращаются президентские полномочия в сфере министерских назначений в состав Правительства и параллельно расширяется компетенция Президента РФ по вопросам о досрочном прекращении полномочий членов Правительства, ранее утвержденных на должность решением Государственной Думы.

Так, сдерживание президентских полномочий в системе взаимоотношений с Государственной Думой и председателем Правительства, очевидно, можно усмотреть в том, что сокращены полномочия Президента РФ и, напротив, укреплен статус Государственной Думы в процедуре формирования Правительства: Президент представляет Государственной Думе кандидата на должность председателя Правительства РФ, но назначает председателя Правительства только *после утверждения* последнего Государственной Думой. Для сравнения: ранее, до принятия Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г., Президент назначал на пост председателя Правительства *с согласия* Государственной Думы (ч. 1 ст. 111 Конституции РФ с изм. и доп. 2014 г.). Новелла вызвала недоумение и критику. Думается, что закрепление обязанности Президента назначать членов Правительства, утвержденных Государственной Думой, отражает прием юридической техники: если нет права назначения, то не может быть и права освобождения от должности в системе исполнительной власти, которое Закон о поправке к Конституции РФ 2020 г. Президенту РФ предоставляет.

В соответствии с Конституцией Президент РФ назначает заместителя председателя Правительства и федеральных министров, но этому назначению также предшествует ут-

верждение соответствующих кандидатур Государственной Думой РФ. При этом Президент РФ не вправе отказать в назначении на должность заместителей председателя Правительства РФ и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой» (ч. 4 ст. 112 Конституции). Кроме того, кандидатуры заместителей председателя Правительства РФ и федеральных министров, за исключением федеральных министров и руководителей служб силового блока, а также министра иностранных дел, поскольку они непосредственно подчинены Президенту РФ¹, председатель Правительства РФ представляет на утверждение не Президенту, а Государственной Думе (чч. 2, 3 ст. 112 Конституции). Эта новелла увеличивает количество признаков парламентской республики в России, поскольку в таких ситуациях, как считают специалисты, основывающиеся на опыте компаративистских исследований, Правительство приобретает новое качество: «располагает доверием (поддержкой) нижней палаты парламента (или даже обеих палат)» [Современное буржуазное государственное право 1987: 52]. Для сравнения нового и предыдущего регулирования в России обратимся к Конституции РФ в редакции 1993 г. (с изм. и доп. 2008–2014 гг.). Согласно ей Президент назначал членов Правительства РФ (социально-экономический блок) без всякого участия Государственной Думы, по предложению кандидатур председателем Правительства РФ (ч. 2 ст. 112).

Однако, как указывалось ранее, предложения о структуре федеральных органов исполнительной власти председатель Правительства представляет Президенту (ч. 1 ст. 112 Конституции РФ в ред. 2020 г.). В Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» сохранена прежняя формулировка, обеспечивающая ведущую роль Президента РФ в системе взаимоотношений с Государственной Думой. Согласно ей сроки деятельности Правительства РФ соотносятся со сроками президентских, а не парламентских полномочий; Правительство

¹ Президентский блок министерств определен в Указе Президента РФ от 21 января 2020 г. № 21 (с изм. и доп. от 20 октября 2022 г.) «О структуре федеральных органов исполнительной власти».

Российской Федерации слагает свои полномочия перед вновь избранным Президентом Российской Федерации» (ч. 1 ст. 34 ФКЗ).

Парламентский контроль деятельности Правительства в Российской Федерации

В первоначальной редакции Конституции РФ контрольные полномочия Федерального Собрания РФ были сведены к минимуму. Однако в дальнейшем нормы о контрольных полномочиях Государственной Думы и Совета Федерации в Основном закон были включены (с принятием Законов о поправках к Конституции РФ 2008 и 2020 гг.).

К компетенции Государственной Думы Конституция РФ в первоначальной редакции отнесла полномочие заслушивать представленный Правительством РФ отчет об исполнении федерального бюджета (п. «а» ч. 1 ст. 114). Закон РФ о поправке к Конституции от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ» также закрепил за Государственной Думой компетенцию заслушивать представляемые Правительством РФ ежегодные отчеты о результатах деятельности Правительства, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции). Обратим внимание на то, что хотя в наименовании Закона о поправке к Конституции РФ 2008 г. было включено словосочетание «контрольные полномочия Государственной Думы», но в Конституции оно тогда не упоминалось [Овсепян 2020: 610]. В Федеральном законе от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» соответствующие полномочия Государственной Думы и Совета Федерации получили широкое закрепление. В п. 2 ст. 5 Закона сказано о проведении палатами Федерального Собрания РФ, комитетами палат Федерального Собрания, Счетной палатой РФ мероприятий по осуществлению предварительного парламентского контроля, текущего парламентского контроля и последующего парламентского контроля в сфере бюджетных правоотношений.

Принятие Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г. стало новым этапом в конституционной легитимации функции парламентского контроля: впервые в текст Конституции РФ включено понятие «парламентский контроль» и выделяется один из важнейших его видов – право парламентского запроса. В от-

личие от депутатского запроса как индивидуального обращения депутата либо сенатора, парламентский запрос является коллективным обращением палаты в целом – Совета Федерации либо Государственной Думы – к «руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц» в порядке осуществления парламентского контроля (ст. 103.1 Конституции РФ). Ответ дается в устной или письменной форме на заседании соответствующей палаты не позднее чем через 15 дней со дня получения парламентского запроса или в иной установленный соответствующей палатой Федерального Собрания срок¹. В 2020 г. получила закрепление такая форма осуществления Государственной Думой контроля, как заслушивание ежегодных отчетов Центрального Банка Российской Федерации (п. «г1» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ).

В ряду полномочий Государственной Думы, которые одновременно могут быть охарактеризованы и как кадровые, и как полномочия в сфере конституционного контроля, – осуществление назначений в состав Счетной палаты. Государственная Дума назначает на должность заместителя председателя Счетной палаты (до марта 2020 г. назначала председателя Счетной палаты) сроком на шесть лет по представлению Президента Российской Федерации. Председатель Счетной палаты досрочно освобождается от должности решением Государственной Думы по указанным в Федеральном законе основаниям. Также Государственная Дума и Совет Федерации назначают по шесть аудиторов сроком на шесть лет по представлению Президента Российской Федерации в состав Счетной палаты².

Новеллы в конституционном регулировании российской системы сдержек и противовесов

Система сдержек и противовесов в конституционном праве является одним из квалифицирующих признаков модели формы правления. В Российской Федерации ме-

¹ Федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (в ред. от 22 декабря 2020 г. № 440-ФЗ) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

² Статья 7, п. 4 ст. 9 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ (в ред. от 29 мая 2019 г.) «О Счетной палате Российской Федерации».

ханизм сдержек и противовесов устраняет прежде всего возможные проблемные вопросы взаимодействия Президента с Государственной Думой, «снимает» разногласия по вопросам формирования Правительства и по поводу оценок его деятельности. В целом в регулировании конституционно-правового статуса Президента РФ в его взаимоотношениях с Государственной Думой РФ (основным законодателем в парламентской системе) учтена зарубежная практика функционирования парламентских режимов, в частности опыт французского парламентаризма, предостерегающий о недопустимости преобладания парламента над правительством, поскольку «злоупотребления властью со стороны парламента неизбежны» [Современное буржуазное государственное право 1987: 54]. В России же Президент выступает органом, способным сдерживать действия Государственной Думы.

В РФ предусмотрены две разновидности системы сдержек и противовесов как показатели парламентской формы: Государственная Дума может выразить недоверие Правительству РФ (ч. 3 ст. 117 Конституции РФ) и может рассматривать вопрос о доверии Правительству РФ (ч. 4 ст. 117 Конституции РФ 1993 г.). Как мы уже отмечали, «общим для обеих этих процедур является то, что это формы парламентского контроля за деятельностью Правительства, формы парламентской оценки его деятельности. Кроме того, объединяет эти процедуры и то, что рассмотрение вопроса о доверии Правительству РФ (второе из полномочий Государственной Думы) может завершиться не только подтверждением доверия Правительству, но и отказом в доверии (т. е. выражением недоверия, но на основе несколько иной процессуальной формы). В обоих случаях указанные контрольно-оценочные полномочия Государственной Думы имеют ограниченный характер. Государственная Дума не компетентна принимать окончательные решения о судьбе Правительства, которому она не доверяет. В ситуации, когда Государственная Дума выражает недоверие Правительству (либо отказывает ему в доверии), окончательно судьбу Правительства, как и самой Государственной Думы данного созыва, решает Президент РФ» [Овсепян 2020: 610].

Разница между выражением недоверия Правительству и отказом в доверии Правительству кроется в процессуальной форме:

процедура выражения недоверия Правительству инициируется самой Государственной Думой, ее депутатами (ч. 3 ст. 117 Конституции РФ), между тем как рассмотрение вопроса о доверии Правительству (которое может завершиться и отказом в доверии) инициируется Правительством. Согласно ч. 4 ст. 117 Конституции РФ председатель Правительства РФ может поставить перед Государственной Думой вопрос о доверии Правительству РФ. Выражение недоверия – более затяжная процедура. Вопрос следует рассмотреть (и провести голосование) в Государственной Думе дважды, с разрывом в три месяца. Государственная Дума выражает недоверие, а через три месяца его подтверждает; только тогда Президент вправе осуществить свою конституционную компетенцию: либо отправить в отставку Правительство, либо распустить Государственную Думу. В отличие от выражения недоверия, отказ в доверии занимает более короткое время, четко определенное в Конституции РФ.

В научной литературе обсуждается вопрос об идентичности российской системы разделения властей и механизма сдержек и противовесов. Так, Т. Я. Хабриева и Н. Н. Черногор приводят интересную оценку формы правления в России, данную Венецианской комиссией Совета Европы, которая в своем заключении о принятой в России Конституции указала, что «российская модель, несмотря на определенное сходство с французской... являлась уникальной, в силу чего какие-либо выводы о характере президентской власти в стране предполагалось сделать по результатам конституционной практики...» [Хабриева, Черногор 2020: 70]. Новая (после 2020 г.) практика, о которой упоминала Венецианская комиссия, по оценкам Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черногора, получила «более точную надстройку, поскольку в этом механизме (в механизме разделения законодательной и исполнительной власти. – Ж. О.) очень важны не столько элементы сдерживания, сколько элементы сотрудничества и взаимодействия» [Там же: 71].

Б. С. Эбзеев придерживается аналогичной позиции, дополняя ее оригинальными характеристиками истории становления современной российской модели формы правления. Он отмечает, что со времени принятия Конституции в 1993 г. конституционное содержание принципа разделения властей прежде всего

сводилось к исключению противоборства властей и к обеспечению стабилизирующей роли этого принципа [Эбзеев 2020: 15].

В связи с исследованиями судебного конституционного контроля как ветви власти мы в свое время сделали заключение о механизме взаимодействия разделенных властей, который определили как механизм взаимодействия, конкуренции и взаимного сдерживания властей, а именно взаимодействия посредством корреспондирующих организационно-правовых форм их деятельности. По нашему мнению, условием взаимодействия органов, представляющих разные ветви власти, является наличие у каждого органа, идентифицируемого с конкретной ветвью власти, компетенций, реализуемых в различных организационно-правовых формах деятельности, т. е. путем нормотворчества, на основе позитивного правоприменения и в ходе правоохранительной деятельности. Еще одно условие взаимодействия: содержание и пределы правотворческой, правоприменительной и правоохранительной компетентности каждого из соответствующих органов государственной власти должны отражать особенности целевого назначения той или иной ветви власти, специализацию органов в системе разделения властей [Овсепян 1992: 23, 24].

В связи с расширением полномочий и Президента РФ, и Федерального Собрания РФ, осуществленным при перевесе президентских полномочий, в том числе в сфере формирования Правительства и соотношения полномочий президентского и парламентского конституционного контроля деятельности Правительства РФ, возникают вопросы о том, в какой мере современная модель разделения властей в России снабжена системой сдержек и противовесов. Ответы на эти вопросы даны в Заключении Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3. Согласно правовым позициям Конституционного Суда

к институциональным гарантиям республиканской формы правления относятся «прежде всего развитый парламентаризм, реальная многопартийность, наличие политической конкуренции и эффективная модель разделения властей, снабженная системой сдержек и противовесов, а также обеспечение прав и свобод независимым правосудием, включая деятельность Конституционного Суда Российской Федерации»¹.

Сделаем общие выводы.

Особенность современной модели сдержек и противовесов, созданной на основе Закона о поправке к Конституции РФ 2020 г., заключается в том, что они во многом смещены в систему непосредственного взаимодействия Правительства РФ и Государственной Думы по поводу исполнения Правительством своих конституционных правомочий, прежде всего связанных с формированием и исполнением государственного бюджета. Возможно, с этим связана «рокировка» конституционных полномочий по назначению председателя Счетной палаты – передача их Совету Федерации. Полагаем, что сделано это для сокращения возможного лоббистского влияния на нижнюю палату, причиняющего ущерб принципам бюджетного федерализма. Особенности же статуса Президента РФ состоят в том, что расширены его стратегические полномочия, связанные с определением основных направлений внутренней и внешней политики, и полномочия в сфере государственного конституционного контроля.

¹ Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации.

Список литературы

- Авакьян С. А. Слово «власть» не должно пугать // Закон. 2020. № 12. С. 8–16.
Авдеев Д. А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк): моногр. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2015. 244 с.
Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
Антонов М. В. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 4. С. 169–196.

Баглай М. В. Президенты Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Роль, порядок выборов, полномочия. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 144 с.

Зинковский С. Б., Калиш Д. Б. Государство как правопорядок // Вестник РУДН. Сер. Государственное и муниципальное управление. 2015. № 2. С. 39–45.

Котов О. Ю. Нормативистская теория Ганса Кельзена как основа для понимания правовой природы актов конституционного суда // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 89–93. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098.

Овсеян Ж. И. Правовая защита конституции. Судебный конституционный контроль в зарубежных странах: моногр. Ростов н/Д: Литера-Д, 1992. 320 с.

Овсеян Ж. И. Система высших органов государственной власти в России (диалектика конституционно-правовых основ с начала XX по начало XXI в.): моногр. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2006. 591с.

Овсеян Ж. И. Конституционное право России: учеб.: в 2 т. Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2020. Т. 2. 1009 с.

Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Основные институты. № 2 / отв. ред. В. А. Туманов. М.: Наука, 1987. 367 с.

Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Манускрипт, 1996. 729 с.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Степина и юридическая наука. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 74 с.

Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. М.: Норма; Инфра-М, 2020. 240 с.

Чеботарев Г. Н. Принцип разделения властей в государственном устройстве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 1997. 220 с.

Эбзеев Б. С. Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В. В. Путина и новые смыслы Основного закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.

Жанна Иосифовна Овсеян – доктор юридических наук, профессор юридического факультета Южного федерального университета. 344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 88. E-mail: Ovseyan-g-i@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7845-5166

**Modifications of the Presidential-Parliamentary Form
of Government in the Russian Federation
(Based on the Analysis of the Novelties of the Law on the Amendment
to the Constitution of the Russian Federation 2020)**

Based on the analysis of the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation (2020), the Federal Law «On the Government of the Russian Federation» (2020), strategic decrees of the President of the Russian Federation, other recent Russian legal acts, and scientific doctrine, modifications of the form of government of Russia are investigated.

The author analyzes the changes in the ratio of the features of the presidential and parliamentary republics in the mixed form of government of Russia according to the following criteria: constitutional regulation of presidential elections in the Russian Federation and the procedure for forming the Government; features of the formation of a new model of relations between the Government of the Russian Federation and the State Duma; novelties of constitutional and legal regulation of the ratio of presidential and parliamentary powers in the sphere of control of the activities of the Government of the Russian Federation. The author's opinion is expressed on the issues of compatibility of the presidential-parliamentary form of government in the Russian Federation with the practices of «rationalized parliamentarism» and «delegated lawmaking».

Keywords: sovereignty, globalization, basic public law and order, presidential-parliamentary form of government, «rationalized parliamentarism», «delegated lawmaking», checks and balances, separation of powers

Recommended citation

Ovsepyan Zh. I. Modifikatsii prezidentsko-parlamentskoi formy pravleniya v Rossiiskoi Federatsii (na osnove analiza novell Zakona RF o popravke k Konstitutsii RF 2020 g.) [Modifications of the Presidential-Parliamentary Form of Government in the Russian Federation (Based on the Analysis of the Novelties of the Law on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation 2020)], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 19–31, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_19.

References

Avak'yan S. A. Slovo «vlast'» ne dolzhno pugat' [The Word «Power» Should Not Scare], *Zakon*, 2020, no. 12, pp. 8–16.

Avdeev D. A. *Forma pravleniya v Rossii (kratkii konstitutsionnyi ocherk)* [Form of Government in Russia (Brief Constitutional Sketch)], Tyumen', Izd-vo Tyumen. gos. un-ta, 2015, 244 p.

Alekseev S. S. *Teoriya prava* [Theory of Law], Moscow, BEK, 1995, 320 p.

Antonov M. V. Ob osnovnykh elementakh chistogo ucheniya G. Kel'zena o prave i gosudarstve [On the Basic Elements of the Pure Doctrine of H. Kelsen on Law and State], *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk*, 2013, no. 4, pp. 169–196.

Baglai M. V. *Prezidenty Rossiiskoi Federatsii i Soedinennykh Shtatov Ameriki. Rol', poryadok vyborov, polnomochiya* [Presidents of the Russian Federation and the United States of America. Role, Order of Election, Powers], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 144 p.

Chebotarev G. N. *Printsip razdeleniya vlastei v gosudarstvennom ustroistve Rossiiskoi Federatsii* [Principle of Separation of Powers in the State Structure of the Russian Federation]: doct. jur. sc. thesis, Tyumen', 1997, 220 p.

Chirkin V. E. (ed.) *Sravnitel'noe konstitutsionnoe pravo* [Comparative Constitutional Law], Moscow, Manuskript, 1996, 729 p.

Ebzeev B. S. Aktualizatsiya Konstitutsii Rossii: sobiratel'nyi obraz popravok Prezidenta RF V. V. Putina i novye smysly Osnovnogo zakona [Actualization of the Constitution of Russia: the Collective Image of the Amendments of the President of the Russian Federation V. V. Putin and the New Meanings of the Basic Law], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 4, pp. 7–24.

Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *Budushchee prava. Nasledie akademika V. S. Stepina i yuridicheskaya nauka* [The Future of Law. Legacy of Academician V. S. Stepin and Legal Science], Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 74 p.

Khabrieva T. Ya., Klishas A. A. *Tematicheskii kommentarii k Zakonu o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ* [Thematic Commentary to the Law on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020 no. 1-FCL], Moscow, Norma, Infra-M, 2020, 240 p.

Kotov O. Yu. Normativistskaya teoriya Gansa Kel'zena kak osnova dlya ponimaniya pravovoi prirody aktov konstitutsionnogo suda [Normativist Theory of Hans Kelzen as a Basis for Understanding the Legal Nature of Constitutional Court Acts], *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 8, pp. 89–93, DOI: 10.17803/1729-5920.2021.177.8.089-098.

Ovsepyan Zh. I. *Pravovaya zashchita konstitutsii. Sudebnyi konstitutsionnyi kontrol' v zaru-bezhnykh stranakh* [Legal Protection of the Constitution. Judicial Constitutional Control in Foreign Countries], Rostov on Don, Litera-D, 1992, 320 p.

Ovsepyan Zh. I. *Sistema vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti v Rossii (dialektika konstitutsionno-pravovykh osnov s nachala XX po nachalo XXI v.)* [System of the Supreme Bodies of State Power in Russia (Dialectics of Constitutional and Legal Foundations from the Beginning of XX to the Beginning of XXI Century)], Rostov on Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 2006, 591 p.

Ovsepyan Zh. I. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional Law of Russia], Rostov on Don, Taganrog, Izd-vo Yuzhnogo federal'nogo un-ta, 2020, vol. 2, 1009 p.

Tumanov V. A. (ed.) *Sovremennoe burzhuznoe gosudarstvennoe pravo. Kriticheskie ocherki. Osnovnye instituty. № 2* [Modern Bourgeois State Law. Critical Essays. Basic Institutes. No. 2], Moscow, Nauka, 1987, 367 p.

Zinkovskii S. B., Kalish D. B. Gosudarstvo kak pravoporyadok [State as Law and Order], *Vestnik RUDN. Ser. Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*, 2015, no. 2, pp. 39–45.

Zhanna Ovsepyan – doctor of juridical sciences, professor of the Faculty of law, Southern Federal University. 344002, Russian Federation, Rostov on Don, Maksima Gorkogo st., 88. E-mail: Ovsepyan-g-i@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7845-5166

Дата поступления в редакцию / Received: 01.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 26.12.2022

А. И. Нечаев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

О НЕМЕДЛЕННОМ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ НЕНОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Общественная значимость дел об оспаривании ненормативных актов органов и должностных лиц, осуществляющих публичные полномочия, предопределяет установленный законом специальный порядок исполнения судебных решений по этим делам. Автор проводит сравнительный анализ правового регулирования немедленного исполнения судебных решений по делам об оспаривании ненормативных правовых актов органов, осуществляющих публичные полномочия, и их должностных лиц в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Обсуждается вопрос о коллизии между нормами ч. 2 ст. 182 АПК РФ и ч. 7 ст. 201 АПК РФ, а также о способах ее разрешения. Автор предлагает разрешать коллизию не на основе расположения норм в Общей и Особенной частях кодекса, а на основе содержания норм и, соответственно, сферы их правового регулирования. Выдвигается предложение рассматривать в качестве оснований для отступления от правила о немедленном исполнении судебного решения по таким делам и установления иных сроков исполнения те же основания, что и для отсрочки исполнения решения суда.

Ключевые слова: немедленное исполнение, коллизия, публичные полномочия, ненормативные правовые акты

Для цитирования

Нечаев А. И. О немедленном исполнении судебных решений по делам об оспаривании ненормативных правовых актов // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 32–41. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_32.

УДК 347.91/.95

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_32

Дела об оспаривании ненормативных актов, решений, действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, весьма значимы, поскольку касаются не только спора между конкретными лицами (заявителями) и отдельными публичными органами (или) должностными лицами, но и всего общества, поскольку правильность, законность и справедливость правоприменения отражаются на отношении общества к публичной власти. Ю. Н. Стариков отмечает, что «правовое государство обеспечивает возможность судебной защиты общества и отдельных граждан от действий публичного управления, чиновников, бюрократии» [Стариков 2013: 49]. Процессуальный закон содер- жит ряд специальных правил, касающихся

немедленного исполнения решений по таким делам. Анализ этих правил, причин их формирования, а также проблем в их применении следует начать с природы немедленного исполнения судебного решения.

В литературе высказываются разные мнения о природе немедленного исполнения решения.

Н. Б. Зейдер рассматривал немедленное исполнение судебного решения в виде «исключения из общего правила, в соответствии с которым исполнимость является свойством судебного решения, вступившего в законную силу» [Зейдер 1966: 172].

Полемизируя с этой точкой зрения, М. А. Гурвич считал немедленное исполнение «кажущимся исключением». По его мне-

нию, «допустимость немедленного исполнения некоторых судебных решений не превращает их в действующие... „немедленное“ же исполнение имеет условный характер. Оно допускается под условием вступления решения в силу. В случае если решение будет отменено и не вступит в законную силу, исполнению будет дан поворот» [Гурвич 1955a: 105–106]. Говоря об исполнимости вообще, М. А. Гурвич писал, что «установление определенности и неоспоримости права, их значение как основы для принудительного исполнения, а также для прекращения возможности участникам правоотношения обращаться к суду с жалобами на решение и с требованием нового рассмотрения их претензий и возражений существенно изменяет правовое положение спорящих сторон. Это вызывает усиление заботы о всемерной гарантии правильности решения. Такая гарантия достигается путем некоторой отсрочки вступления решения в действие с момента его вынесения» [Гурвич 1955b: 77].

Соглашаясь с М. А. Гурвичем, отметим, однако, что в советском гражданском процессе возможность осуществлять судебный контроль действий публичной администрации была в значительной степени ограничена. Например, А. Т. Боннер указывал, что «к судебной компетенции были отнесены дела по жалобам на действия органов управления и должностных лиц лишь в случаях и порядке, предусмотренных законом, и таких случаев немного» [Боннер 1984]. В научной литературе высказывались предложения о расширении судебного контроля в сфере государственного управления, но с определенными ограничениями. Вместе с тем, например, Д. М. Чечот был против «контроля любых административных действий, совершаемых любым административным органом или должностным лицом» [Чечот 1973: 76]. Учитывая это, едва ли можно рассматривать тезис М. А. Гурвича об исключительном характере немедленного исполнения решения как относящийся к административному судопроизводству.

Рассматривая существо немедленного исполнения решения, следует отметить, что в истории отечественного процесса был период, когда оно именовалось «предварительным исполнением» (Устав гражданского судопроизводства Российской империи 1864 г., отделение III главы XI). Само название «предвари-

тельное» свидетельствует о его зависимости от вступления решения в силу. Эта условная природа немедленного исполнения решения, а также основания для его применения в некоторой степени роднят его с обеспечительными мерами. Но есть и существенное отличие: обеспечительные меры направлены на сохранение *status quo*, тогда как немедленное исполнение изменяет существующее положение дел, поскольку, если решение не будет приведено к немедленному исполнению, это причинит больший вред, чем сохранение текущего положения. С практической точки зрения может возникнуть вопрос о том, что означает «немедленно», т. е. сколько времени должно пройти между принятием решения и его фактическим исполнением.

Представляется, что ответ на этот вопрос зависит от вида присужденных действий, поскольку на исполнение разных требований может потребоваться разное время. Например, вносить записи в реестры или исключать их из реестров можно относительно быстро, тогда как передача имущества, выплата денежных средств, выселение и т. п. могут потребовать определенного времени. Во всяком случае, немедленное исполнение означает, что решение подлежит исполнению до истечения срока его апелляционного обжалования и, в случае такого обжалования, – до рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, т. е. представляет собой юридическую фикцию, согласно которой к решению следует относиться (с точки зрения свойства исполнимости) как к вступившему в законную силу. Однако их нельзя уравнивать, поскольку порядок исполнения обыкновенного решения отличается от порядка исполнения решения, обращенного к немедленному исполнению. Например, в соответствии со ст. 30 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» срок возбуждения исполнительного производства по таким решениям сокращен до одних суток, а предоставление должнику срока для добровольного исполнения не предусмотрено. Это наводит на мысль о том, что законодатель в качестве общего правила для таких решений рассматривает максимально быстрое приведение их в исполнение.

Законодательное регулирование немедленного исполнения решений по делам об оспаривании ненормативных актов в адми-

нистративном судопроизводстве (осуществляемом в судах общей юрисдикции) выглядит следующим образом. В соответствии с ч. 8 ст. 227 КАС РФ решение по административному делу об оспаривании решения, действия (бездействия) приводится в исполнение по правилам, указанным в ст. 187 Кодекса. В свою очередь, ст. 187 определяет, что «решение суда приводится в исполнение после вступления его в законную силу, за исключением случаев немедленного исполнения».

Как следует поступать суду при принятии решения, которым ненормативный правовой акт признан незаконным: обращать ли такое решение к немедленному исполнению во всяком случае или устанавливать иные сроки?

КАС РФ устанавливает общий порядок вступления в силу решений об оспаривании ненормативных актов, допуская в качестве исключения обращение их к немедленному исполнению. Последнее реализуется по правилам ст. 188 КАС РФ. Для этого требуется соблюдение ряда условий.

Первое условие: необходима просьба административного истца, обращенная к суду. Это означает, что решение не может быть обращено к немедленному исполнению по собственной инициативе суда. Вторым условием является отсутствие в Кодексе прямого запрета на немедленное исполнение решений по делам соответствующей категории; для дел об оспаривании ненормативных правовых актов такой запрет отсутствует. Наконец, третьим условием выступает наличие «особых обстоятельств», вследствие которых замедление исполнения этого решения может нанести значительный ущерб публичным или частным интересам. Во всяком случае вопрос об обращении решения к немедленному исполнению по делам такой категории решается по усмотрению суда.

В арбитражном процессе правовое регулирование немедленного исполнения по делам об оспаривании ненормативных актов осуществляется несколько иначе. Согласно ч. 2 ст. 182 АПК РФ «решения арбитражного суда по делам об оспаривании ненормативных актов органов государственной власти,

органов местного самоуправления, иных органов, решения по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) указанных органов подлежат немедленному исполнению». Однако в силу ч. 7 ст. 201 АПК РФ «решения арбитражного суда по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц подлежат немедленному исполнению, *если иные сроки не установлены в решении суда*» (здесь и далее курсив мой. – А. Н.).

Таким образом, одна норма устанавливает в качестве общего правила немедленное исполнение решения суда по делам об оспаривании ненормативных правовых актов. Другая норма гласит, что суд может указать в своем решении иные сроки. Представляется, что применение соответствующих норм может вызвать ряд вопросов. В частности, как следует поступать суду при принятии решения, которым ненормативный правовой акт признан незаконным: обращать ли такое решение к немедленному исполнению во всяком случае или устанавливать иные сроки? Каким критерием следует руководствоваться при выборе? Какими могут быть иные сроки?

Установление конкретных сроков исполнения решения предусмотрено ч. 2 ст. 178 КАС РФ для любых решений, если суд признает это необходимым. Частью 1 ст. 174 АПК РФ закреплена обязанность суда устанавливать такой срок для решений, обязывающих ответчика совершить определенные действия, не связанные со взысканием денежных средств или с передачей имущества.

Системное толкование ч. 1 ст. 174 и ч. 7 ст. 201 АПК РФ позволяет прийти к выводу о том, что если решение о признании ненормативного правового акта возлагает на ответчика обязанность совершить определенные действия, не связанные с передачей имущества или денег, то оно подлежит немедленному исполнению, и *в то же время* в нем должны быть отражены конкретные сроки его исполнения. В связи с этим выглядит неудачной формулировка ч. 7 ст. 201 АПК РФ, которая может вызвать у суда впечатление о наличии альтернативы: привести решение к немедленному исполнению *или* установить иные сроки для его исполнения. Независимо

от того, существует ли коллизия между нормами ч. 2 ст. 182 и ч. 7 ст. 201 АПК РФ, есть опасность «выхолащивания немедленности» исполнения таких решений, поскольку усмотрение суда в определении сроков исполнения решения (в том числе и немедленного) ничем не ограничено.

В информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда от 24 июля 2003 г. № 73 «О некоторых вопросах применения частей 1 и 2 статьи 182 и части 7 статьи 201 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» даны некоторые разъяснения, согласно которым в указанных нормах (Президиум отмечает, что правила обеих статей аналогичны, т. е. не видит между ними коллизии) речь идет о требованиях организационного, а не имущественного характера. Соответственно, при удовлетворении судом таких требований какие-либо выплаты из бюджета в пользу заявителя не предполагаются. На этом основании сделан вывод о том, что если заявитель предъявляет в суд требование о признании незаконным бездействия государственного органа (должностного лица), выразившегося в отказе возратить (возместить, выплатить) из бюджета определенную денежную сумму, и названное требование удовлетворяется, то такое решение суда приводится в исполнение по общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 182 Кодекса, т. е. после вступления его в законную силу.

Важно обратить внимание на то, что исключение было сделано Президиумом только для немедленного исполнения решений, предполагающих выплаты, но не решений о совершении иных действий, восстанавливающих права заявителя: отменяющих запреты, снимающих ограничения (например, исключение из публичных реестров, включение в эти реестры, государственная регистрация и т. п.).

В литературе вопрос о соотношении норм ч. 2 ст. 182 и ч. 7 ст. 201 АПК РФ решается по-разному.

Так, по мнению С. К. Загайновой, «в части второй статьи 182 АПК РФ приведены решения, подлежащие обязательному немедленному исполнению, в отличие от факультативного, которое допускается по усмотрению суда. По делам об оспаривании ненормативных актов органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, по

делам об оспаривании решений и действий (бездействия) указанных органов, а также по делам, рассмотренным в порядке упрощенного производства, решения суда подлежат обращению к немедленному исполнению независимо от усмотрения суда и участвующих в деле лиц» [Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу 2018: 560]. Той же точки зрения придерживались С. А. Иванова [Арбитражный процесс 2007] и М. А. Фокина [Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу 2011].

На наличие коллизии между указанными нормами обращал внимание С. В. Никитин. Он писал, что «редакция части седьмой статьи 201 АПК в этом смысле расходится с частью второй статьи 182 АПК, которая устанавливает обязанность суда обращать к немедленному исполнению решения по делам данной категории и не предусматривает возможность установления иных сроков исполнения. Однако, учитывая коллизионное правило, предусмотренное частью первой статьи 182 и статьей 197 АПК, применяться в данном случае должно положение статьи 201 АПК» [Там же]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что С. В. Никитин, в отличие от Президиума Высшего Арбитражного Суда, не считает указанное правило одной нормой, а, напротив, видит две нормы, между которыми имеется коллизия.

Мнение С. В. Никитина о разрешении этой коллизии выглядит небесспорным. Действительно, руководствуясь предписанием ст. 197 АПК РФ, общие правила искового производства следует применять с учетом особенностей, закрепленных в гл. 24 АПК. Это соответствует классическому правилу разрешения коллизий *lex specialis derogat generali*. Однако, думается, норма ч. 7 ст. 201 АПК РФ является специальной по отношению к норме ч. 2 ст. 182 АПК РФ только по месту своего расположения, но не по содержанию. Как отмечал О. В. Баулин, «норма, регулирующая рассмотрение конкретной группы дел, всегда является специальной по отношению к нормам ГПК, регламентирующим однородные общественные отношения и применяемым при рассмотрении любых гражданских дел независимо от их материально-правовой природы» [Баулин 1997: 12]. Упомянутые в ст. 182 АПК РФ дела об оспаривании ненормативных актов органов государственной вла-

сти, органов местного самоуправления, иных органов, решения по делам об оспаривании решений и действий (бездействия) указанных органов могут быть рассмотрены только по правилам гл. 24 АПК РФ. Соответственно, сфера действия этой нормы охватывает только рассмотрение дел той группы, которая регулируется специальными нормами, а значит, ее нахождение в Общей части АПК РФ не объясняется логическими причинами.

Есть и еще более убедительный аргумент против точки зрения С. В. Никитина. Норма ч. 2 ст. 182 АПК РФ не упоминает дела об оспаривании ненормативных актов, решений, действий (бездействия) должностных лиц. Уточним, что в ч. 2 ст. 182 АПК РФ говорится также о делах упрощенного производства, однако они добавлены в текст Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» уже позднее соответствующего толкования. Кроме того, если учесть, что упомянутая поправка относится к совершенно другой категории дел, то она по своему содержанию является самостоятельной нормой, причем также специальной – относящейся к отдельной категории дел. В свою очередь, ч. 7 ст. 201 АПК РФ регулирует исполнение решений, касающихся как органов, так и должностных лиц.

Сказанное означает, что сфера действия нормы, содержащейся в Особой части АПК РФ, как это ни парадоксально, шире сферы действия нормы, расположенной в Общей части. Разумного объяснения различий в правовом регулировании порядка исполнения решения по делам об оспаривании ненормативных актов органов и должностных лиц не усматривается. Следовательно, это можно объяснить лишь недостатками юридической техники.

Затрудняет истолкование этих норм и различие, появившееся после внесения изменений в ч. 7 ст. 201 АПК РФ Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом, в частности, в указанную статью введено понятие органов, осуществляющих публичные полномочия, вместо понятия государственных органов, органов

местного самоуправления, иных органов. При этом в ч. 2 ст. 182 АПК РФ изменений внесено не было, там все так же говорится о государственных органах, органах местного самоуправления и иных органах.

Интересно, что в ходе работы над проектом указанного закона поступали заключения правового управления аппарата Государственной Думы, а также Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, в которых введение соответствующей терминологии ставилось под сомнение, поскольку термин «публичные полномочия» ни в АПК, ни в других федеральных законах не определен. Как было отмечено в решении Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 20 октября 2009 г. № 77(2) «О проекте федерального закона № 211568-5 „О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации“», не существует и законодательного определения организаций, наделенных в установленном порядке отдельными государственными или иными публичными полномочиями. Однако к третьему чтению данные замечания Комитетом были сняты.

Не вдаваясь в дискуссию о понятиях «публичные полномочия», «органы, осуществляющие публичные полномочия», выскажем мнение о том, что, несмотря на различия в наименованиях, ч. 2 ст. 182 АПК РФ, по всей видимости, указывает на немедленное исполнение судебных актов об оспаривании ненормативных актов, решений, действий и бездействия тех же самых органов, о которых речь идет в гл. 24 АПК РФ вообще и в ст. 201 АПК РФ в частности.

Таким образом, в отличие от КАС РФ, который устанавливает в качестве общего правила приведение в исполнение решений по делам этой категории после вступления в законную силу, а их немедленное исполнение – в качестве исключения, определяемого несколькими условиями, АПК РФ, напротив, закрепляет немедленное исполнение как общее правило, а установление иных сроков исполнения – как исключение. Более того, буквальное истолкование соотношения норм ч. 2 ст. 182 и ч. 7 ст. 201 АПК РФ позволяет говорить о разном порядке исполнения решений об оспаривании ненормативных актов, действий (бездействия) органов – только немед-

ленно – и решений об оспаривании тех же актов, действий (бездействия) должностных лиц – немедленно, если иной срок не установлен решением суда. Последний тезис, как отмечалось выше, вытекает исключительно из недостатков юридической техники, и указание на него не означает, что мы с таким положением согласны.

При этом АПК РФ не предусматривает никаких ориентиров, которые могли бы учитываться для отступления от общего правила о немедленном исполнении и для установления иных сроков исполнения решения суда. С. В. Никитин предлагает в качестве подобных оснований «объективную невозможность немедленного исполнения решения либо связь с возможным нарушением таким исполнением прав третьих лиц». По его мнению, в этом случае необходимо «мотивировать в судебном решении необходимость установления иного срока исполнения решения» [Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу 2011].

Судебная практика, в свою очередь, выработала иной подход к решению данного вопроса. Так, в определении Верховного Суда РФ от 16 декабря 2015 г. № 310-КГ15-15837 по делу № А68-11911/2013 отмечается, что «обращение решения к немедленному исполнению является исключительной мерой, принятие которой допускается в особых обстоятельствах, при наличии неопровержимых доказательств, свидетельствующих о невозможности исполнения решения без его обращения к немедленному исполнению либо о причинении взыскателю значительного ущерба».

Сама по себе изложенная в судебном акте трактовка обращения решения к немедленному исполнению как исключительной меры представляется правильной, но только в контексте факультативного немедленного исполнения. Отказ в обязательном немедленном исполнении, которое по правилам АПК РФ осуществляется и в случаях вынесения решений об оспаривании ненормативных актов, должен быть исключением, обоснованным особыми обстоятельствами. Можно было бы возразить, что обязательное немедленное исполнение по определению не предполагает дискреции суда в решении этого вопроса. Однако в сочетании с правом суда установить конкретный срок для исполнения

решения (если оно связано с совершением определенных действий неимущественного характера) в ряде случаев такая дискреция имеется.

Интересно, что суды чаще ссылаются на приведенный выше судебный акт в делах, решение по которым приводится к немедленному исполнению по правилам ч. 3 ст. 182 АПК РФ (факультативное немедленное исполнение), например по гражданско-правовым спорам, в которых истец просит привести решение к немедленному исполнению¹. Это дополнительно свидетельствует о том, что приведенная выше позиция, изложенная в определении Верховного Суда, применима только в случаях факультативного немедленного исполнения.

История развития отечественного процессуального законодательства позволяет проследить определенную тенденцию, заключающуюся в особом отношении к немедленному исполнению судебных актов, принятых против публичных образований.

Так, в ст. 187-б ГПК РСФСР 1923 г. было закреплено, что немедленное исполнение решений, вынесенных против государственных органов, не допускается. Статья введена в ГПК РСФСР постановлением ВЦИК от 5 мая 1925 г. «О дополнениях и изменениях Гражданского процессуального кодекса РСФСР». Здесь важно отметить, что общим правилом в первоначальной редакции ГПК РСФСР 1923 г. до 16 февраля 1925 г. являлось немедленное исполнение судебных решений по основной массе дел.

ГПК РСФСР 1964 г., а также акты, регулировавшие деятельность государственного арбитража (Правила производства дел в арбитражных комиссиях 1923 г., Положения о государственном арбитраже 1931 г., 1960 г., Закон о государственном арбитраже СССР 1979 г.), специальных правил о немедленном исполнении решений, принятых против государственных органов, не содержали.

¹ В качестве примеров можно привести постановление Арбитражного суда Московского округа от 28 ноября 2019 г. № Ф05-18310/2019 по делу № А40-50067/2019; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 октября 2021 г. № 17АП-9610/2021-ГК по делу № А60-6026/2021; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 июня 2019 г. № 20АП-2302/2019 по делу № А68-13253/2018.

АПК РФ 1992 г. предусматривал немедленное исполнение решений по спорам в сфере управления.

В АПК 1995 г. закреплялось правило, аналогичное действующему в настоящее время. Как следует из пояснительной записки к внесенному 2 августа 2000 г. законопроекту № 90066448-3, ставшему впоследствии действующим АПК РФ, его авторы, вводя правило об обязательном, а не о факультативном немедленном исполнении судебных актов по делам об оспаривании ненормативных актов публичной администрации, исходили из посылки о необходимости более эффективной и оперативной защиты прав предпринимателей.

Наконец, КАС РФ, принятый в 2015 г., не предусматривает обязательного немедленного исполнения по всем категориям решений, принимаемых против публичных органов.

Представляется, что закрепление правила о немедленном исполнении решений против публичных органов (или наоборот – о недопущении этого) зависело от отношения к значению предпринимательской деятельности и частной инициативы в общественной жизни. ГПК РСФСР 1923 г. отражал этактистский подход, исключающий немедленное исполнение обозначенных выше решений (при немедленном исполнении большинства иных решений). Последующая динамика связана с полным огосударствлением экономики к моменту принятия ГПК РСФСР 1964 г. и отсутствием необходимости специальной защиты государственных интересов, чего еще не произошло в 1925 г. (период НЭПа). Наконец, закрепленные после 1991 г. правила об обязательном немедленном исполнении решений против публичных органов в АПК очевидно свидетельствуют о повышенном внимании к интересам предпринимателей и об усилении эффективности их судебной защиты.

В настоящее время в судебной практике встречаются дела, в которых норма ч. 2 ст. 182 АПК РФ фактически игнорируется. Так, в одном из дел¹ по заявлению юридического лица были признаны незаконными действия Управления Федеральной антимонопольной службы по включению этого юридического лица в реестр недобросовестных поставщиков. При этом на заинтересованное лицо была возложена обязанность

¹ Решение Арбитражного суда Москвы от 23 декабря 2021 г. по делу № А40-172588/2021.

устранить допущенные нарушения прав и интересов заявителя в течение тридцати дней со дня вступления решения в законную силу. В судебном акте не приведено каких-либо мотивов, по которым допущенные нарушения должны были быть устранены только по истечении такого длительного срока.

Заявитель обратился с ходатайством об обращении решения к немедленному исполнению по правилам ст. 182 АПК РФ, мотивируя это тем, что нахождение в реестре недобросовестных поставщиков лишает его возможности участвовать в различного рода торгах и тем самым существенно затрудняет экономическую деятельность. Не возражая против указанных доводов, суд отказал в обращении решения к немедленному исполнению, отметив следующее: «Поскольку решения по делам об оспаривании ненормативных актов органов государственной власти подлежат немедленному исполнению, специального определения суда в порядке статьи 182 АПК РФ не требуется». Соглашаясь с этим очевидным выводом, основанным также на ранее приведенном определении Верховного Суда РФ от 16 декабря 2015 г. № 310-КГ15-15837, не можем не заметить, что права и интересы заявителя защищены не были, поскольку в сочетании с решением суда, прямо противоречащим указанному выше тезису и не только переносящим исполнение к моменту вступления судебного акта в силу, но и добавляющим к этому сроку тридцать дней, указанное определение выглядит явно бесполезным.

Приведенное в качестве примера дело – случай неправильного применения ч. 2 ст. 182 АПК РФ. При этом суд не привел в качестве мотива для установления иного срока исполнения решения положения ч. 7 ст. 201 АПК РФ, не обнаружив коллизии. Думается, что такого рода решения судов – следствие не только неправильного применения нормы, но и ее недостаточной ясности.

К сожалению, в недавно принятом постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» вопросы о коллизии норм ч. 2 ст. 182 и ч. 7 ст. 201 АПК РФ не нашли разрешения.

Основным аргументом против немедленного исполнения решения, принятого против государственного органа, в том числе по делам об оспаривании его ненормативного акта, является опасение, что в случае отмены такого решения может быть затруднительным поворот его исполнения. Вместе с тем баланс частных и публичных интересов во взаимоотношениях властного органа и гражданина, предпринимателя, организации смещен в пользу первого. Это объясняется значительным перевесом организационных, технических, финансовых возможностей публичного субъекта. Для него поворот исполнения не столь затруднителен. Более того, с учетом действующего разъяснения о том, что решения не приводятся к немедленному исполнению по делам, предполагающим выплаты из бюджета, круг таких дел значительно сужается. Органу или должностному лицу в случае отмены решения суда, принятого против него, легко, например, повторно внести изменения в публичный реестр, отменить регистрацию и т. п.

Представляется, что наиболее сбалансированным является подход, при котором общим правилом для решений по делам об оспаривании ненормативных актов было бы

их обязательное немедленное исполнение. Установление иных сроков должно быть мотивировано судом в решении. Причинами могли бы стать, например, объективные обстоятельства, которые затрудняют или делают невозможным исполнение судебного решения, по аналогии с отсрочкой исполнения решения суда. Кроме того, в качестве причины можно было бы рассматривать наличие специальных сроков для совершения присужденных действий, закрепленных в нормах материального права, которые регулируют соответствующие процедуры. При этом обязанность доказывания невозможности немедленного исполнения, а также наличия иных сроков, установленных административными процедурами, следует возложить на заинтересованных лиц (административных ответчиков).

Целесообразно было бы также привести правила о немедленном исполнении судебных решений по делам об оспаривании ненормативных актов в КАС РФ и АПК РФ к единому стандарту. При этом правила АПК РФ, несмотря на более раннее их закрепление, являются, на наш взгляд, более прогрессивными.

Список литературы

- Арбитражный процесс: учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2007. 672 с.
- Баулин О. В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. 104 с.
- Боннер А. Т. Обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов // Правоведение. 1984. № 5. С. 56–62.
- Гурвич М. А. Решение советского суда в исковом производстве М.: ВЮЗИ, 1955а. 128 с.
- Гурвич М. А. Решение советского суда как средство защиты субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1955b. № 4. С. 70–78.
- Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юрид. лит., 1966. 201 с.
- Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Д. А. Фурсов. М.: Проспект, 2011. 896.
- Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова М.: Статут, 2018. 1054 с.
- Старилов Ю. Н. Административная юстиция: проблемы теории // Административное судопроизводство в Российской Федерации: развитие теории и формирование административно-процессуального законодательства. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. С. 27–174.
- Чечот Д. М. Административная юстиция (теоретические проблемы). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. 134 с.

Александр Ильич Нечаев – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: a.i.nechaev@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-4006-8144

On the Immediate Execution of Court Decisions in Cases of Contesting Non-Normative Legal Acts

The social significance of cases on challenging non-normative acts of bodies and officials exercising public powers prejudices the special procedure for the execution of court decisions in these cases established by law. The author carries out a comparative analysis of the legal regulation of the immediate execution of court decisions in cases of contesting non-normative legal acts of bodies exercising public powers and their officials in administrative proceedings in courts of general jurisdiction and arbitration courts.

The conflict between the norms of part two of Article 182 and part seven of Article 201 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, as well as the question of how to resolve this conflict, is discussed. The author proposes to resolve the conflict not based on the location of the norms in the general and special parts of the Code but based on the content of the norms and the sphere of their legal regulation. The paper puts forward a proposal to consider as grounds for deviating from the rule on the immediate execution of a court decision in such cases and establishing other deadlines for the execution of the same grounds as for postponing the execution of a court decision.

Keywords: immediate execution, conflict, public authority, non-normative legal acts

Recommended citation

Nechaev A. I. O nemedlennom ispolnenii sudebnykh reshenii po delam ob osparivanii nenormativnykh pravovykh aktov [On the Immediate Execution of Court Decisions in Cases of Contesting Non-Normative Legal Acts], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 32–41, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_32.

References

Baulin O. V. *Spetsial'nye normy v grazhdanskom protsessual'nom prave* [Special Rules in Civil Procedural Law], Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1997, 104 p.

Bonner A. T. *Obzhalovanie deistvii dolzhnostnykh lits, gosudarstvennykh i obshchestvennykh organov* [Appeal against Actions of Officials, State and Public Bodies], *Pravovedenie*, 1984, no. 5, pp. 56–62.

Chechot D. M. *Administrativnaya yustitsiya (teoreticheskie problemy)* [Administrative Justice (Theoretical Problems)], Leningrad, Izd-vo Leningrad. un-ta, 1973, 134 p.

Fursov D. A. (ed.) *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary on the Commercial Procedure Code of the Russian Federation (Article-by-Article)], Moscow, Prospekt, 2011, 896 p.

Gurvich M. A. *Reshenie sovetskogo suda v iskovom proizvodstve* [The Decision of the Soviet Court in the Ordinary Proceeding], Moscow, VYuZI, 1955a, 128 p.

Gurvich M. A. *Reshenie sovetskogo suda kak sredstvo zashchity sub'ektivnykh grazhdanskikh prav* [The Decision of the Soviet Court as a Means of Protecting Subjective Civil Rights], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1955b, no. 4, 70–78.

Krashennnikov P. V. (ed.) *Postateinyi kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Article-by-Article Commentary on the Commercial Procedure Code of the Russian Federation], Moscow, Statut, 2018, 1054 p.

Starilov Yu. N. *Administrativnaya yustitsiya: problemy teorii* [Administrative Justice: Problems of Theory], *Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossiiskoi Federatsii: razvitie teorii i formirovanie administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* [Administrative Legal Proceedings in the

Russian Federation: Development of the Theory and Formation of Administrative Procedural Legislation], Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2013, pp. 27–174.

Treushnikov M. K. (ed.) *Arbitrazhnyi protsess* [Commercial Procedure], Moscow, Gorodets, 2007, 672 p.

Zeider N. B. *Sudebnoe reshenie po grazhdanskomu delu* [Judgment in a Civil Case], Moscow, Yurid. lit., 1966, 201 p.

Alexander Nechaev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: a.i.nechaev@usla.ru.

ORCID: 0000-0002-4006-8144

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 06.12.2022

В. Д. Туктамышев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

КОМПЕТЕНЦИЯ АРБИТРАЖА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В статье анализируются подходы к трактовке понятия «компетенция арбитража», исследуются условия возникновения компетенции и состав юридических фактов, необходимых для признания арбитража компетентным для рассмотрения спора. Актуальность темы обусловлена тем, что многие вопросы компетенции арбитража остаются в настоящее время не до конца осмысленными, что порождает практические трудности при экзекватуре решений.

Автор приходит к выводу о том, что компетенцию арбитража следует понимать как совокупность предметов ведения и полномочий третейского суда. Установлено, что арбитражное соглашение и арбитрабельность выступают в качестве условий возникновения у арбитража компетенции, а также юридических фактов, образующих компетенцию арбитража. Исследуется соотношение условий возникновения компетенции и допустимости обращения в арбитраж, делается вывод о том, что вопрос проверки соблюдения досудебного порядка не относится к вопросам компетенции, за исключением случая избрания сторонами гибридной процедуры разрешения спора. Также определено содержание фактического состава, необходимого для возникновения у арбитража компетенции. В него включаются такие элементы, как арбитрабельность, наличие арбитражного соглашения, формирование состава арбитров.

Ключевые слова: арбитраж, арбитрабельность, компетенция, допустимость заявления, медиация-арбитраж

Для цитирования

Туктамышев В. Д. Компетенция арбитража: общая характеристика // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 42–52. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42.

УДК 347.918

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42

Вопросы компетенции являются основополагающими, когда речь заходит о характеристике органа, уполномоченного разрешать споры. Определение того, компетентен ли орган рассматривать то или иное дело, первично по отношению к самому процессу. Решение вопроса о компетенции преследует не только теоретические цели – построение стройной и логически непротиворечивой модели, – но и практические, поскольку от правильного, научно обоснованного установления входящих в ее содержание вопросов зависит объем полномочий судов при экзекватуре решений арбитража.

В настоящей статье компетенция будет исследована с позиции смешанной теории арбитража, более полно объясняющей вопро-

сы, возникающие в деятельности третейских судов.

Понятие компетенции арбитража, соотношение со смежными категориями

Как в процессуальной доктрине, так и в ряде иных отраслевых наук сформировались различные подходы к пониманию компетенции. Некоторые исследователи характеризуют компетенцию как совокупность прав и обязанностей (полномочий) органа [Васьковский 2016: 445; Мицкевич 1962: 120; Алексеев 1994: 41; Абова, Тадевосян 1968: 22; Осипов 1973: 11]. Иные ученые в понятие компетенции включают не только права и обязанности, но и предметы ведения [Малько, Нырков, Шундииков 2022: 408; Гурвич 1957: 109; Кутафин, Шеремет 1986: 31; Бахрах 2005: 46].

Более широкого подхода придерживается Ю. А. Тихомиров, который наряду с предметами ведения включает в содержание компетенции нормативно установленные цели, властные полномочия и ответственность за их неисполнение [Тихомиров 2006: 188]. Следует согласиться с Н. Е. Бараданченковой в том, что добавление целей и задач в содержание компетенции является излишним [Бараданченкова 2014].

Между тем нельзя согласиться с авторами [Козлов 1979: 99], исключаящими предметы ведения из содержания исследуемого понятия, поскольку через права и обязанности мы лишь устанавливаем связь между субъектами реализации полномочий и субъектами воздействия данных полномочий, однако не детерминируем круг объектов, в отношении которых они реализуются. Это выхолещивает содержание термина «компетенция» и приводит к его отождествлению с термином «полномочие».

Понятие компетенции арбитража производно от общего понятия компетенции. Сообразно этому компетенцию арбитража можно определить как совокупность предметов ведения и полномочий третейского суда, направленных на рассмотрение конкретного дела. Возникает вопрос о соотношении данной правовой категории со смежными правовыми категориями «юрисдикция»¹, «подведомственность» и «арбитрабельность».

Термин «юрисдикция» является транслитерацией термина *jurisdiction*. Переводческий анализ не дает однозначного представления о содержании этого понятия, поскольку на русский язык оно переводится как «подведомственность», «судопроизводство», «отправление правосудия», «сфера полномочий», «предмет ведения», «компетенция», «подсудность»² и т. д. Однако указанные категории существенно различаются в понятийном аппарате юридической науки, в связи с чем отождествлять их все было бы некорректно.

Согласно словарям юрисдикция есть правомочие производить суд, решать право-

вые вопросы³; установленная законом совокупность правомочий соответствующих государственных органов разрешать правовые споры и дела о правонарушениях, оценивать действия лица или иного субъекта права с точки зрения их правомерности либо неправомерности, применять юридические санкции к правонарушителям; отправление правосудия, а также иная деятельность государственных органов по рассмотрению споров, дел о правонарушениях и применению санкций⁴. Англоязычные словари под юрисдикцией понимают полномочие решать вопросы и выносить судебные решения⁵.

Исходя из этого по смыслу категория «юрисдикция» ближе к категории «компетенция». Однако их отождествление, на наш взгляд, неверно. Компетенция подразумевает не только полномочия по разрешению того или иного спора, находящиеся в генетическом единстве с предметами ведения, но и различного рода организационные и функциональные полномочия. Юрисдикция же сосредоточивает в себе лишь полномочия на разрешение дел, в связи с чем целесообразно говорить о том, что данное понятие уже понятия компетенции и характеризует лишь предметные полномочия юрисдикционного органа.

Практика использования данных категорий приводит к тому же выводу. Так, ст. 30 Закона Англии об арбитраже 1996 г., закрепляющая принцип *Kompetenz-Kompetenz*, называется *Competence of Tribunal to Rule on its Own Jurisdiction* («Компетенция⁶ трибунала выносить решение по вопросу своей юрисдикции»). Можно заключить, что компетенция обозначает генеральный объем полномочий органа по разрешению споров, в то время как

³ Толковый словарь Ожегова // URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

⁴ Большой юридический словарь // URL: <https://juridical.slovaronline.com/6730-YURISDIKTSIYA> (дата обращения: 12.11.2021).

⁵ Онлайн-словарь Cambridge Dictionary // URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/англо-русский/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021); Legal Information Institute // URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021); Онлайн-словарь Britannica Dictionary // URL: <https://www.britannica.com/topic/jurisdiction> (дата обращения: 12.11.2021).

⁶ В данном случае переводить слово *competence* как «полномочие» несколько неверно, поскольку Закон также использует категорию *powers* (ст. 38), которую можно перевести как «полномочия».

¹ Полагаю, что несмотря на наличие частноправовых начал в деятельности третейских судов, эта деятельность является юрисдикционной. На это указывал также В. П. Воложанин [Воложанин 1975: 11].

² Онлайн-словарь «Мультитран» // URL: <https://www.multitran.com/m.exe?s=jurisdiction&l1=1&l2=2> (дата обращения: 12.11.2021).

юрисдикция – связь лишь с разрешением возникшего спора.

В доктрине взгляды на понятие «юрисдикция» и ее соотношение со смежными категориями неоднозначны [Ануров 2019: 208; Ануров 2020: 45; Жилин 2014: 393; Лебедев 2005: 15; Alcaraz, Hughes 2014: 157].

Представляется, что юрисдикция как правовая категория максимально приближена к понятию предметной компетенции (компетенции в узком смысле) и подобно ей характеризует полномочия арбитража по разрешению спора, однако не тождественна ей.

Арбитрабельность следует понимать как круг дел, которые обладают свойствами, позволяющими отнести их к компетенции арбитража

Наличие у конкретного государственного суда компетенции по разрешению переданного ему на рассмотрение юридического дела определяется исходя из свойств подведомственности и подсудности этого дела [Рожкова 2006: 17]. Сообразно этому для характеристики компетенции арбитража необходимо выяснить, какие дела подведомственны данному юрисдикционному органу (арбитрабельны). Базовое понятие при определении широты компетенции третейских судов – «арбитрабельность» [Сабуров 2020: 6].

Арбитрабельность следует понимать как круг дел, которые обладают свойствами, позволяющими отнести их к компетенции арбитража¹. В этом смысле «арбитрабельность» является более узким понятием, чем «подведомственность».

В литературе распространено мнение о том, что арбитрабельность – это составная часть института подведомственности [Скворцов 2004: 382; Николукин 2007: 15; Агаларова 2020: 42]. В качестве синонимов использует категории арбитрабельности и подведомственности В. В. Хвалей [Научно-практический комментарий 2017]. Ряд авторов

¹ Как писал Ю. К. Осипов, «свойство – проявление определенного качества предмета (явления). Качества же (а значит, и свойства) не существуют отдельно от предметов и явлений... Поэтому принято говорить о подведомственности как не о свойстве дел, а о круге дел, обладающих названным свойством» [Осипов 1974].

занимают противоположную позицию [Архипова, Абросимова 2021: 197; Дубровина 2001: 78–79; Еремин 2019: 101; Севастьянов 2009: 94].

Представляется, однако, что «арбитрабельность» служит видовой категорией по отношению к категории «подведомственность». Ю. К. Осипов указывал, что «подведомственность выступает в качестве межотраслевого института права, который реализует функции распределительного механизма юридических дел между различными юрисдикционными органами» [Осипов 1973: 83]. Поскольку третейские суды относятся к юрисдикционным органам, отрицать использование механизма подведомственности для установления объема их компетенции было бы неверным.

Рассматривая соотношение арбитрабельности и юрисдикции, следует отметить, что оно является парадигматическим, поскольку арбитраж лишь одна из форм юрисдикции. В этом смысле категория «юрисдикция» отвечает на вопрос о том, кто что решает, а арбитрабельность – на вопрос об отнесении конкретного спора к тем, которые входят в сферу арбитража [Freimane 2012].

Условия возникновения компетенции у арбитража (третейского суда)

В качестве условий возникновения компетенции у арбитража авторы, как правило, указывают лишь наличие арбитражного соглашения [Алешукина 2017; Бутова, Лебедева 2016; Зыков 2014: 105]. Однако есть и авторы, которые рассматривают арбитрабельность в качестве общего условия для признания наличия у состава третейского суда компетенции по рассмотрению спора [Курочкин 2015: 35]. Следует признать, что одно лишь арбитражное соглашение возникновения компетенции у арбитража не влечет, равно как и наличие только арбитрабельности таковой не порождает. Соответственно, оба этих элемента должны считаться условиями возникновения компетенции состава арбитров².

² Представляется, что проверка юрисдикционных вопросов (арбитрабельность и наличие соглашения) должна осуществляться в целях обеспечения дальнейшей исполнимости арбитражного решения. Так, МКАС при ТПП РФ в одном из дел в отсутствие возражений сторон *ex officio* проверил свою компетенцию и прекратил производство по делу (Постановление МКАС при ТПП РФ о прекращении арбитражного разбирательства от 8 апреля 2009 г. по делу № 90/2008).

Арбитражное соглашение, для того чтобы обусловить возникновение компетенции, должно быть заключенным, действительным и исполнимым. Арбитражное соглашение выполняет двойную роль в регулировании вопросов компетенции арбитража, выступая одновременно источником ее возникновения и условием ее существования. В качестве условия данное соглашение порождает основания для обращения в арбитраж, а в качестве источника – определяет объем компетенции состава арбитров.

Арбитрабельность же как механизм определения объема компетенции третейского суда является требованием для действительности (по существу) арбитражного соглашения и в то же время условием для признания юрисдикции арбитража [Berger 2015: 62]. Под арбитрабельностью следует понимать относимость нуждающихся в разрешении споров о праве к ведению третейских судов.

Если признание арбитражного соглашения и арбитрабельности спора в качестве условий арбитража выглядит бесспорным, то соблюдение тех или иных досудебных процедур, предусмотренных соглашением между сторонами, вызывает вопрос об отнесении этих процедур к функциональной компетенции либо предметной компетенции (юрисдикции) арбитража. Казалось бы, неважно, к чему мы отнесем эти вопросы, если решение о принятии заявления к рассмотрению в силу принципа *Kompetenz-Kompetenz* будет за трибуналом. Видимо, такой логики придерживался и трибунал Международного центра по урегулированию инвестиционных споров в деле *Methanex v. United States of America*¹. Однако у этого решения есть отдаленные, но вполне реальные практические последствия, в свете которых имеет теоретическое и практическое значение разграничение вопросов о компетенции (*competence*) и допустимости принятия заявления к рассмотрению в третейском суде (*admissibility*).

Вопрос о необходимости разграничения данных категорий был поднят в научной литературе в начале 2000-х гг. Ян Полссон писал, что ошибочная классификация вопросов допустимости как юрисдикционных может привести к неоправданному расширению возможностей для оспаривания арбитражных решений [Paulsson 2005: 601].

¹ *Methanex v. United States of America*, Partial Award, 7 August 2002, footnote 8.

Аналогичные подходы можно встретить и в иных работах [Obamuroh 2020; Рачков 2018]. С этим выводом сложно не согласиться.

Обращаясь к международным договорам, регулирующим вопросы арбитража, следует отметить тенденцию к сокращению влияния государственных судов на арбитраж, особенно в части отмены либо отказа в приведении в исполнение решения третейского суда. Статья V Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.), в частности, не предусматривает никаких оснований для непризнания решения арбитража, таких как несоблюдение досудебного порядка или иное основание, затрагивающее разрешение вопроса о допустимости принятия заявления к рассмотрению составом арбитров. Нет подобного основания и в российском процессуальном законодательстве.

Между тем отнесение вопроса допустимости к юрисдикционным вопросам может повлечь за собой возможность отмены акта третейского суда об установлении компетенции по рассмотрению того или иного спора. Определяя допустимость принятия заявления к рассмотрению в качестве условий возникновения компетенции, мы необоснованно расширяем пределы компетенции государственного суда в отношении контроля за арбитражем, что не может отвечать правовой природе третейского разбирательства.

Определяя полномочия на рассмотрение спора, арбитраж реализует свою предметную компетенцию, и в этой части государственный суд не может быть ограничен в возможностях контроля за третейским разбирательством. Между тем наряду с предметной компетенцией состав арбитров при решении вопроса об инициировании разбирательства реализует функциональную компетенцию, опосредующую совершение тех или иных действий, способствующих реализации предметных полномочий. Допускать вторжение государственных судов в осуществление полномочий данной группы было бы неверно, поскольку в этом случае арбитраж лишился бы самостоятельности и становился полностью зависимым от государственной судебной системы².

² Еще в Уставе гражданского судопроизводства губерний Царства Польского 1864 г. указывалось, что не может служить поводом к пересмотру решения третейского суда несоблюдение общих формальностей судопроизводства (параграф 1027).

Проверка третейским судом досудебного порядка разрешения спора, на первый взгляд, очевидно относится к вопросам допустимости принятия заявления к рассмотрению в арбитраже, а не к вопросам юрисдикции. В отношении классических процедур (переговоры, медиация и т. д.) с этим сложно спорить. Иная ситуация возникает, когда стороны предусмотрели в соглашении гибридную (смешанную) процедуру урегулирования спора, например «медиацию-арбитраж» (MED-ARB). Гибридные процедуры представляют собой не два самостоятельных порядка урегулирования спора (как это имеет место при переговорах и арбитраже), а единый негосударственный механизм разрешения спора. Отличается и состав юридических фактов в гибридных процедурах и обычных способах досудебного урегулирования спора. В этом случае мы не можем отделять вопросы о соблюдении доарбитражной процедуры от вопроса компетенции, что приводит к необходимости заключить, что в такой ситуации они являются вопросами компетенции.

Проверку же соблюдения простых доарбитражных процедур следует относить к вопросу допустимости.

Компетенция арбитража как фактический состав

Наличие нескольких элементов, находящихся в различных связях, детерминирует необходимость построения системы, в которой все представленные элементы функционировали бы как единое целое.

В практике арбитражей мы зачастую сталкиваемся с односторонним подходом, согласно которому наличие у арбитража компетенции поставлено в зависимость исключительно от заключения арбитражного соглашения. Данный подход встречается и в доктрине [Сидорова, Зданович 2021: 143]. Применение исключительно института подведомственности, а именно арбитрабельности, для определения компетенции арбитража также не решает проблему. При установлении юридических фактов, входящих в состав компетенции арбитража, следует учесть все ее элементы как единый механизм, не выделяя как не связанные друг с другом вопросы компетенции как подведомственности, вопросы арбитражного соглашения и т. д.

Компетенция третейского суда, как и компетенция государственных судов, включает

в себя рассмотрение не только вопросов, непосредственно затрагивающих существо спорного правоотношения, но и вопросов, связанных с реализацией функций арбитража, способствующих рассмотрению спора. Это предопределяет необходимость выделения таких видов компетенции, как предметная, заключающаяся в разрешении конкретного спора, и функциональная, затрагивающая сопутствующие предметной компетенции аспекты и направленная на обеспечение движения процесса.

При этом содержание функциональной компетенции составляют полномочия на принятие искового заявления к рассмотрению, истребование от ответчика отзыва на исковое заявление, полномочия на проведение разбирательства дела в заседании третейского суда, полномочия на принятие обеспечительных мер, на вынесение решения и т. д., а полномочия международных коммерческих арбитражей на осуществление своих функций в отношении определенного в законе круга объектов составляют их предметную компетенцию [Курочкин 2018]. Функциональная компетенция в этом случае полностью производна от предметной, поскольку лишь способствует ее реализации. В то же время несоблюдение тех или иных процессуальных гарантий либо договоренностей сторон относительно процедуры в ходе реализации функциональных полномочий способно привести к отмене решения арбитража.

Арбитраж является смешанным правовым образованием, что предопределяет необходимость учета различных факторов при установлении компетенции состава арбитров по рассмотрению спора. Так, если государственный суд при установлении своей компетенции зачастую ограничивается обращением к законодательным нормам, то арбитраж вынужден учитывать не только правовые нормы, но и совокупность иных юридических фактов. Компетенция арбитража характеризуется тем, что, во-первых, арбитры вправе принимать к рассмотрению только арбитрабельные споры и, во-вторых, при рассмотрении таких споров арбитраж не вправе выходить за пределы полномочий, предоставленных арбитражным соглашением [Зыков 2014: 113].

Анализ правоприменительной практики арбитражей показывает, что состав арбитров при решении вопроса о своей компетенции рассматривает различные группы вопросов:

от арбитрабельности споров до вопросов формирования состава арбитров¹. Между тем бессистемное применение данных категорий размывает пределы понятия компетенции и пределы проверки составом арбитров этих вопросов. Представляется необходимым подвергать проверке лишь обстоятельства, относящиеся к предметной компетенции, поскольку исследование на этапе установления компетенции элементов функциональной компетенции приведет к необоснованному расширению первичной стадии процесса рассмотрения дела в арбитраже.

Наиболее наглядно процесс решения вопроса о предметной компетенции арбитража был проиллюстрирован И. Г. Ренцем в решении Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 27 июня 2019 г. В нем единоличный арбитр указал, что «компетенция состава арбитража по разрешению спора между сторонами основана:

на действующем арбитражном соглашении, по которому его стороны договорились передавать любой спор, разногласие или претензию из договора поставки или в связи с ним на разрешение путем арбитража, администрируемого Российским арбитражным центром при автономной некоммерческой организации „Российский институт современного арбитража“ в соответствии с положениями Арбитражного регламента;

на норме ч. 3 ст. 1 Федерального закона № 382-ФЗ от 29.12.2015 „Об арбитраже (третейском разбирательстве) в РФ“, в соответствии с которой в арбитраж (третейское разбирательство) по соглашению сторон могут передаваться споры между сторонами гражданско-правовых отношений, если иное не предусмотрено федеральным законом;

на положениях ч. 1 ст. 33 АПК РФ, согласно которым споры между сторонами гражданско-правовых отношений, подведомственные арбитражным судам в соответствии с настоящим Кодексом, могут быть переданы на рассмотрение третейского суда при наличии

¹ См., например: решения Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 6 августа 2021 г.; от 21 июля 2021 г.; от 12 июля 2021 г.; от 23 июня 2021 г.; от 16 июня 2021 г.; от 29 апреля 2021 г.; от 13 апреля 2021 г.; от 2 февраля 2021 г.; от 13 января 2021 г.; от 29 декабря 2020 г.; от 29 сентября 2020 г.; от 17 апреля 2021 г.; от 6 декабря 2019 г.

между сторонами спора действующего арбитражного соглашения. При этом данный спор не относится к числу тех, которые не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда в силу ч. 2 ст. 33 АПК РФ;

на положениях п. 2 ст. 14 Арбитражного регламента, по которому если стороны арбитража не согласовали кандидатуру единоличного арбитра или порядок его выбора в арбитражном соглашении, то единоличный арбитр назначается Президиумом не позднее 30 (тридцати) дней с даты получения РАЦ Уведомления или Иска».

Можно говорить о том, что установление компетенции арбитража представляет собой сложный фактический состав, все элементы которого должны наличествовать для признания арбитража компетентным рассмотреть конкретный спор.

Отдельные авторы, раскрывая содержание компетенции арбитража, разграничивают ее на объективную и субъективную. Так, Р. О. Зыков отмечает, что «объективная компетенция арбитража определяет, может ли спор в принципе быть предметом арбитражного разбирательства», а «субъективная заключается в наличии и объеме полномочий состава арбитража в отношении конкретного спора, переданного на его рассмотрение». При этом автор указывает, что субъективная компетенция включает в себя четыре элемента:

компетенцию в отношении предмета спора (объекта спора);

компетенцию в отношении сторон арбитражного соглашения (субъектов спора);

компетенцию в отношении организации арбитражного процесса;

компетенцию в отношении определения средств защиты поправленных прав сторон спора [Зыков 2014: 112].

Бесспорно то, что отдельные элементы фактического состава компетенции арбитража задаются императивно волей законодателя и не могут быть трансформированы соглашением сторон. Одним из таких элементов выступает арбитрабельность как водораздел между частным и государственным правосудием, охватывающий все аспекты, связанные с непосредственным дозволением государства на рассмотрение споров в арбитраже.

Следующим элементом, необходимым для возникновения компетенции арбитража и обладающим диспозитивными характеристика-

ми, является соглашение сторон третейского разбирательства. Представляется, что это соглашение должно определять объем полномочий арбитров на разрешение того или иного спора¹, а также вопросы действия компетенции в отношении субъектов спора. Следует заметить, что если лицо, привлеченное к участию в разбирательстве дела в арбитраже, не связано арбитражным соглашением, то не имеется оснований для рассмотрения дела с его участием².

Необходимо дополнить данную группу и таким элементом, как установление порядка формирования состава арбитров для рассмотрения конкретного спора. Предметная компетенция не может быть реализована, если отсутствует лицо, ее реализующее. Состав арбитров наделяется полномочиями в процессе его формирования в соответствии с правилами, избранными волей сторон. Лишь с момента формирования состава арбитража юридический состав предметной компетенции может считаться сформированным и рассмотрение возникшего спора может быть начато.

В качестве факультативного элемента фактического состава компетенции арбитража следует рассматривать наличие судебного акта государственного суда. В Российской Федерации такая роль для судебных актов нехарактерна³, однако подобные примеры встре-

чаются в зарубежной практике. Так, Закон Никарагуа о медиации и арбитраже предусматривает возможность стороны обратиться в суд для разрешения вопроса о компетенции арбитража⁴. Между тем данный подход не может быть признан отвечающим принципу *Kompetenz-Kompetenz*, предоставляющему арбитражу полномочие самостоятельно решать вопросы о наличии либо отсутствии компетенции по рассмотрению спора, переданного в третейскую институцию. Помимо этого, как указал Верховный суд Канады в деле *Creston Moly Corp. v. Sattva Capital Corp.*, «согласно канадскому законодательству вопросы о том, кто определяет возможность арбитража... являются нюансами, которые могут быть определены только в каждом конкретном случае». Несмотря на это, роль данного юридического факта в фактическом составе компетенции применительно к отдельным юрисдикциям сложно отрицать.

Проведенное исследование показывает, какие сложности возникают в связи с решением вопроса о компетенции третейского суда. Далеко не все из них можно разрешить в рамках небольшого исследования. В частности, вопросы функциональной компетенции, обеспечивающей движение процесса при рассмотрении спора в арбитраже, требуют, безусловно, самостоятельного детального изучения. Между тем настоящая работа может послужить «каркасом» для встраивания новых идей, что будет способствовать формированию единого учения о компетенции третейских судов.

Arbitration in Colombia), Панаме (Law № 131, Panamanian Arbitration Law), Уругвае (Uruguayan International Commercial Arbitration Law № 19,636).

⁴ Law № 540, Mediation and Arbitration, the Republic of Nicaragua (24 June 2005), Article 42.

Список литературы

- Alcaraz E., Hughes B.* Legal Translation Explained. London: Routledge, 2012. 216 p.
- Berger B.* International and Domestic Arbitration in Switzerland. 3rd ed. Berne: Stämpfli, 2015. 829 p.
- Freimane N.* Arbitrability: Problematic Issues of the Legal Term. Riga: Riga Graduate School of Law, 2012. 68 p.
- Obamuroh T.* Jurisdiction and Admissibility: a Case Study // Arbitration International. 2020. Vol. 36. № 3. P. 373–413.
- Paulsson J.* Jurisdiction and Admissibility // Global Reflections on International Law, Commerce and Dispute Resolution. 2005. № 693. P. 601–617.
- Абова Т. Е., Тадевосян В. С.* Разрешение хозяйственных споров. М.: Юрид. лит., 1968. 176 с.

- Агаларова М. А. Новеллы ГПК РФ и АПК РФ относительно отказа от подведомственности // Юридический вестник Самарского университета. 2020. № 3. С. 40–45.
- Алексеев С. С. Государство и право (начальный курс). М.: Юрид. лит., 1994. 192 с.
- Алешукина С. А. Прямые соглашения – новелла законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве) // Вестник ТвГУ. Сер. Право. 2017. № 2. С. 31–35.
- Ануров В. Н. Компетенция третейского суда: допустимость иска. М.: Проспект, 2020. 272 с.
- Ануров В. Н. Международный инвестиционный арбитраж: вопросы компетенции: учеб. пособие для магистров. М.: Проспект, 2019. 208 с.
- Архипова А. А., Абросимова Е. А. Арбитрабельность морских споров с публично-правовым элементом // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 196–205.
- Бараданченкова Н. Е. Анализ взглядов на понятие «компетенция» в науке российского гражданского процесса // Российский юридический журнал. 2014. № 3. С. 168–173.
- Бахрах Д. Н. Подведомственность юридических дел и ее уровни // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 46–60.
- Бурова И. Л., Лебедева Н. Н. Арбитражное соглашение как условие относимости экономического спора к компетенции третейского суда // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 4. С. 170–175.
- Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
- Воложанин В. П. Основные проблемы защиты гражданских прав в несудебном порядке: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1975. 34 с.
- Гурвич М. А. Подведомственность и подсудность // Советское гражданское процессуальное право / под ред. М. А. Гурвича. М., 1957. С. 109–133.
- Дубровина М. А. Подведомственность споров третейскому суду // Вестник Московского университета. Сер. Право. 2001. № 2. С. 78–80.
- Еремин В. В. Подходы к определению арбитрабельности: соотношение арбитрабельности, подведомственности и компетенции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 95–107.
- Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Статут, 2014. 576 с.
- Зыков Р. О. Международный арбитраж в Швеции: право и практика. М.: Статут, 2014. 285 с.
- Козлов А. Ф. Предметные полномочия суда первой инстанции // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство / под ред. П. Ф. Елисейкина. Ярославль, 1979. С. 98–100.
- Курочкин С. А. Арбитрабельность и подведомственность: вопросы теории // Третейский суд. 2015. № 1. С. 32–44.
- Курочкин С. А. Компетенция международного коммерческого арбитража // Международный коммерческий арбитраж: учеб. / науч. ред. О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г. В. Севастьянов; отв. ред. Т. А. Лунаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018.
- Кутафин О. Е., Шеремет К. Ф. Компетенция местных советов. М.: Юрид. лит., 1986. 224 с.
- Лебедев М. Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: Саратов. юрид. акад., 2005. 218 с.
- Малько А. В., Нырков В. В., Шундилов К. В. Теория государства и права: учебник для среднего профессионального образования. М.: Норма, 2022. 432 с.
- Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. 213 с.
- Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалея. М.: РАА, 2017. 935 с.
- Николюкин С. В. Арбитражные соглашения и компетенция международного коммерческого арбитража: некоторые проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Москов. акад. экономики и права, 2007. 27 с.
- Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел. Свердловск: Свердлов. юрид. ин-т, 1973. 124 с.
- Осипов Ю. К. Правовые нормы, регулирующие подведомственность юридических дел, в системе советского законодательства // Правоведение. 1974. № 5. С. 28–34.

Рачков И. В. Решения международных инвестиционных арбитражей о компетенции (юрисдикции) и приемлемости исков: обзор наиболее примечательных дел за 2016 год // Международное правосудие. 2018. № 3. С. 93–100.

Рожкова М. А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. 2006. № 1. С. 19–29.

Сабуров Е. А. Третейское разбирательство как способ разрешения правового конфликта // Юридическая наука. 2020. № 2. С. 3–9.

Севастьянов Г. В. Правовая природа арбитража и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Ин-т гос-ва и права РАН, 2009. 240 с.

Сидорова Т. Ю., Зданович Д. В. Компетенция международных арбитражных учреждений: вопросы соотношения международного и национального права // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4. С. 142–147.

Скворцов О. Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: Проблемы, тенденции, перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т, 2004. 775 с.

Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс: полный курс. 2-е изд. М.: Изд-во К. И. Тихомирова, 2006. 697 с.

Владислав Дмитриевич Туктамышев – ассистент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.
ORCID: 0000-0001-8502-7584

Arbitration Competence: General Characteristics

The article analyzes the approaches to the interpretation of the concept of arbitration competence, examines the conditions of its emergence and the composition of legal facts necessary for the recognition of arbitration competence to consider a dispute. Relevance of the topic is due to the fact that many issues of arbitration competence remain incompletely comprehended, which gives rise to practical difficulties in the exequatur of decisions.

The author concludes that the competence of arbitration should be understood as a set of powers of the arbitral tribunal. It is established that the arbitration agreement and arbitrability act as conditions of arbitration competence, as well as legal facts forming the competence of arbitration. The issue of correlation of the conditions of competence and admissibility of the application to arbitration is investigated, and the conclusion is made that the issue of checking compliance with the pre-trial procedure is not a matter of competence, except for the case when the parties chose a hybrid procedure for dispute resolution. It also establishes the content of the actual composition necessary for the emergence of arbitration competence, which includes such elements as arbitrability, the existence of an arbitration agreement, and the formation of the composition of arbitrators.

Keywords: arbitration, arbitrability, competence, admissibility, mediation-arbitration

Recommended citation

Tuktamyshev V. D. Kompetentsiya arbitrazha: obshchaya kharakteristika [Arbitration Competence: General Characteristics], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 42–52, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_42.

References

Abova T. E., Tadevosyan V. S. *Razreshenie khozyaistvennykh sporov* [Settlement of Economic Disputes], Moscow, Yurid. lit., 1968, 176 p.

Agalarova M. A. *Novelly GPK RF i APK RF otnositel'no otkaza ot podvedomstvennosti* [Novelties of CPC RF and APC RF Regarding the Refusal of Jurisdiction], *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2020, no. 3, pp. 40–45.

Alcaraz E., Hughes B. *Legal Translation Explained*, London, Routledge, 2012, 216 p.

Alekseev S. S. *Gosudarstvo i pravo (nachal'nyi kurs)* [State and Law: Initial Course], Moscow, Yurid. lit., 1994, 192 p.

Aleshukina S. A. Pryamye soglashiya – novella zakonodatel'stva ob arbitrazhe (treteiskom razbiratel'stve) [Direct Agreements as a New of Arbitration Legislation], *Vestnik TvGU. Ser. Pravo*, 2017, no. 2, pp. 31–35.

Anurov V. N. *Kompetentsiya treteiskogo suda: dopustimost' iska* [Arbitration Competence: Admissibility of a Claim], Moscow, Prospekt, 2020, 272 p.

Anurov V. N. *Mezhdunarodnyi investitsionnyi arbitrazh: voprosy kompetentsii* [International Investment Arbitration: Competence], Moscow, Prospekt, 2019, 208 p.

Arkhipova A. A., Abrosimova E. A. Arbitrabel'nost' morskikh sporov s publichno-pravovym elementom [Arbitrability of Maritime Disputes with Public Elements], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 463, pp. 196–205.

Baranchenkova N. E. Analiz vzglyadov na ponyatie «kompetentsiya» v nauke rossiiskogo grazhdanskogo protsessa [Analysis of Views on Concept of Competence in Russian Civil Procedure Doctrine], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 168–173.

Bakhrakh D. N. Podvedomstvennost' yuridicheskikh del i ee urovni [Jurisdiction of Judicial Cases and its Levels], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 4, pp. 46–60.

Berger B. *International and Domestic Arbitration in Switzerland*, Berne, Stämpfli, 2015, 829 p.

Burova I. L., Lebedeva N. N. Arbitrazhnoe soglasenie kak uslovie odnosimosti ekonomicheskogo spora k kompetentsii treteiskogo suda [Arbitration Agreement as a Condition of Arbitration Competence on Economic Disputes], *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki*, 2016, no. 4, pp. 170–175.

Dubrovina M. A. Podvedomstvennost' sporov treteiskomu sudu [Jurisdiction of Arbitration], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Pravo*, 2001, no. 2, pp. 78–80.

Eremin V. V. Podkhody k opredeleniyu arbitrabel'nosti: sootnoshenie arbitrabel'nosti, podvedomstvennosti i kompetentsii [Approaches to the Definition of Arbitrability: Correlation of Arbitrability, Jurisdiction and Competence], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 8, pp. 95–107.

Freimane N. *Arbitrability: Problematic Issues of the Legal Term*, Riga, Riga Graduate School of Law, 2012, 68 p.

Gurvich M. A. *Podvedomstvennost' i podsudnost'* [Jurisdiction], Gurvich M. A. (ed.) *Sovetskoe grazhdanskoe protsessual'noe pravo* [Soviet Civil Procedure Law], Moscow, 1957, pp. 109–133.

Khvaley V. V. (ed.) *Nauchno-prakticheskii postateinyi kommentarii k zakonodatel'stvu o treteiskikh sudakh* [Scientific and Practical Article-by-Article Commentary on Arbitration Legislation], Moscow, RAA, 2017, 935 p.

Kozlov A. F. *Predmetnye polnomochiya suda pervoi instantsii* [Substantive Powers of the First Instance Courts], Eliseikin P. F. (ed.) *Problema zashchity sub"ektivnykh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo* [The Problem of Protection of Subjective Rights and Soviet Civil Litigation], Yaroslavl', 1979, pp. 98–100.

Kurochkin S. A. Arbitrabel'nost' i podvedomstvennost': voprosy teorii [Arbitrability and Jurisdiction: Theoretical Issues], *Treteiskii sud*, 2015, no. 1, pp. 32–44.

Kurochkin S. A. *Kompetentsiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha* [Arbitration Competence], Lunaeva T. A. (ed.) *Mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh* [International Commercial Arbitration], Moscow, Statut, 2018.

Kutafin O. E., Sheremet K. F. *Kompetentsiya mestnykh sovetov* [Local Councils' Competence], Moscow, Yurid. lit., 1986, 224 p.

Lebedev M. Yu. *Razvitie instituta yurisdiksii i ego proyavlenie v treteiskom sude* [Development of the Institute of Jurisdiction and its Phenomenon in Arbitration]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, Saratov. gos. akad. prava, 2005, 218 p.

Mal'ko A. V., Nyrkov V. V., Shundikov K. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Norma, 2022, 432 p.

Mitskevich A. V. *Sub"ekty sovetskogo prava* [Subjects of Soviet Law], Moscow, Gosyurizdat, 1962, 213 p.

Nikolyukin S. V. *Arbitrazhnye soglasheniya i kompetentsiya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Arbitration Agreements and Competence of International Arbitration: Some Issues of Theory and Practice]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 11-i FORMAT, 2007, 27 p.

Obamuroh T. Jurisdiction and Admissibility: A Case Study, *Arbitration International*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 373–413.

Osipov Yu. K. *Podvedomstvennost' yuridicheskikh del* [Jurisdiction of Legal Cases], Sverdlovsk, Sverdlov. yurid. in-t, 1973, 124 p.

Osipov Yu. K. Pravovye normy, reguliruyushchie podvedomstvennost' yuridicheskikh del, v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [Legal Norms on Jurisdiction in Soviet Law System], *Pravovedenie*, 1974, no. 5, pp. 28–34.

Paulsson J. Jurisdiction and Admissibility, *Global Reflections on International Law, Commerce and Dispute Resolution*, 2005, vol. 693, pp. 601–617.

Rachkov I. V. Resheniya mezhdunarodnykh investitsionnykh arbitrazhei o kompetentsii (yurisdiktsii) i priemlemosti iskov: obzor naibolee primechatel'nykh del za 2016 god [International Investment Arbitration Awards on Jurisdiction and Admissibility: Review for the 2016], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2018, no. 3, pp. 111–132.

Rozhkova M. A. K voprosu o sodержanii ponyatii «kompetentnyi sud» i «podvedomstvennost' dela» [Content of the Definitions «Competent Court» and «Jurisdiction»], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2006, no. 1, pp. 19–29.

Saburov E. A. Treteiskoe razbiratel'stvo kak sposob razresheniya pravovogo konflikta [Arbitration as a Method of Resolving a Legal Conflict], *Yuridicheskaya nauka*, 2020, no. 2, pp. 3–9.

Sevast'yanov G. V. *Pravovaya priroda arbitrazha i kompetentsiya treteiskogo suda v sfere nedvizhimosti* [Legal Nature of Arbitration and Arbitration Competence in Real Estate]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, In-t gos-va i prava RAN, 2009, 240 p.

Sidorova T. Yu., Zdanovich D. V. Kompetentsiya mezhdunarodnykh arbitrazhnykh uchrezhdenii: voprosy sootnosheniya mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava [Competence of International Arbitration: Correlation of International and National Law], *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, 2021, no. 4, pp. 142–147.

Skvortsov O. Yu. *Treteiskoe razbiratel'stvo predprinimatel'skikh sporov v Rossii: Problemy, tendentsii, perspektivy* [Arbitration of Economic Disputes in Russia: Problems and Way Forward]: doct. jur. sc. thesis, Saint Petersburg, Sankt-Peterburg. gos. un-t, 2004, 775 p.

Tikhomirov Yu. A. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], Moscow, Izd-vo K. I. Tikhomirova, 2006, 697 p.

Vas'kovskii E. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Sub"ekty i ob"ekty protsessa, protsessual'nye otnosheniya i deistviya* [Course of Civil Procedure: Subjects and Objects, Procedural Relations and Actions], Moscow, Statut, 2016, 624 p.

Volozhanin V. P. *Osnovnye problemy zashchity grazhdanskikh prav v nesudebnom poryadke* [The Main Problems of Civil Rights Protection out of Court]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Sverdlovsk, Sverdlov. yurid. in-t, 1975, 34 p.

Zhilin G. A. *Pravosudie po grazhdanskim delam: aktual'nye voprosy* [Justice in Civil Cases: Current Issues], Moscow, Statut, 2014, 576 p.

Zykov R. O. *Mezhdunarodnyi arbitrazh v Shvetsii: pravo i praktika* [International Arbitration in Sweden: Law and Practice], Moscow, Statut, 2014, 285 p.

Vladislav Tuktamyshev – assistant of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: tuktamyshev.vd@bk.ru.

ORCID: 0000-0001-8502-7584

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 29.11.2022

А. Ю. Ширяев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

**УЧЕНИЕ О СОСТАВЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА
П. А. ФЕЙЕРБАХА**

Предметом исследования являются междисциплинарные взаимосвязи уголовно-правового института основания уголовной ответственности и уголовно-процессуальных институтов уголовного преследования и предмета доказывания, разработанные в трудах основоположника классической науки уголовного права П. А. Фейербаха. Цель исследования – проанализировать особенности развития П. А. Фейербахом понятия состава преступления в сравнении с его историческим процессуальным прототипом, появившимся в XVI в. (corpus delicti), а также определить место учения о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха, включающей в себя уголовное делопроизводство как его составную часть.

Изучены оригиналы трудов ученого (одиннадцатое издание учебника по уголовному праву 1832 г.), первые переводы его работ на русский язык (1810 и 1827 г.) и иные теоретические источники. Установлено, что система науки уголовного права П. А. Фейербаха включает в себя три части: Общую, Особенную и «прагматическую» (судопроизводство). Состав преступления в этой системе занимает особое место, потому что разработан как материально-процессуальная конструкция для уголовно-процессуального познания релевантных фактов, обеспечивающая фактические условия для виновного вменения и выступающая началом инициирования неперсонифицированного уголовного преследования.

Ключевые слова: состав преступления, вина, умысел, прагматическая модель уголовного права, субъективное вменение

Для цитирования

Ширяев А. Ю. Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 53–61. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53

В 1810 г. в Санкт-Петербурге была издана в русском переводе первая книга учебника уголовного права немецкого криминалиста Пауля Ансельма Фейербаха «Уголовное право. Сочинение доктора Павла Ансельма Фейербаха». Вторая и третья книги были опубликованы в Санкт-Петербурге следом за первой в 1811 и 1827 г. соответственно.

По оценке Г. С. Фельдштейна, исследователя истории отечественной уголовно-правовой науки, курсу П. А. Фейербаха «было суждено сыграть решающую роль в применении к русской науке» [Фельдштейн 2003:

291–292]. По мнению Г. С. Фельдштейна, именно этот труд дал толчок к развитию научно-догматической обработки нашего уголовного права [Там же: 291]. Перевод учебника П. А. Фейербаха, по его словам, «послужил фактически путеводной нитью, которая помогла русской науке выбраться из лабиринта „памятников“ и собраний указов на равнину научно-догматического построения уголовного законодательства» [Там же: 292].

Труд П. А. Фейербаха представляет собой системное изложение учения об уголовном праве. Система уголовного права П. А. Фей-

ербаха состоит из трех частей, каждой из которых отведена отдельная книга. Именно в этой работе получило развитие и стало таким, каким оно является и в настоящее время в странах семьи континентального права, учение П. А. Фейербаха о составе преступления.

Исследователи обыкновенно полагают, что понятие состава преступления, которое возникло исключительно как процессуальное понятие набора улик, необходимых для начала «общего разыскания»¹, в доктрине П. А. Фейербаха стало строго уголовно-правовым термином и полностью утратило свое первоначальное процессуальное значение [Учение о составе преступления 2009: 241–243]. При этом упускается из виду то, что П. А. Фейербах разработал концепцию уголовного права, которая сочетает в себе и уголовно-правовые, и уголовно-процессуальные элементы одной общей науки уголовного права.

Обращает на себя внимание тот факт, что русский переводчик счел необходимым разместить на титульном листе первой книги цитату, принадлежащую Екатерине Великой: «Лучше простить десять виновных, нежели наказать одного невинного». Уже исходя из этого можно предположить, что важной задачей труда П. А. Фейербаха и своей работы переводчик видел преодоление ошибочности уголовно-судебного познания.

По П. А. Фейербаху, части системы уголовного права следующие: всеобщая, или философическая (философская), позитивная, или особенная, и прагматическая [Feuerbach 1832: 111; Фельдштейн 2003: 331] (в русском переводе XIX в. – «делопроизводство уголовного права») [Фейербах 1827: 1]. Такое деление основано на началах построения научных систем того времени; представляется, что оно не утратило значения и сейчас. Так, три части рассматриваемой концепции уголовного права соответствуют «трем основным моментам» в учении философа Г. Е. Струве: принципам (основным положениям) системы, содержанию или материи системы и, наконец, форме или формам системы, определяющим порядок вывода всех частных положений [Струве 2018: 141–142].

¹ «Общее разыскание» означает инициирование уголовного преследования по самому факту криминального события, когда подозреваемое лицо не установлено.

Книга разделена на главы, главы – на отделения, отделения – на подразделения, которые в свою очередь разбиты на параграфы, объединенные сквозной нумерацией. Все это говорит о концептуальном единстве трехчленной системы уголовного права.

Во всеобщей (философической) части во втором отделении главы второй, озаглавленной «О качестве наказательного закона и применении», автор излагает предпосылки (условия) уголовной ответственности, а затем – назначения наказания, объединенные общим понятием условий (оснований) наказуемости (*Gründe der Strafbarkeit*) [Feuerbach 1832]. Условия, или предпосылки, уголовной ответственности автор называет основаниями абсолютной (безусловной) наказуемости², а предпосылки назначения наказания – основаниями относительной (релятивной) наказуемости [Ibid].

П. А. Фейербах делил основания абсолютной наказуемости на два вида: объективное основание и субъективные основания [Ibid: 62, 64]. В русском переводе употреблены термины «предлежательное основание» и «подлежательные основания» соответственно [Фейербах 1810: 78, 82].

Объективное основание абсолютной наказуемости (*objective Grund der absoluten Strafbarkeit*), как видно из самого названия, есть нечто одно в отличие от некоего множества субъективных оснований. Использование метафоры тела в историческом названии состава преступления, по нашему мнению, вовсе не случайно (*corpus delicti* в переводе с латинского – «тело преступления»). Одно взаимосвязанное целое, существование которого абсолютно достоверно и которое объективно познаваемо с точки зрения материальной истины, – это сущность, обладающая физическим телом. Вместе с тем признаки и следы «живого деяния» несут на себе от-

² Немецкий термин *Verantwortlichkeit*, означающий «ответственность», в работах немецких и русских криминалистов XIX в. не встречается. Впервые понятие ответственности появляется у Франца фон Листа в его учебнике уголовного права, изданного в России в переводе с немецкого в 1903 г. Понятие же наказуемости в историческом аспекте представляет особый интерес, так как П. А. Фейербах считал «наказуемость» (*Strafbarkeit*) общим понятием и для оснований уголовной ответственности (абсолютная наказуемость), и для начал назначения наказания (относительная наказуемость). Первым и исходным абсолютным основанием наказуемости и выступает состав преступления.

печаток фактического проявления воли, которое есть необходимое условие для подведения факта под норму. П. А. Фейербах определял содержание этого единого объективного основания абсолютной наказуемости как «совокупность признаков особенно-го деяния или факта, которыми согласно законодательному понятию определяется вид противоправного деяния» [Feuerbach 1832: 62]. Заметим, что немецкий криминалист имел в виду признаки именно деяния или факта, а не преступления. По П. А. Фейербаху состав преступления соответствует только видовому, а не родовому (общему) законодательному понятию преступления. Отсюда следует, что состав преступления обозначает только признаки всякого уголовно наказуемого деяния вообще.

Это и есть знаменитое разработанное П. А. Фейербахом понятие состава преступления, обозначаемое в труде двумя равнозначными терминами – немецким *Thatbestand des Verbrechens* и латинским *corpus delicti*. Немецкий термин переведен в русском издании 1810 г. как «подлинное состояние преступления», а не «состав преступления» с указанием в скобках термина *corpus delicti* так же, как у П. А. Фейербаха. «Состав преступления» как русский эквивалент терминов *Thatbestand des Verbrechens* и *corpus delicti* появился в трудах русских криминалистов в XIX в., но значительно позже. Первый же вариант перевода не случаен. Он более соответствует по значению изначальному средневековому юридическому понятию *constare de delicto*, обозначающему неопровержимые доказательства преступления [Учение о составе преступления 2009: 241] и образованному посредством слова, выражающего именно состояние, «константность» какого-либо явления¹ [Скорина, Чуракова 1999: 303].

Возникает вопрос: почему состав преступления («подлинное состояние преступления») включен автором в единое «объективное основание наказуемости», а множество «субъективных оснований наказуемости» не входят в совокупность признаков состава преступления? Этот вопрос вызывает чрезвычайный интерес, потому что, как мы еще увидим далее, в совокупность признаков состава преступления по П. А. Фейербаху входят часто,

но не всегда такие субъективные признаки, которые определяют умышленный характер вида противоправного деяния [Фейербах 1810: 79–80].

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо обратиться к истории возникновения понятия «состав преступления».

В 1581 г. итальянский юрист П. Фаринациус впервые употребил термин *corpus delicti* для обозначения доказанных фактов совершения преступного деяния, которые считались достаточными для начала «общего разыскания», когда фигурант по делу не установлен [Учение о составе преступления 2009: 240–241]. С 1796 г. немецкие правоведы начали использовать термин *Thatbestand* (в современном написании – *Tatbestand*) наряду с первоначальным латинским выражением. Считается, что словосочетание «состав преступления», возникшее как процессуальное понятие, стало трактоваться П. А. Фейербахом исключительно в материально-правовом значении, утрачивая свой первоначальный смысл.

Однако такой вывод нельзя признать обоснованным. Стоит обратить внимание на недостаточно изученные важные корреляции между материально-правовым и процессуальным значениями понятия *corpus delicti* в труде П. А. Фейербаха. Они заслуживают особого внимания уже в силу уникальности исследуемого понятия, ведь состав преступления именно как *corpus delicti* – это единственное понятие, связывающие разные эпохи и национальные системы в мировой криминалистике.

В перечень признаков «объективного основания наказуемости» П. А. Фейербах включил субъективные признаки «определенное намерение» и «определенное побуждение воли», указывающие на умышленный характер деяния [Фейербах 1810: 79–80]. Эти признаки хотя и субъективны, но в системе П. А. Фейербаха не привязаны к вине или виновности преступника, поскольку характеризуют деяние как объективное событие. Включенные в состав преступления субъективные признаки отражают умышленный характер деяния нейтрально с точки зрения виновного вменения в отличие от «субъективных оснований наказуемости» [Там же: 82–87].

Отнесение П. А. Фейербахом состава преступления (*corpus delicti*) к объективно-

¹ *Constans* – постоянный, неизменный, прочный (лат.); *constat* – известно (лат.).

му основанию уголовной ответственности, как представляется, обосновывается двумя взаимосвязанными факторами; оба они свидетельствуют о взаимной обусловленности материальных и процессуальных функций этого понятия. Во-первых, состав преступления по П. А. Фейербаху определяет только «особенное деяние», которое запрещено нормой объективного права, т. е. деяние, состав которого описан в позитивной (Особенной) части уголовного права. Во-вторых, состав преступления – совокупность признаков, имеющих объективное выражение, т. е. объективируемых, проявляющихся фактически, познаваемых и доказываемых как факт объективной действительности¹. Этот факт существует в объективной реальности и подлежит расследованию вне зависимости от того, установлены ли личность преступника и вина конкретного лица. Вместе с тем, будучи отчужденным от конкретного автора, указанный объективный факт должен сам по себе либо нести определенный отпечаток целенаправленных усилий, свидетельствующих об умысле, либо, если нет таких данных, указывать только на неосторожность.

Как видим, по П. А. Фейербаху объективность существования уголовно-правового запрета взаимосвязана с объективностью факта совершения деяния, посредством которого запрет нарушается. При этом наличие умысла есть необходимый атрибут и запрета определенных умышленных деяний, и объективного факта, нарушающего запрет. При отсутствии признаков умысла отсутствует факт нарушения нормы, предусматривающей ответственность за умышленное деяние, и всякое применение уголовного закона становится невозможным, как и ход уголовного судопроизводства.

Деление этапов уголовного процесса на общее и специальное разыскание сохраняет значение и в наши дни. В отечественной науке уголовного процесса стадии процесса, обеспечивающие неотвратимость наказания, подразделяются на неперсонифицированное и персонифицированное уголовное преследование [Баев 2017: 16]. Задача неперсонифицированного преследования, называемого также опосредованным, – установить событие преступления, чтобы на основе проведенной реконструкции криминального факта изобличить лицо, совершившее преступление [Там же: 16, 20].

Согласно П. А. Фейербаху, объективное основание абсолютной наказуемости, т. е. состав преступления, характеризуют не только определенное противозаконное последствие деяния, но часто и некоторые подлежательные (субъективные), скрывающиеся в душе преступника основания неправомерного деяния: определенное намерение или определенное побуждение воли [Фейербах 1810: 79–80]². Намерение и побуждение воли мы можем назвать психологическим составом деяния или субъективно-объективными признаками состава преступного деяния, непосредственно связанными с внешним проявлением преступления, в совокупности с последним выражающими сам противоправный вид (тип) запрещенного поведения.

Умысел как вина введен П. А. Фейербахом только в разделе о «субъективных основаниях абсолютной наказуемости», где вместо нейтральных понятий «намерение» и «вид побуждения воли» (*Absicht, Art der Willensbestimmung*) появился латинский юридический термин *dolus*, переведенный на русский язык как «злое намерение» [Там же: 83, 87]. Мы видим, что терминологически умысел и умышленная вина четко разделены П. А. Фейербахом, как разделены они и функционально по отношению к видам оснований наказуемости.

Умысел и побуждение воли в «подлинном состоянии преступления» образуют только объективное основание уголовной ответственности и обозначаются чисто психологическими терминами, не имеющими в немецком языке негативной коннотации [Фристер 2013: 223–224] и широко используемыми в психологической науке [Рождественский 2004: 11].

«Известное внешнее проявление» деяния и «противозаконное последствие» деяния как внешние составляющие объективного «под-

¹ С этой точки зрения такой признак субъекта, как физическое лицо, полностью объективен и является необходимой конститuentой для установления процессуально значимого факта деяния.

² Немецкое выражение *eine gewisse Art der Willensbestimmung* можно перевести и как «известное побуждение воли», и как «известный вид волевого определения».

линного состояния преступления» всегда суть результат соответствующей объективации известного намерения или побуждения воли и только во взаимосвязи с последними получают полное и точное определение как тот или иной вид осуществления воли всяким человеком.

Определяя «подлежащее (субъективное) основание всякой наказуемости», П. А. Фейербах говорил, что оно состоит в душевном качестве самого преступника, которое для предлежащего случая (объективного факта) преступления основало в нем психологическую возможность действия наказательного закона [Фейербах 1810: 82]. Душевное качество, которое служит основанием для наказания человека, называется вменяемостью [Там же]. Основания или причины вменяемости есть всеобщие условия всякого наказания, необходимые предположения для наказания как злого намерения (*dolus*), так и неосмотрительности (*culpa*) [Там же: 83]. Как уже было сказано, перечисленные элементы выведены за пределы «подлинного состояния преступления», поскольку характеризуют уже не объективный факт, а состояние лица, совершившего запрещенное деяние.

Вина (злое намерение или неосмотрительность) связана с психологической возможностью воздействия уголовного закона на волю преступника в момент совершения деяния. Эта возможность осуществляется путем устрашения и сформулирована в теории психологического принуждения, объясняющей саму основу виновного вменения [Feuerbach 1832: 13–19]. Вина – факт внутреннего выбора в пользу преступного деяния при наличии возможности сделать выбор в пользу права. Намерение (умысел) и побуждение воли как признаки объективного основания наказуемости характеризуют сам процесс реализации выбранного действия в объективной реальности. Можно сказать, что, с точки зрения П. А. Фейербаха, основание уголовной ответственности не двухчленно, разделение на объективные и субъективные признаки он считал недостаточным. Ученый делил признаки, образующие систему предпосылок уголовной ответственности, на три класса: объективные (внешние), субъективно-объективные (проявляющиеся во внешних) и строго субъективные (обусловленные внутренним состоянием субъекта). Следует признать, что такое «разборчивое» деление проведено,

чтобы обеспечить достоверность процессуального познания события преступления и обоснованность вменения вины. Ступени вменения вины соответствуют стадиям процессуального познания.

Состав преступления по Фейербаху – это в первую очередь инструмент исследования факта объективной реальности, не предназначенный для изучения личности преступника и его сознания. Именно поэтому состав преступления и отнесен к «объективному основанию абсолютной наказуемости». Поскольку в объективной реальности действует человек, т. е. субъект, постольку и объективное основание содержит психологические характеристики деятельности. Конструируя событие умышленного преступления, мы должны знать с известной степенью достоверности хотя бы общий замысел действующего лица, непосредственно характеризующий вид противоправного деяния.

Состав преступления по Фейербаху – это в первую очередь инструмент исследования факта объективной реальности, не предназначенный для изучения личности преступника и его сознания

В русском переводе содержание «предлежащего (объективного) основания абсолютной наказуемости» раскрывается следующим образом: «Предлежащее основание всякой наказуемости зависит от учиненного противозаконного дела, которое состоит под угрозательным наказательным законом» [Фейербах 1810: 78]. Соответствующую фразу в оригинале мы предложили бы перевести так: «Объективное основание всякой наказуемости есть наличность факта [*ist das Vorhandensein eine Tatsache*], который находится под угрозой наказания уголовным законом» [Feuerbach 1832: 62]. В оригинале нет слова «противозаконного». П. А. Фейербах указывал на то, что для объективного основания наказуемости достаточно наличия факта (дела), который (которое) формально подпадает под признаки запрещенного уголовным законом деяния.

В начале XX в. термин *corpus delicti* продолжили использовать австро-немецкие криминалисты, например Г. Гросс, в его пер-

воначальном процессуальном значении набора фактов для конструирования расследуемого события [Гросс 2002: 169]. Такое употребление термина вполне в духе учения П. А. Фейербаха, просто акцент смещен с признаков юридической нормы на соответствующий объем фактов. Это говорит в пользу сочетания материального и процессуального аспектов в понятии *corpus delicti*.

Отметим, что понятие состава преступления в системе П. А. Фейербаха вполне согласуется с разработанным впоследствии Эрнстом Белингом понятием состава деяния (*Tatbestand*) как абриса или контура типа преступления (*Umriss des Verbrechenstypus*) [Beling 1906: 110]. О преемстве их учений свидетельствует то, что П. А. Фейербах в начале XIX в. заложил основание и предопределил пути развития современной немецкой доктрины, ведь концепция Э. Белинга сформулирована уже в рамках современной немецкой криминалистики [Roxin 2006: 278].

Факт совершения деяния представляет собой осуществление намерения, т. е. объективацию замысла субъекта посредством совершения действий¹. С этой точки зрения осуществление умысла суть объективный факт и основа для виновного вменения. Вместе с тем способность субъекта к правильному волеобразованию лежит за пределами сферы объективных фактов в их обычном понимании. Способность к вменению суть психологическая возможность воздействия уголовного закона на волю субъекта, которая исследуется отдельно от факта осуществления воли и совершенно иным образом. В большинстве ситуаций вменяемость предполагается, является фактической презумпцией [Смирнов, Калиновский 2008: 223]. В любом случае вменяемость, выступая необходимым условием виновного вменения, в отличие от умысла не находит объективного проявления в событии преступления.

Если в связи с подозрением в неспособности отвечать за совершенное деяние субъект подвергается специальному исследованию и признается невменяемым, то совершение умышленного деяния, запрещенного уголовным законом, образует объективный юридический факт, составляющий основание для

¹ Причем имеется в виду «активная сторона» действия, в отличие от пассивного наступившего результата.

применения принудительных мер медицинского характера. В таком случае необходимо доказать факт совершения именно умышленного деяния, чтобы квалифицировать действия по соответствующей норме, предусматривающей ответственность за умышленное общественно опасное деяние.

Прагматизм концепции П. А. Фейербаха проявляется не только в формальном построении системы уголовного права, органически включающей в себя делопроизводство как прагматическую часть.

Мы видим, что понятие *corpus delicti* в системе П. А. Фейербаха является процессуально адаптированным, «инструментальным», объединяет содержание уголовно-правовой нормы с объемом фактов, необходимых для применения материальной нормы в ходе уголовного преследования. Действительно, понятие состава преступления в учении П. А. Фейербаха развито до материально-правового понятия и в то же время не утрачивает процессуального значения *corpus delicti* Фаринациуса, но развивает его и превосходит. Состав преступления определяет как объем, так и содержание фактов, достаточных для начала уголовного судопроизводства. Содержание имеет материально-правовое значение, объем – процессуальное.

Такие субъективные признаки, как физическое лицо и умышленный характер действия (в составе умышленного преступления), как и деяние и последствие – обязательные атрибуты *corpus delicti* как объективного основания абсолютной наказуемости. Вменяемость, возраст преступника, обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, а следовательно, и вина не включены в «подлинное состояние преступления», являются строго субъективными предпосылками ответственности и не влияют на инициирование уголовного преследования. Это положение представляется весьма важным, поскольку, как утверждают современные немецкие криминалисты, «преступление может быть реконструировано и установлено только посредством уголовного процесса» [Шредер, Феррел 2016: 5].

П. А. Фейербах рассматривал применение уголовно-правовой нормы к отдельному преступлению как многоступенчатый процесс реконструкции преступления и привлечения конкретного виновника к ответственности в ходе уголовного судопроизводства [Feuer-

bach 1832: 62]. Поэтому известное намерение и побуждение воли относятся к «подлинному состоянию преступления», а вменяемость и вина – к личному состоянию преступника [Ibid: 63]. Две стадии применения материальной нормы соответствуют двум этапам уголовного преследования. Это соответствие и переход между стадиями обеспечиваются такой объективно-субъективной конструкцией, как состав преступления в том значении, которое он имеет в учении П. А. Фейербаха.

Данная конструкция процессуально необходима, поскольку непersonифицированное уголовное преследование может и должно осуществляться за совершение всякого уголовно наказуемого деяния, в том числе, например, и для выяснения наличия признаков необходимой обороны в действиях лица, получивших предварительную уголовно-право-

вую квалификацию [Меркурьев 2004: 55–56]. С этой точки зрения конструкция состава преступления П. А. Фейербаха весьма практична, так как предполагает ясным образом возможность исключить преступность деяния внешними по отношению к своим элементам обстоятельствами.

В заключение отметим, что П. А. Фейербах, как представляется, разрабатывал свои конструкции на основе принципа материальной истины, подразумевающего взаимозависимость правильной квалификации и доказанности обстоятельств дела. Состав преступления в учении П. А. Фейербаха как основополагающая объективно-субъективная конструкция лежит в основании всех последующих юридических оценок по делу, как обвинительных, так и реабилитирующих, выступает в качестве абриса.

Список литературы

- Beling E.* Die Lehre vom Verbrechen. Tübingen: Verlag von J. E. B. Mohr (Paul Siebeck), 1906. 548 p.
- Feuerbach P. J. A.* Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Eilfte verbesserte Ausgabe. Giessen: Druck und Verlag von Georg Fridrich Heier, 1832. 428 p.
- Roxin C.* Strafrecht. Allgemeiner Teil. 4 neu bearbeitende Aufl. München: C. H. Beck Verlag, 2006. Bd. I: Grundlagen. Der Aufbau der Verbrechenslehre. 1136 p.
- Баев О. Я.* Следователь (основы теории и практики деятельности). М.: Прометей, 2017. 480 с.
- Гросс Г.* Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М.: ЛексЭст, 2002. 1088 с.
- Меркурьев В. В.* Состав необходимой обороны. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2004. 216 с.
- Рождественский Ю. Т.* Немецко-русский словарь по психологии. 3-е изд., стереотип. М.: РУССО, 2004. 512 с.
- Скорина Л. П., Чуракова Л. П.* Латинский язык для юристов: учеб. пособие / под ред. С. В. Семчинского. М.: Нов. знание, 1999. 448 с.
- Смирнов А. В., Калиновский К. Б.* Уголовный процесс: учеб. М.: Кнорус, 2008. 704 с.
- Струве Г. Е.* Элементарная логика: Учебник для преподавания и самообучения. Стереотип. изд. М.: Кн. дом «Либроком», 2018. 168 с.
- Учение о составе преступления в уголовном праве России и Китая: Сравнительно-правовое исследование / под ред. В. С. Коммисарова, А. И. Коробеева, Хе Бинсуна. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2009. 549 с.
- Фейербах П. А.* Уголовное право. Кн. 1. СПб.: Мед. тип., 1810. 142 с.
- Фейербах П. А.* Уголовное право. Кн. 2. СПб.: Тип. Император. воспитательного дома, 1827. 118 с.
- Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 542 с.
- Фристер Г.* Уголовное право Германии. Общая часть. М.: Инфотропик Медиа, 2013. 512 с.
- Шредер Ф.-К., Феррел Т.* Уголовно-процессуальное право Германии / пер. с нем. 5-е изд. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 304 с.

Алексей Юрьевич Ширяев – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 23. E-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0152-7934

The Doctrine of the Formal Components of a Crime in P. Feuerbach's Pragmatic Concept of Criminal Law

The focus of the article is on the interdisciplinary links between criminal law institute of establishing criminal liability and criminal procedure institute of criminal prosecution and subject of proof, developed in the works of the founder of the classical science of criminal law – Paul Feuerbach. The aim of the study is to examine the peculiarities of the development of the notion «the formal components of a crime» by P. Feuerbach in comparison with its historical procedural prototype that emerged in the XVI century («corpus delicti»), and to determine the position of the doctrine of the formal components of a crime in the pragmatic concept of criminal law suggested by P. Feuerbach that includes criminal records management as its part.

The research has included studying of the original works by P. Feuerbach (the eleventh edition of the textbook on criminal law in 1832), the first translations of his works into Russian (1810, 1827), and other theoretical sources of information. The study makes it clear that the system of the science of criminal law suggested by P. Feuerbach naturally includes three parts: General, Special and «Pragmatic» (legal proceedings). The notion of the formal components of a crime takes a special position in this system as it was created as a substantive-procedural structure for the criminal procedural cognition of relevant facts, preparing actual conditions for the guilty imputation and viewed on as the beginning of initiating non-personalized criminal prosecution.

Keywords: *formal components of a crime, guilt, intent, pragmatic model of criminal law, subjective imputation*

Recommended citation

Shiryayev A. Yu. Uchenie o sostave prestupleniya v pragmaticheskoi kontseptsii ugolovnogo prava P. A. Feiervakha [The Doctrine of the Formal Components of a Crime in P. Feuerbach's Pragmatic Concept of Criminal Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 53–61, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_53.

References

Baev O. Ya. *Sledovatel' (osnovy teorii i praktiki deyatel'nosti)* [Investigator (Theoretical and Practical Foundation of Activity)], Moscow, Prometei, 2017, 480 p.

Beling E. *Die Lehre vom Verbrechen*, Tübingen, Verlag von J. E. B. Mohr (Paul Siebeck), 1906, 548 p.

Fel'dshtein G. S. *Glavnye techeniya v istorii nauki ugolovnogo prava v Rossii* [The Main Trends in the History of the Science of Criminal Law in Russia], Moscow, Zertsalo, 2003, 542 p.

Feuerbach P. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], Saint Petersburg, Med. tip., 1810, book 1, 142 p.

Feuerbach P. A. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], Saint Petersburg, Tip. Imperator. vospitatel'nogo doma, 1827, book 2, 118 p.

Feuerbach P. Y. A. *Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Eilfte verbesserte Ausgabe*, Giessen, Druck und Verlag von Georg Fridrich Heier, 1832, 428 p.

Frister G. *Ugolovnoe pravo Germanii. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Germany. General Part], Moscow, Infotropik Media, 2013, 512 p.

Gross G. *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovatelei kak sistema kriminalistiki* [A Guide for Criminal Investigators as a System of Criminalistics], Moscow, LeksEst, 2002, 1088 p.

Kommisarova V. S., Korobeeva A. I., Khe Binsuna (eds.) *Uchenie o sostave prestupleniya v ugovnom prave Rossii i Kitaya: Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Doctrine of the Composition of the Crime in the Criminal Law of Russia and China: Comparative Legal Research], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2009, 549 p.

Merkur'ev V. V. *Sostav neobkhodimoi oborony* [The Composition of the Necessary Defense], Saint Petersburg, Yurid. tsentr «Press», 2004, 216 p.

Roxin C. *Strafrecht. Allgemeiner Teil*, München, C. H. Beck Verlag, 2006, Bd. I: Grundlagen. Der Aufbau der Verbrechenslehre, 1136 p.

Rozhdestvenskii Yu. T. *Nemetsko-russkii slovar' po psikhologii* [German-Russian Dictionary of Psychology], Moscow, RUSSO, 2004, 512 p.

Shreder F.-K., Ferrel T. *Ugolovno-protsessual'noe pravo Germanii* [German Criminal Procedural Law], Moscow, Infotropik Media, 2016, 304 p.

Skorina L. P., Churakova L. P. *Latinskii yazyk dlya yuristov* [Latin for Lawyers], Moscow, Nov. znanie, 1999, 448 p.

Smirnov A. V., Kalinovskii K. B. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], Moscow, Knorus, 2008, 704 p.

Struve G. E. *Elementarnaya logika: Uchebnik dlya prepodavaniya i samoobucheniya* [Elementary Logic: A Textbook for Teaching and Self-Study], Moscow, Kn. dom «Librokom», 2018, 168 p.

Alexey Shiryaev – candidate of juridical sciences, lecturer of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 23. E-mail: alexej.schiryaeff2013@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-0152-7934

Дата поступления в редакцию / Received: 28.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 18.11.2022

В. А. Маслов

Уральский юридический институт МВД России
(Екатеринбург)

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Смертная казнь – исключительная мера наказания, зарубежный и отечественный опыт применения которой до сих пор не позволяют сделать однозначный вывод об обоснованности ее применения. В связи с этим актуален анализ указанной меры в контексте задач уголовного закона и целей наказания. В публикации нашли отражение ряд сопутствующих, но достаточно важных факторов, влияющих на окончательную оценку целесообразности данного вида наказания (судейские ошибки, общественное мнение, экономический аспект, гуманизация и либерализация уголовного законодательства). Указывается, что смертная казнь как исключительная мера наказания должна быть восстановлена, поскольку задачи уголовного закона признаются более важными, нежели цели наказания. Несмотря на невозможность достижения всех целей наказания, перспектива спасения жизни граждан путем общей превенции видится приоритетной.

Ключевые слова: смертная казнь, уголовная политика, задачи уголовного закона, цели наказания, пожизненное лишение свободы, предупреждение преступлений, общая превенция

Для цитирования

Маслов В. А. Уголовная политика России в отношении смертной казни // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 62–70. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_62.

УДК 343.25

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_62

Дискуссия насчет самого строгого вида уголовного наказания, известного человечеству, продолжается на протяжении всей истории его существования. Доводов, обосновывающих целесообразность лишения жизни наиболее опасных преступников, и договоров, указывающих на неуместность данной меры, огромное количество. В российской правовой системе вопросы существования исключительной меры наказания актуальны главным образом потому, что возможность применения смертной казни закреплена в Конституции РФ и уголовном законодательстве, но при этом установлен «мораторий» на ее применение в свете не ратифицированного Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Протокол № 6). В свете происходящих на геополитической арене событий (исключение России из числа членов Совета Европы с 16 марта 2022 г.) необходимо вновь обратиться к вопросу об обоснованности приостанов-

ления практики применения данной исключительной меры наказания с учетом задач уголовного закона и целей наказания.

Обозначим сторонников диаметрально противоположных точек зрения по рассматриваемому вопросу. Пожалуй, самый известный сторонник исключения из российского законодательства данной меры – И. А. Подройкина, считающая, что наказание в виде смертной казни неприемлемо в современном капиталистическом демократическом обществе [Подройкина 2019: 77]. Не менее категоричны О. А. Мальшева, аргументирующая необходимость отказа от этой меры, среди прочего, положительным опытом зарубежных стран [Мальшева 2006], С. И. Луценко, акцентирующий внимание на проблеме судебных ошибок [Луценко 2018: 133], и ряд иных ученых. Поддерживают возобновление практики применения смертной казни (таких, как нам представляется, большинство) М. В. Бавсун [Бавсун, 2013: 13], Ю. В. Го-

лик, А. И. Коробеев [Голик, Коробеев 2014: 1405], Э. Ф. Побегайло [Побейгало 2010], П. А. Виноградова [Виноградова 2015].

Авторы, рассматривающие вопрос смертной казни в ретроспективе, отмечают, что с появлением государства этот способ рекомендовал себя как «наиболее надежный, дешевый и эффективный» [Коробеев 2016: 190]. Упоминание о нем встречается в законах Вавилона, Ассирии, Хеттского царства, Египта, Древней Греции, Рима и т. д. [Мальцев 2012].

По Судебникам 1497 и 1550 г. лишением жизни карались душегубство, похищение людей, разбой, государственная измена и ряд других преступлений. По Соборному уложению 1649 г. данная мера применялась за совершение 54 (А. Ф. Кистяковский) или 63 (С. Н. Виторский) преступлений. А. И. Коробеев также указывает, что «в Воинских артикулах Петра Первого она была предусмотрена уже в 122 статьях». Спустя столетие в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. круг деяний, за совершение которых применялась смертная казнь, был существенно сужен. В соответствии с Уголовным уложением 1903 г. лишить жизни могли лишь за ряд государственных преступлений. В советский период подходы к решению вопроса смертной казни кардинально отличались друг от друга: от полной ее отмены до беспредельного расширения практики ее применения [Коробеев 2016: 191].

Развитие общественных отношений постепенно позволило уйти от позорящих и членовредительских наказаний, однако, оставив смертную казнь, сделав ее более гуманной (безболезненной) и предусмотрев возможность ее применения лишь в исключительных случаях.

Зарубежный опыт в части применения данной меры наказания не отличается единообразием: в 92 странах смертная казнь отсутствует, в 30 – не применяется на практике, в 60 – сохранена и применяется (лидером среди них безусловно признан Китай) [Там же].

Глобализация и процессы интеграции в мировое сообщество России в 90-х гг. XX в. перевели дискуссию о смертной казни из сугубо доктринальной плоскости на новый уровень, поскольку для членства в Совете Европы была, среди прочего, необходима рати-

фикация Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод относительно отмены смертной казни (ETS № 114) (подписан в Страсбурге 28 апреля 1983 г.).

Указом Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» палатам Федерального Собрания Российской Федерации было рекомендовано обсудить при рассмотрении проекта Уголовного кодекса Российской Федерации вопрос о сокращении количества составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь.

В соответствии с распоряжением Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп «О подписании Протокола № 6 (относительно отмены смертной казни) от 28 апреля 1983 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.» Министерству юстиции России было предписано разработать комплекс мер по поэтапному решению проблем, связанных с ратификацией Протокола № 6. В дальнейшем, 2 февраля 1999 г., Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 3-П, предусмотрев, что вынесение смертных приговоров в отсутствие судов присяжных во всех регионах Российской Федерации недопустимо. Вместе с тем в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р Конституционный Суд РФ, применив аутентическое толкование [Колоколов 2010], указал, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации «не открывает возможность применения смертной казни».

Подчеркнем, что данное решение было воспринято научным сообществом критически. Одни ученые высказывали мнение о том, что вопрос о смертной казни до сих пор легально не разрешен [Малько, Терехин 2011; Малько, Терехин, Афанасьев 2014], другие признавали запрет на применение смертной казни неконституционным [Побегайло 2010: 24; Коняев 2011: 76], идущим вразрез с принципом разделения властей [Сидоркин 2010], основанным не на нормах права, а на политической конъюнктуре [Полищук 2015].

Можно констатировать, что изменения в отечественное законодательство, направленные на исключение из него смертной

казни, все еще не внесены. УК РФ предусматривает наказания за пять составов преступлений: квалифицированное убийство, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, на жизнь сотрудника правоохранительного органа и геноцид.

Таким образом, на протяжении четверти века сохраняется достаточно неординарная ситуация: возможность применения смертной казни закреплена как в Конституции РФ, так и в уголовном законодательстве (Уголовном, Уголовно-процессуальном и Уголовно-исполнительном кодексах), но на деле данная исключительная мера не применяется с учетом подписанного, но не ратифицированного Протокола № 6 и фактического признания России членом Совета Европы.

Чтобы исследовать вопрос целесообразности (обоснованности или эффективности) применения смертной казни, нужно прежде всего выяснить, какие задачи уголовного закона и цели наказания нормативно определены.

Задачи УК РФ сформулированы в ст. 2. Ими выступают охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. В свою очередь цели наказания (ст. 43) – восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

В контексте обозначенных целей используемое «средство» – смертную казнь – необходимо изучать в сопоставлении с иными видами наказаний, задаваясь, среди прочего, вопросом о том, можно ли достичь целей и выполнить задачи с применением более гуманной меры ответственности – лишения свободы на длительный период (пожизненно). Еще одно важное уточнение: задачи УК РФ достаточно абстрактны, и лишь выполнение последней из указанных в норме закона (предупреждение преступлений) может быть установлено с некоторой уверенностью. Кроме того, данная задача уголовного закона дублирует одну из целей наказания.

Предупреждение преступлений, как известно, включает две составляющие: преду-

преждение совершения новых преступлений самим виновным лицом (частная превенция) и формирование в обществе мнения о недопустимости преступных действий (общая превенция).

Что касается первой составляющей, то законное лишение виновного лица жизни безусловно делает невозможной его дальнейшую преступную деятельность. Более того, в сопоставлении с иными видами наказания исключительная мера, пожалуй, самый надежный способ обеспечения частной превенции.

Общую превенцию обеспечить намного сложнее, поскольку она базируется не столько на суровости назначаемого наказания, сколько на его неотвратимости [Беккариа 2004: 68], обладающей «сдерживающим эффектом» [Гуринская 2018: 36]. Вместе с тем от криминологической характеристики лиц, совершающих преступления, за которые можно назначить смертную казнь, зависят некоторые особенности публичной превенции. И ответ на вопрос о том, позволит ли назначение смертной казни одному преступнику предотвратить совершение убийств другим (в данной публикации за основу будет взят пример серийных убийц как самых распространенных лиц, когда-либо подвергавшихся смертной казни), необходимо искать в их мотивации на основе криминологического портрета. Не будет новостью оценка данных лиц как преступников «с явно выраженной антиобщественной насильственной ориентацией», совершивших несколько убийств [Побегайло 2010: 31].

О неоднозначности превентивного значения смертной казни свидетельствуют как отечественные, так и зарубежные исследования [Сауляк 2009; Dezhbahsh, Rubin, Shepherd 2003]. Однако большинство авторов считают, что превентивный потенциал у смертной казни есть. Так, в некоторых работах даже приводятся количества «спасенных» в результате реализации смертной казни (в первую очередь на примере США, где в ряде штатов смертная казнь применяется) [Сауляк 2009].

Думается, осознание того факта, что на смертную казнь наложен мораторий, в некоторой степени «способствует» совершению данными лицами преступлений. Безусловно, назвать это обстоятельство причиной нельзя, но среди условий совершения серии убийств ему самое место. Кроме того, гово-

речь о наличии превентивного потенциала позволяют и социологические исследования среди осужденных [Иншаков 2014: 42], поскольку, как утверждают авторы, «каждому свойственен инстинкт самосохранения» [Цалиев 2013: 51]. С учетом сказанного можно предположить, что потенциал смертной казни как меры предупреждения убийств выше, нежели потенциал пожизненного (либо длительного) лишения свободы.

Подтверждением выступает и статистика времен СССР, согласно которой отмена в 1947 г. смертной казни повлекла резкий рост количества убийств, особенно в исправительно-трудовых учреждениях (в десятки раз). С закреплением в уголовном законе данной меры наказания за убийства при отягчающих обстоятельствах в 1954 г. произошло резкое уменьшение количества убийств (в исправительно-трудовых учреждениях – в три раза). Наконец, принятый в 1962 г. Закон, который закреплял уголовную ответственность за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений¹ (в ряде случаев также предусматривал смертную казнь в качестве меры наказания), повлек очередное снижение количества убийств [Побегайло 2010: 31].

Достижение такой цели наказания, как *исправление осужденного*, казнью виновного невозможно, поскольку утверждать, что лишенный жизни преступник встал на путь исправления, по меньшей мере некорректно. Вместе с тем, следуя принятой нами логике и сопоставляя исключительную меру наказания с длительным сроком лишения свободы, стоит подчеркнуть, что идея исправления преступника путем его изоляции достаточно спорна. Причина – все та же криминологическая характеристика преступников данной категории, большинство из которых «перевоспитать» невозможно, поскольку «эти изверги... обречены убивать, и никакая сила, кроме расстрела, их не остановит» [Побегайло 2010: 35].

Последняя из закрепленных в уголовном законе целей наказания – *восстановление социальной справедливости* – не менее абстрактна, нежели задачи УК РФ. Говорить о ее достижении посредством применения смертной казни можно лишь условно. Отме-

тим, что признаем задачи УК РФ более приоритетными, нежели цели наказания. При этом сказанное не означает, что правоприменителю следует руководствоваться исключительно задачами УК РФ, пренебрегая целями наказания. Речь идет о том, что наказание – лишь один из инструментов, позволяющих выполнить задачи уголовного закона.

В связи с указанным стоит лишь частично согласиться с И. А. Подройкиной, утверждающей, что «пожизненное лишение свободы в большей степени удовлетворяет потребностям российского общества и обеспечивает реализацию всех целей наказания» [Подройкина 2019: 77]. Как мы уже говорили, в сравнении с пожизненным лишением свободы у смертной казни несколько больший общепредупредительный потенциал. Следовательно, такая задача УК РФ, как охрана прав и свобод человека и гражданина, лучше решается посредством применения смертной казни, нежели пожизненного лишения свободы.

Потенциал смертной казни как меры предупреждения убийств выше, нежели потенциал пожизненного (либо длительного) лишения свободы

Вместе с тем существует ряд значимых аспектов, которые необходимо принимать во внимание, говоря о смертной казни.

1. Судебные ошибки

Предыдущие размышления касались ситуации, когда обоснованность применения смертной казни в обществе не вызывает сомнений. К сожалению, на протяжении существования данной меры наказания порой уже после ее применения открывались новые обстоятельства и очевидной становилась ошибка, исправить которую было невозможно.

Стоит согласиться, что за четверть века система уголовной юстиции существенно преобразилась в сторону обеспечения законности и правопорядка в ходе уголовного судопроизводства, однако утверждать, что ошибки абсолютно исключены, не приходится. В настоящее время механизм, предусматривающий, среди прочего, возможности пересмотра приговора суда в вышестоящих инстанциях, фактически сводит возможность такой ошибки к минимуму. Единственное, чем можно было бы дополнить данный механизм, – установ-

¹ Закон РСФСР от 25 июля 1962 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР».

ление несколько более протяженных сроков между повторными слушаниями и приведением приговора в исполнение.

2. *Общественное мнение* (политическая ангажированность [Побегайло 2010: 28])

Попытка объективно взглянуть на вопрос смертной казни всегда сопровождается существенной психоэмоциональной реакцией, связанной с конкретными преступниками и совершенными ими деяниями, зачастую не поддающимися никакому логическому объяснению. В связи с указанным И. А. Подройкина говорит о неуместности акцента на общественном мнении, поскольку «достижение общественного консенсуса по проблеме смертной казни будет весьма проблематичным, как всегда проблематично преодоление рассогласованности между доводами сердца и разума» [Подройкина 2019: 80]. Однако и данная составляющая важна, потому что общественное мнение, хотя и основано «на избытке эмоций, на стереотипах прошлого и с неохотой воспринимает ломку издавна сложившихся представлений» [Квашиш 1997: 56], в некоторой степени выступает индикатором взаимопонимания государства и общества.

Характерно и то, что в начале 2000-х гг. ученые высказывали мнения о том, что необходимо расширить перечень преступлений, за которые предусматривается смертная казнь, и включить в него, к примеру, изнасилование, терроризм, бандитизм и т. п. [Кизилев 2003; Улицкий 2004; Дзигарь 2003]. Спустя десятилетие социологические исследования продемонстрировали, что 90 % россиян являются сторонниками сохранения смертной казни за особо тяжкие преступления, связанные с умышленным посягательством на жизнь человека [Побегайло 2011: 53]. В 2014 г. 60–80 % населения голосовали за возвращение смертной казни безжалостных убийц многих детей и женщин [Лунеев 2014: 47]. В 2016 г. А. И. Коробеев указывал, что свыше 70 % населения выступает не только за сохранение смертной казни, но и за расширение практики ее применения, и лишь 11 % считают, что смертную казнь следует отменить [Коробеев 2016: 191].

Отметим и то, что приведенные показатели последних лет несколько отличаются от данных опросов Фонда «Общественное мнение». Однако в целом количество опрошенных, признающих смертную казнь допусти-

мой, стабильно велико (от 80 % в 2001 г. до 69 % в 2019 г.)¹.

3. *Экономический аспект*

Во-первых, думается, что установление моратория на смертную казнь было продиктовано стремлением присоединиться к Совету Европы, что в какой-то степени обусловлено экономическими предпочтениями России. Во-вторых, стоит принимать во внимание нередко указываемую авторами финансовую затратность наказания в виде лишения свободы на длительный срок (в том числе пожизненного) в сравнении со смертной казнью.

4. *Гуманизация и либерализация уголовного законодательства*

На первый взгляд, все то, что связано с ужесточением норм уголовного законодательства, воспринимается как отказ от декларируемой государством гуманизации уголовной политики. Однако с нашей точки зрения, к уголовному законодательству государство прибегает вынужденно, и необоснованные «ослабления» в уголовной политике чреватые непоправимыми последствиями (а в рассматриваемом случае – и человеческими жертвами).

В связи с этим считаем спорным мнение А. В. Наумова о несостоятельности «дебатов» о возвращении смертной казни (автор указывает на фактическое игнорирование судом такого наказания, как пожизненное лишение свободы (0,6 % случаев при осуждении по ч. 2 ст. 105 УК РФ) [Наумов 2013: 7]). Во-первых, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, по итогам 2020 г. (форма 10.1) этот показатель составляет уже 3,85 % (38 из 987 осужденных)², и, во-вторых, важно не количество преступников, а беспрецедентная асоциальная установка каждого из них, безусловно требующая адекватной реакции государства.

Можно сделать следующие выводы.

При буквальном толковании закрепленных в уголовном законе целей наказания говорить об обоснованности применения смертной казни не приходится. Вместе с тем при условии обеспечения высокого качества уголовного судопроизводства смертная казнь

¹ Отношение к смертной казни // URL: <https://fom.ru/Bezopasnost%E2%80%933i%E2%80%93pravo/14285> (дата обращения: 18.05.2022).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 18.05.2022).

как исключительная мера наказания должна быть восстановлена. Дело в том, что задачи уголовного закона мы признаем более важными, нежели цели наказания. В связи с этим, несмотря на невозможность достижения всех целей наказания, перспектива спасти жизни граждан путем общей превенции видится приоритетной.

Ответ на вопрос о том, почему смертная казнь не применяется, несмотря на преобладающее в науке мнение о целесообразности восстановления практики ее применения, необходимо искать с учетом того обстоятельства, что уголовная политика лишь часть политики государства. Как следствие, предполагаемый положительный эффект от введения смертной казни оценивается в сравнении с вполне конкретными политическими

преференциями России от членства в Совете Европы. Быть может, решение о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы с 16 марта 2022 г. (Резолюция CM/Res(2022)2)¹ послужит одной из причин возобновления дискуссии о смертной казни и заставит вновь задуматься о приоритетах в сфере уголовной политики, как и о том, насколько для Российской Федерации значима, к примеру, возможность обращения в Европейский Суд по правам человека ценою жизни жертв серийных убийц.

¹ Resolution CM/Res(2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680a5da51 (дата обращения: 18.05.2022).

Список литературы

Dezhbahsh H., Rubin P. H., Shepherd J. M. Does Capital Punishment Have a Deterrent Effect? New Evidence from Post-Moratorium Panel Data // *American Law and Economics Review*. 2003. Vol. 5. № 2. P. 344–376. DOI: 10.1093/aler/ahg021.

Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.

Виноградова П. А. Правовая природа моратория на смертную казнь // *Уголовное право*. 2015. № 1. С. 22–27.

Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть // *Lex Russica*. 2014. № 12. С. 1399–1410.

Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. 46 с.

Дзигарь А. Л. Смертная казнь и преступность. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2003. 254 с.

Иншаков С. М. Эффективность уголовного наказания: методика анализа // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2014. № 22. С. 32–61.

Квашин В. Е. Смертная казнь и общественное мнение // *Государство и право*. 1997. № 4. С. 50–56.

Кизилов А. Ю. Смертная казнь: апология. Уголовно-правовой очерк. М.: Ульяновск. гос. ун-т, 2003. 49 с.

Колоколов Я. Н. Смертная казнь: Конституционный Суд РФ дает новое толкование проблемы // *Российский судья*. 2010. № 1. С. 6–10.

Коняев С. А. Мораторий на применение смертной казни в России: конституционно-правовой аспект // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер. Право. 2011. № 1. С. 70–78.

Коробеев А. И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // *Lex Russica*. 2016. № 7. С. 190–199. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.190-199.

Лунев В. В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // *Пролог: журнал о праве*. 2014. Т. 2. № 4. С. 45–52.

Луценко С. И. Институт смертной казни как правовой атавизм // *Современное право*. 2018. № 1. С. 128–133.

Мальшева О. А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 519 с.

Малько А. В., Терехин В. А. Юридические парадоксы применения смертной казни в современной России // Государство и право. 2011. № 3. С. 24–29.

Малько А. В., Терехин В. А., Афанасьев С. Ф. Смертная казнь в современной России: не пора ли наконец определиться? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 79–89.

Мальцев Г. В. Месть и возмездие в Древнем мире. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 735 с.

Наумов А. В. Пути реформирования российского уголовного законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 3–11.

Побегайло Э. Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 24–39.

Побегайло Э. Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 47–66.

Подройкина И. А. Полемика о смертной казни и перспективы ее существования в современной России // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8. С. 77–82. DOI: 10.24158/пер.2019.8.13.

Полищук Н. И. Мораторий на смертную казнь и его легитимность // Государство и право. 2015. № 7. С. 68–74.

Сауляк О. Криминологические аспекты проблемы смертной казни // Законность. 2009. № 11. С. 20–26.

Сидоркин А. С. Проблема отмены смертной казни сквозь призму общих принципов права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2010. № 4. С. 27–34.

Улицкий С. Я. Политические и правовые проблемы смертной казни. Владивосток: ВФ РТА, 2004. 91 с.

Цалиев А. М. Право на жизнь и смертная казнь // Законность. 2013. № 12. С. 49–51.

Вилли Андреевич Маслов – кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66. E-mail: villi@e1.ru.

ORCID: 0000-0001-5539-5220

Russia's Criminal Policy on the Death Penalty

The death penalty is an exceptional penalty, foreign and domestic experience of its application still does not allow us to draw an unambiguous conclusion about the validity of its application. Therefore, the analysis of this penalty in the context of the objectives of the criminal law and the goals of punishment is relevant. The publication reflects a number of related, but rather important factors that affect the final assessment of the appropriateness of this type of penalty. These factors include judicial errors, public opinion, economic aspect, humanization and liberalization of criminal legislation. It is stated that the death penalty should be restored, since the tasks of the criminal law are recognized as paramount than the goals of punishment, and the prospect of saving the lives of citizens through general prevention is seen as a priority.

Keywords: death penalty, criminal policy, tasks of the criminal law, goals of punishment, life imprisonment, crime prevention, general prevention

Recommended citation

Maslov W. A. Ugolovnaya politika Rossii v otnoshenii smertnoi kazni [Russia's Criminal Policy on the Death Penalty], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 62–70, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_62.

References

- Bavsun M. V. *Ugolovno-pravovoe vozdeistvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii* [Criminal Legal Impact: Ideology, Goals and Means of Implementation]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Omsk, 2013, 39 p.
- Bekkaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About Crimes and Punishments], Moscow, Infra-M, 2004, 184 p.
- Dezhbahsh H., Rubin P. H., Shepherd J. M. Does Capital Punishment Have a Deterrent Effect? New Evidence from Post-Moratorium Panel Date, *American Law and Economics Review*, 2003, vol. 5, no. 2, pp. 344–376, DOI: 10.1093/aler/ahg021.
- Dzigar' A. L. *Smertnaya kazn' i prestupnost'* [Death Penalty and Crime], Rostov on Don, Izd-vo Rostov. un-ta, 2003, 254 p.
- Golik Yu. V., Korobeev A. I. Reforma ugolovnogo zakonodatel'stva Rossii: byt' ili ne byt' [Reform of the Criminal Legislation of Russia: to Be or not to Be], *Lex Russica*, 2014, no. 12, pp. 1399–1410.
- Gurinskaya A. L. *Anglo-amerikanskaya model' preduprezhdeniya prestupnosti* [Anglo-American Model of Crime Prevention]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Kaliningrad, 2018, 46 p.
- Inshakov S. M. Effektivnost' ugolovnogo nakazaniya: metodika analiza [Efficiency of Criminal Punishment: Methods of Analysis], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2014, no. 22, pp. 32–61.
- Kizilov A. Yu. *Smertnaya kazn': apologiya. Ugolovno-pravovoi ocherk* [The Death Penalty: An Apology. Criminal Law Essay], Moscow, Ul'yanovsk. gos. un-t, 2003, 49 p.
- Kolokolov Ya. N. Smertnaya kazn': Konstitutsionnyi Sud RF daet novoe tolkovanie problemy [The Death Penalty: The Constitutional Court of the Russian Federation Gives a New Interpretation of the Problem], *Rossiiskii sud'ya*, 2010, no. 1, pp. 6–10.
- Konyaev S. A. Moratorii na primenenie smertnoi kazni v Rossii: konstitutsionno-pravovoi aspekt [Moratorium on the Use of the Death Penalty in Russia: The Constitutional and Legal Aspect], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Pravo*, 2011, no. 1, pp. 70–78.
- Korobeev A. I. Smertnaya kazn': tselesoobraznost' sokhraneniya [The Death Penalty: The Expediency of Conservation], *Lex Russica*, 2016, no. 7, pp. 190–199, DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.190-199.
- Kvashis V. E. Smertnaya kazn' i obshchestvennoe mnenie [The Death Penalty and Public Opinion], *Gosudarstvo i pravo*, 1997, no. 4, pp. 50–56.
- Luneev V. V. Sootnoshenie kriminal'nykh realii s teoriei prava v Rossii [Correlation of Criminal Realities with the Theory of Law in Russia], *Prolog: zhurnal o prave*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 45–52.
- Lutsenko S. I. Institut smertnoi kazni kak pravovoi atavizm [The Institute of the Death Penalty as a Legal Atavism], *Sovremennoe pravo*, 2018, no. 1, pp. 128–133.
- Mal'ko A. V., Terekhin V. A. Yuridicheskie paradoksy primeneniya smertnoi kazni v sovremennoi Rossii [Legal Paradoxes of the Use of the Death Penalty in Modern Russia], *Gosudarstvo i pravo*, 2011, no. 3, pp. 24–29.
- Mal'ko A. V., Terekhin V. A., Afanas'ev S. F. Smertnaya kazn' v sovremennoi Rossii: ne pora li nakonets opredelit'sya? [The Death Penalty in Modern Russia: Isn't it Time to Finally Decide?], *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 2, pp. 79–89.
- Mal'tsev G. V. *Mest' i vozmezdie v Drevnem mire* [Revenge and Retribution in the Ancient world], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 735 p.
- Malysheva O. A. *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossiiskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo sudoproizvodstva* [Modern Criminal Policy of the Russian State and its Implementation at the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings]: doct. jur. sc. thesis, Ryazan', 2006, 519 p.
- Naumov A. V. Puti reformirovaniya rossiiskogo ugolovnogo zakonodatel'stva [Ways of Reforming the Russian Criminal Legislation], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2013, no. 10, pp. 3–11.

Pobegailo E. F. O prestupnosti v Rossii i probleme smertnoi kazni [On Crime in Russia and the Problem of the Death Penalty], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2010, no. 3, pp. 24–39.

Pobegailo E. F. Tendentsii sovremennoi prestupnosti i krizis rossiiskoi ugolovnoi politiki [Trends in Modern Crime and the Crisis of Russian Criminal Policy], *Publichnoe i chastnoe pravo*, 2011, no. 4, pp. 47–66.

Podroikina I. A. Polemika o smertnoi kazni i perspektivy ee sushchestvovaniya v sovremennoi Rossii [Controversy about the Death Penalty and the Prospects for its Existence in Modern Russia], *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2019, no. 8, pp. 77–82, DOI: 10.24158/pep.2019.8.13.

Polishchuk N. I. Moratorii na smertnuyu kazn' i ego legitimnost' [Moratorium on the Death Penalty and its Legitimacy], *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 7, pp. 68–74.

Saulyak O. Kriminologicheskie aspekty problemy smertnoi kazni [Criminological Aspects of the Problem of the Death Penalty], *Zakonnost'*, 2009, no. 11, pp. 20–26.

Sidorkin A. S. Problema otmeny smertnoi kazni skvoz' prizmu obshchikh printsipov prava [The Problem of the Abolition of the Death Penalty through the Prism of General Principles of Law], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Yuridicheskie nauki*, 2010, no. 4, pp. 27–34.

Tsaliev A. M. Pravo na zhizn' i smertnaya kazn' [The Right to Life and the Death Penalty], *Zakonnost'*, 2013, no. 12, pp. 49–51.

Ulickii S. Ya. Politicheskie i pravovye problemy smertnoi kazni [Political and Legal Problems of the Death Penalty], Vladivostok, VF RTA, 2004, 91 p.

Vinogradova P. A. Pravovaya priroda moratorii na smertnuyu kazn' [Legal Nature of the Moratorium on the Death Penalty], *Ugolovnoe pravo*, 2015, no. 1, pp. 22–27.

Willie Maslov – candidate of juridical sciences, associate professor, head of the Research and editorial and publishing department, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 620057, Russian Federation, Ekaterinburg, Korepina str., 66. E-mail: villi@e1.ru.

ORCID: 0000-0001-5539-5220

Дата поступления в редакцию / Received: 18.05.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 18.11.2022

В. П. Коваль
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СУДА С СУДЕБНОЙ ПРАКТИКОЙ, СУДЕБНЫМ АКТОМ И СУДЕБНЫМ ПРЕЦЕДЕНТОМ НА ПРИМЕРЕ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Автор указывает, что употребление понятия «правовая позиция суда» зачастую является неуместным, что отражается на качестве исследований и на правоприменительной деятельности. Проблема заключается в содержательной близости данного термина со смежными правовыми категориями «судебная практика», «судебный прецедент», «судебный акт», «правоположение». Исследование не имеет эвристической ценности, когда учеными фактически изучается не судебная правовая позиция, а другое явление, выдаваемое за нее.

Путем системного анализа дефиниций правовой позиции выявлены основные методологические, логические, лексические и специально-юридические неточности в работах исследователей; на основе выделенных признаков правовой позиции суда синтезировано ее авторское определение. Посредством сравнения, структурно-функционального анализа и использования диалектического метода, а также с привлечением правоприменительной практики по трудовым спорам показано соотношение судебной правовой позиции с судебной практикой, судебным прецедентом, судебным актом. С практической точки зрения разграничение указанных понятий раскрывает потенциал судебных правовых позиций в вопросах влияния на трудовое законодательство и обеспечения единства правоприменительной практики по трудовым спорам.

Ключевые слова: правовая позиция суда по трудовым спорам, судебная практика, судебный прецедент, судебный акт, правоположение, правоприменение

Для цитирования

Коваль В. П. Соотношение правовой позиции суда с судебной практикой, судебным актом и судебным прецедентом на примере трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 71–81. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_71.

УДК 349.2

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_71

Правовая позиция суда входит в число наиболее новых и не до конца изученных правовых явлений. Основную сложность в исследовании понятия судебной правовой позиции составляет ее содержательная близость с иными понятиями из сферы судебного правоприменения, главным образом терминами «судебная практика», «судебный прецедент», «судебный акт», «правоположение».

Многие авторы [Баранов, Степанков 2003; Власенко, Гринева 2008; Зотова 2021], занятые исследованием правовых позиций в целом и судебных правовых позиций в частности, пытаются познать их обособленно, без

рассмотрения взаимосвязи с иными правовыми явлениями. Однако здесь усматривается явная методологическая неточность: нельзя познать предмет, когда разные ученые под ним подразумевают разные явления. Изучая историю развития доктринальных воззрений на судебные правовые позиции, важно отдавать себе отчет в том, чему именно были посвящены эти доктринальные воззрения: правовым позициям, судебным прецедентам, судебным актам или судебной практике в целом, а может быть, и правоположениям (наиболее близкая к правовым позициям суда категория).

Для эффективного разграничения необходимо, во-первых, кратко раскрыть содержание центральной категории исследования – правовой позиции суда, во-вторых, рассмотреть понятия и признаки тех правовых явлений, с которыми будет проводиться разграничение.

Несмотря на то что понятие «правовая позиция» сравнительно недавно вошло в научный дискурс общей теории права и отраслевых наук, имеется уже достаточное количество работ, в которых изучаются его существенные признаки. Дефиницию правовой позиции одним из первых попытался сформулировать Ю. А. Тихомиров, что положило начало многим общетеоретическим исследованиям данного явления. Профессор указывал, что «правовая позиция – это оценка актов и действий в одной коллизионной ситуации, устойчиво повторяемая в аналогичных ситуациях, действиях и актах» [Тихомиров 2000: 73].

Не отрицая достоинств и своевременности приведенного определения, нужно отметить, что в нем нет важного признака – привязки к праву. В отсутствие этого признака автор описывает позицию в целом, а не правовую позицию. Следует обратить внимание на выделяемый признак устойчивой повторяемости в аналогичных ситуациях, действиях, актах. Необходим ли он для ясного и точного определения правовой позиции? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя до тех пор, пока не будут проанализированы все признаки правовой позиции с юридической точки зрения. А для этого нужно критически оценить и сравнить все основные определения понятия «правовая позиция», поскольку «признак понятия может быть выявлен путем сравнения собственных суждений с суждениями других» [Кант 1980: 364].

В. Г. Степанков предложил свое видение правовой позиции: это «осознанная, мотивированная и публично выраженная (продемонстрированная) убежденность субъекта (субъектов) в истинности своего понимания проблем правовой действительности, их отдельных форм и проявлений, путей эффективного разрешения» [Степанков 2003: 46]. Аналогично правовую позицию характеризует В. М. Баранов [Баранов, Степанков 2003: 35]. В представленном определении имеется признак принадлежности к праву, к основным видам правовой деятельности. Также В. Г. Степанков указал свойства осознан-

ности, мотивированности, характерные для субъекта, формулирующего правовую позицию; признак внешней (публичной) выраженности позиций, а также важнейший с логической точки зрения признак направленности на достижение истины.

Н. А. Власенко под правовой позицией в широком смысле предлагает понимать «оценку фактической реальности и систему аргументов, выводов, предложений по ее правовому регулированию» [Власенко 2008: 24]. При общей правильности выделяемых признаков привязка исключительно к правовому регулированию неоправданно сужает содержание определения до одного из видов правовой деятельности – правоприменения.

В. Н. Карташов правовой позицией считает «соответствующим образом осознанное, мотивированное и внешне выраженное положение по поводу разрешения того или иного юридического вопроса, ситуации и т. д.» [Карташов 2007: 234]. В данном случае тоже очевиден признак, выделение которого сужает содержание дефиниции (направленность на применение и реализацию права).

А. В. Гринева трактует правовую позицию довольно широко: как оценку правовой реальности, систему правовых аргументов, «лежащих в основе законотворческой, судебной и иной правоприменительной деятельности» [Гринева 2008: 7]. Вместе с тем указанный подход ограничивается самой А. В. Гриневой, так как в дефиниции делается акцент только на оценочной деятельности (нет познавательной, что исключает доктринальные правовые позиции), а правовая деятельность сужается до законотворчества и правоприменения.

В целом обзор некоторых подходов к определению правовой позиции позволяет выделить ряд существенных признаков данного феномена. Правовая позиция является результатом познания (преимущественно теоретического) права; выступает результатом оценки (субъективное восприятие) права; имеет в основе общую устойчивую идею; выражается в системе логических суждений на правовом языке; обладает практической (прагматической) направленностью; порождается правовой и научной деятельностью. Чтобы определить содержание более узкого понятия «правовая позиция суда», к обозначенным признакам правовой позиции

необходимо добавить специфические: субъект создания правовой позиции – суд; формулирование правовой позиции происходит в соответствии с нормами процессуального законодательства; форма изложения правовой позиции – письменная; целевое назначение – разрешение правового спора.

Таким образом, правовая позиция суда – это сформулированный судом в соответствии с процессуальным законодательством результат познания и оценки правовой реальности на основе общей идеи, письменно выраженный в системе суждений на правовом языке и служащий основой для разрешения правового спора.

Для дальнейшего сравнения со смежными правовыми категориями нужно раскрыть их содержание. Начать необходимо с наиболее широкого понятия в обозначенном ряду – с судебной практики.

В общей теории права принято выделять составные части судебной практики: судебную деятельность и судебные акты.

По мнению В. Б. Алексеева, «судебная практика – сложное, многофакторное явление, включающее в себя организацию, процесс и итоги деятельности судов по осуществлению правосудия» [Методика обобщения судебной практики 1976: 3].

В. М. Мелихов изучал роль Пленумов Верховных Судов Союза ССР и РСФСР в обеспечении правильного применения гражданского процессуального законодательства. Автор одним из первых изложил иерархию всех судебных актов, формирующих судебную практику: «от определений районных народных судов до постановлений Пленума Верховного Суда СССР» [Мелихов 1975: 5].

В. И. Смолярчук в сфере именно трудового права представил иерархию уже не актов, а самих судов, применяющих нормы трудового законодательства. Он указывал, что «под судебной практикой необходимо понимать деятельность всей судебной системы государства: и деятельность народных судов по разрешению исков по трудовым спорам, и кассационную деятельность областных, краевых судов по трудовым делам, и деятельность Верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР» [Смолярчук 1978: 32].

Схожее мнение выразила А. К. Безина. Она определила судебную практику как дея-

тельность всех судов, входящих в судебную систему, с целью осуществления социалистического правосудия путем рассмотрения гражданских и уголовных дел, а также все результаты этой деятельности [Безина 1989: 11].

Таким образом, широкое понимание судебной практики закрепилось в исследованиях общетеоретической и отраслевой направленности.

Вместе с тем подобную трактовку разделяют не все. Например, С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров подчеркивали: «Необходимо со всей решительностью отвергнуть мысль о том, что к судебной практике относится любое решение народного суда, определение кассационной либо надзорной судебной инстанции или даже сумма решений по конкретной группе дел» [Братусь, Венгеров 1975: 9–10].

Правовая позиция суда – это сформулированный судом в соответствии с процессуальным законодательством результат познания и оценки правовой реальности на основе общей идеи, письменно выраженный в системе суждений на правовом языке и служащий основой для разрешения правового спора

Аргументы ученых сводятся к тому, что любое решение суда – это юрисдикционный акт, но не каждое решение есть судебная практика, ибо последняя образуется исключительно в результате интерпретации и конкретизации закона, его понимания и усвоения судом. Авторы представляют собственную концепцию судебной практики: «единство определенного вида судебной деятельности по применению норм права, связанного с формированием правоположений на основе раскрытия содержания норм, и специфического итога этой деятельности (правоположений)» [Там же: 17]. Аналогичную концепцию С. Н. Братусь изложил в другой своей работе [Братусь 1975: 13], она же встречается в трудах иных исследователей [Лазарев 1977: 13; Карташов 1976: 8].

При всей обоснованности данной точки зрения нельзя не отметить ее противоречие генеральному определению понятия «практика», согласно которому саму практику и ее результаты может создавать любой субъект вне зависимости от служебного положения

или рода деятельности. Так, в толковом словаре указано, что под практикой следует понимать: «1. Деятельность человеческого общества по устройению своей жизни, усилия, прилагаемые им к разрешению выдвигаемых жизнью задач. 2. Совокупность приемов и навыков в какой-нибудь области деятельности» [Ушаков 2014: 514]. Философское понимание практики исходит из тех же посылок. В частности, И. Кант не выделял каких-либо обязательных для практики признаков, характеризующих форму или субъекта ее выражения. Он писал: «Практика есть деятельность практического разума, средоточием которого является воля, то есть способность или создавать предметы, соответствующие представлениям, или определять самое себя для произведения их» [Кант 1965: 326].

Думается, что и судебную практику как деятельность осуществляют суды любого рода и любой инстанции, а выражаться она может в форме разных актов. Более того, сами исследователи проблемы в рамках одного суждения подменяют понятия «судебная практика» и «правоположение», которые существенно отличаются друг от друга.

Вместе с тем сама идея ученых о неоднородности практики судов разных инстанций, в частности высшей инстанции, имеет все необходимые основания. В связи этим нельзя не рассмотреть третью точку зрения. В соответствии с ней две предыдущие позиции не исключают, а дополняют друг друга.

Так, А. Ф. Черданцев различал судебную практику в широком и узком смысле слова. В узком значении исследователь понимал ее как «выводы, полученные в результате обобщения судебной практики, положения, которые сформулированы на основе обобщения судебной практики в широком ее смысле» [Черданцев 1979: 136–137]. Г. Т. Ткешелиадзе тоже указывал, что необходимо различать судебную практику в широком смысле как «деятельность всех звеньев судебной системы по рассмотрению конкретных судебных дел», а в узком – только как деятельность высших судов [Ткешелиадзе 1975: 14]. Аналогичную трактовку можно найти в работах М. Н. Марченко [Марченко 2011: 69] и А. К. Безиной [Безина 1980: 15].

Нужно сказать, что С. Н. Братусем и А. Б. Венгеровым наиболее полно описано именно узкое понимание судебной практики

как совокупности правовых позиций, которые формируются высшими судами.

Таким образом, судебная практика – это правоприменительная судебная деятельность и ее результаты в виде судебных актов разного вида. Судебная практика понимается в широком (деятельность и акты всех судов) и узком (деятельность и акты высших судов) смысле.

Взяв во внимание выделенный выше признак письменного оформления правовых позиций суда, последние нельзя относить к правоприменительной деятельности, они суть ее результаты. Правовая позиция как результат этой деятельности выражена в виде части судебного акта. Таким образом, соотношение правовой позиции суда и судебной практики проявляется в двух направлениях.

Первое. Судебная практика как правоприменительная деятельность – *причина*; правовая позиция суда – *следствие* (мыслительный результат этой деятельности в виде взаимосвязанных суждений на правовом языке).

Приведем в пример практику судов общей юрисдикции по вопросу о составе минимального размера оплаты труда, а именно о том, входят ли в МРОТ доплаты и компенсации за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных. Правовая позиция оформилась не сразу: этому предшествовали споры в разных инстанциях, каждая из которых издавала акты с собственной правовой позицией. В итоге Верховный Суд Российской Федерации в определении от 21 мая 2010 г. № 8-В10-2 указал, что такие выплаты входят в МРОТ. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации не согласился с подобной правовой позицией, изложив в Постановлении от 11 апреля 2019 г. № 17-П новую позицию. Согласно ей «работники, помимо зарплаты не ниже федерального МРОТ, имеют право на повышенную оплату, если работают в условиях, отклоняющихся от нормальных, в том числе сверхурочно, в ночное время, в выходные и нерабочие праздники».

Второе. Судебная практика как текстуально оформленный результат деятельности суда – *форма*; правовая позиция – *содержание*. Судебная практика выражается в совокупности правоприменительных актов, существенно отличающихся друг от друга и состоящих из разных частей (вводной, описательной,

мотивировочной, резолютивной). Правовая позиция содержится в неизменном виде в каждом из многих актов в определенных его частях (в зависимости от суда это может быть мотивировочная часть либо мотивировочная и резолютивная части).

Пример – практика судов по вопросу о сокращении численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя. Данная практика противоречива и представлена разными правоприменительными актами с разными правовыми позициями. Так, по вопросу о правомерности увольнения работника, если в день увольнения истекает двухмесячный срок предупреждения об увольнении, существует две противоположные правовые позиции:

1) увольнение правомерно (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 г. по делу № 88-26916/2021, апелляционное определение Московского городского суда от 12 октября 2020 г. № 33-40883/2020 по делу № 2-4945/2020);

2) увольнение неправомерно (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18 ноября 2021 г. по делу № 88-22879/2021).

Другой пример – Постановление КС РФ от 20 января 2022 г. № 3-П (далее – Постановление № 3-П), в котором выражена правовая позиция по вопросу о выборе основания для увольнения работника, отказавшегося от перевода в другую местность при передаче его функций по договору аутсорсинга третьему лицу.

В одних судебных актах содержится решение о том, что правомерно увольнение по п. 7 ч. 1 ст. 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с отказом работника от продолжения работы при изменении определенных сторонами условий трудового договора (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 19 декабря 2019 г. по делу № 88-1375/2019). В других актах отражена позиция, согласно которой правомерно увольнение по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 31 мая 2022 г. по делу № 88-12932/2022, 2-936/2021) в связи с сокращением численности или штата работников. КС РФ в мотивировочной и резолютивной частях Постановления № 3-П установил единственно верный вариант применения

нормы в подобных обстоятельствах, поддержав позицию о правомерности применения п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ при увольнении работника.

Как было показано на примерах выше, правовая позиция суда выражена лишь в некоторых частях судебного акта. Соответственно, судебная правовая позиция – часть, судебный акт – целое.

Чтобы сравнить правовую позицию с судебным прецедентом, необходимо обратить внимание на его признаки и структуру. Судебный прецедент традиционно включается в число четырех основных источников права наряду с нормативным актом, нормативным договором и санкционированным обычаем [Теория государства и права 2022: 139]. Правовая позиция же никем не выделяется в качестве одного из основных источников права. Некоторые авторы относят ее лишь к нетипичным источникам трудового права [Ведешкина 2022: 49; Головина 2018: 13; Жильцов 2010: 165].

Судебный прецедент – это «решение судебных органов по конкретному делу, которое принимается за общее обязательное правило при разрешении всех аналогичных дел» [Алексеев 2010: 418]. С практической точки зрения данное определение применимо к тем правовым системам, в которых прецедент является официальным источником права. В Российской Федерации он источником права не является. Следовательно, формально сравнение правовой позиции и судебного прецедента в России не имеет смысла.

Вместе с тем в нашей правовой системе есть акты, обладающие свойствами прецедента. Это прежде всего акты высших федеральных судов, которые обладают главным отличительным признаком судебного прецедента – его применимостью при разрешении аналогичных дел. Именно этот признак дает некоторым исследователям основание утверждать о наличии в правовой системе России судебного прецедента как источника права [Гук 2002; Зорькин 2004; Иванов 2010]. Однако более верным видится мнение о том, что судебный прецедент не является официальным источником права, но «придаваемые решениям высших судебных инстанций функции судебного прецедента представляется делом назревшим, вполне оправданным» [Алексеев 1995: 309].

Следует обратить внимание на то, что речь идет исключительно о высших судебных инстанциях и только о функциях судебного прецедента, т. е., во-первых, о высших федеральных судах, во-вторых, о главном признаке прецедента – применимости к аналогичным делам. Недопустимо ставить знак равенства между актом высшего федерального суда Российской Федерации и судебным прецедентом, поскольку от последнего там имеется лишь условно выделяемый признак применимости к последующим делам. Данный признак может и отсутствовать, если судья посчитает, что из закона следует иной вывод, нежели тот, который отражен в «прецеденте» или в практике других судов. Такое вполне допустимо, поскольку основной источник права в России – закон.

Например, продолжительное время существовала правовая позиция о том, что компенсационные выплаты за работу в «северных» регионах и регионах с особыми климатическими условиями не входят в состав исключительно федерального МРОТ. При этом допускалось вхождение названных выплат в состав региональной минимальной заработной платы. Указанная правовая позиция была поддержана Президиумом ВС РФ трижды: в Обзоре судебной практики ВС РФ за третий квартал 2012 г. (утв. Президиумом ВС РФ 26 декабря 2012 г.), в Обзоре судебной практики ВС РФ за третий квартал 2013 г. (утв. Президиумом ВС РФ 5 февраля 2014 г.); в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с осуществлением гражданами трудовой деятельности в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (утв. Президиумом ВС РФ 26 февраля 2014 г.).

Иллюзия наличия «судебного прецедента» по данному вопросу была развеяна правовой позицией КС РФ, выраженной в Постановлении от 7 декабря 2017 г. № 38-П. В нем указывалось, что названные компенсационные выплаты не входят в состав не только федерального МРОТ, но и региональной минимальной заработной платы.

Возвращаясь к сравнению правовой позиции суда и судебного прецедента, нужно сказать, что не каждая правовая позиция, отраженная в решении высшего федерального суда, будет обладать признаком судебного прецедента (даже условно выделяемым). Зачастую даже постановления КС РФ не име-

ют прецедентного значения для правоприменителей. Так, при разрешении трудовых споров, предметом которых является увольнение работника за разглашение охраняемой законом тайны по подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, сложилось две позиции. В частности, если работник направил информацию, содержащую тайну, на личный адрес электронной почты в нарушение установленного запрета, то его увольнение может расцениваться как:

законное (определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 г. по делу № 88-8488/2021; апелляционное определение Московского городского суда от 22 июля 2021 г. по делу № 33-29991/2021);

незаконное (апелляционные определения Московского городского суда от 2 октября 2020 г. по делу № 33-31475/2020, от 18 августа 2020 г. по делу № 33-26839/2020).

При этом КС РФ в Постановлении от 26 октября 2017 г. № 25-П сформулировал правовую позицию о том, что увольнение при указанных обстоятельствах законно. Судом подробно описаны субъективная сторона дисциплинарного проступка работника, разглашающего информацию; локальный акт, согласно которому охрана информации обязательна; виды самой информации. Тем не менее суды выносят решения о восстановлении работника в должности даже при наличии всех юридически значимых фактов, раскрытых в правовой позиции КС РФ (см., например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 1 марта 2022 г. № 33-1722/2022).

Следующее отличие заключается в структуре судебного прецедента и правовой позиции суда. Основными составными частями судебного прецедента являются «*ratio decidendi* (юридически обязывающая (резюлютивная) часть); *obiter dictum* (описательно-мотивировочная часть)» [Теория государства и права 2022: 144]. Такое построение прецедента характерно для его широкого понимания, основанного на «принципе подобия» Генри Брактона при разрешении дел: (*a similibus ad similia* – «подобное дело подобным образом») [Хатунов 2010: 193]. Данная трактовка является наиболее устоявшейся в теории и на практике.

Узкое понимание судебного прецедента исходит из того, что *ratio decidendi* и есть прецедент. А. В. Поляков судебный прецедент

рассматривает как «правовой текст, представляющий собой часть судебного решения по конкретному делу, содержащее сформулированное судом правило, интерпретируемое как основание общезначимой и общеобязательной нормы поведения для всех, кому оно адресуется, в том числе для судов при разрешении аналогичных дел» [Поляков 2016: 317].

И в том, и в другом понимании судебного прецедента видны его существенные отличия от правовой позиции.

В первом случае судебный прецедент имеет описательно-мотивировочную часть – *obiter dictum*, «привязывающую» его к определенным фактическим обстоятельствам, информация о которых необходима для решения вопроса о будущей применимости прецедента к схожим делам. В судебной правовой позиции привязка к фактам отсутствует.

Во втором случае, рассуждая о правовой позиции суда, нельзя ограничивать ее *ratio decidendi*, так как, помимо формального вывода (например, норма конституционна / неконституционна), правовая позиция должна содержать правовые основания принятия того или иного решения (результаты толкования норм, описание способов, приемов и средств интерпретации, ссылка на международно-правовые акты, на доктрину, на основные начала и принципы трудового законодательства, формулировка новых правоположений и др.). Соответственно, правовая позиция не может

излагаться только в резолютивной части судебного акта.

Таким образом, результаты разграничения судебной правовой позиции со смежными категориями выражаются в следующем.

1. Соотношение правовой позиции с судебной практикой раскрыто в двух аспектах: практика как причина (мыслительная деятельность), позиция как следствие (результат мыслительной деятельности); практика как форма (совокупность судебных актов) и позиция как содержание (важнейшая часть в каждом акте).

2. Соотношение с судебным актом: правовая позиция как часть (элемент в структуре судебного акта) и судебный акт как целое (состоящее из всех четырех структурных элементов).

3. Соотношение с судебным прецедентом (если допустить, что он есть в правовой системе России) показывает три отличия:

прецедент относится к источникам права, позиция – нет;

прецедент всегда применим к последующим делам, позиция – не всегда, поскольку формально ни один правоприменитель не обязан ей следовать, а также возможно ее изменение в будущем;

прецедент состоит из *ratio decidendi* и *obiter dictum*, позиция состоит из иных элементов, обладая более сложной структурой.

Список литературы

- Алексеев С. С. Собрание сочинений. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права. 781 с.
- Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
- Баранов В. М., Степанков В. Г. Правовая позиция как общетеоретический феномен. Н. Новгород: Наука, 2003. 132 с.
- Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1980. 416 с.
- Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 183 с.
- Братусь С. Н. Юридическая природа судебной практики в СССР // Советское государство и право. 1975. № 6. С. 3–17.
- Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. С. 8–74.
- Ведешкина Т. П. Нетипичные источники российского трудового права: понятие, виды // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 1. С. 47–55. DOI: 10.34076/22196838_2021_1_47.

- Власенко Н. А. «Тревожные» вопросы по поводу судебных правовых позиций // Новая юстиция. 2008. № 1. С. 24–28.
- Власенко Н. А., Гринева А. В. Судебные правовые позиции (основы теории). М.: Издат. дом «Юриспруденция», 2009. 168 с.
- Головина С. Ю. Способы преодоления судами пробелов и иных дефектов трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 13–16.
- Гринева А. В. Судебные правовые позиции: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.
- Гук П. А. Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 30 с.
- Жильцов М. А. Преодоление дефектов трудового права Конституционным Судом РФ, Конституционными (Уставными) судами субъектов РФ // Российский юридический журнал. 2010. № 4. С. 162–167.
- Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–5.
- Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 193 с.
- Иванов А. А. Речь о прецеденте // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 2. С. 3–11.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
- Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 710 с.
- Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976. 24 с.
- Карташов В. Н. Правовые позиции Верховного Суда РФ по поводу применения судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права // Судебное правоприменение: проблемы теории и практики: сб. ст. / под ред. В. М. Сырых. М.: РАП, 2007. С. 233–241.
- Лазарев В. В. Правоприменительные акты и их эффективность в условиях развитого социалистического общества. Теоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1977. 32 с.
- Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право. М.: Проспект, 2011. 324 с.
- Мелихов В. М. Роль Пленумов Верховных Судов Союза ССР и РСФСР в обеспечении правильного применения гражданского процессуального законодательства. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. 39 с.
- Методика обобщения судебной практики / под ред. М. А. Шапкина. М.: Юрид. лит., 1976. 112 с.
- Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М.: Проспект, 2016. 832 с.
- Смолярчук В. И. Источники советского трудового права. М.: Юрид. лит., 1978. 168 с.
- Степанков В. Г. Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 186 с.
- Теория государства и права / отв. ред. В. Д. Перевалов. М.: Норма; Инфра-М, 2022. 341 с.
- Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. М.: Юринформцентр, 2000. 394 с.
- Ткешелиадзе Г. Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси: Мецниереба, 1975. 175 с.
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- Хатунов С. Ю. Труды Генри Брактона и английское право // Lex Russica. 2010. № 1. С. 193–211.
- Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

Владимир Петрович Коваль – ассистент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620034, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 54. Руководитель сектора общеправовой и судебной работы юридического отдела Регионального фонда содействия капитальному ремонту общего

имущества в многоквартирных домах Свердловской области. 620014, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Бориса Ельцина, д. 3, оф. 619А. E-mail: ya.vova-danil@yandex.ru.
ORCID: 0000-0002-7087-581X

Interrelation of the Legal Position of the Court with Judicial Practice, Judicial Act and Judicial Precedent using the Example of Labor Dispute Cases

The author notes, that the concept of legal position of the court is often used inappropriately, and this affects the quality of research as well as law enforcement. The problem is the substantial proximity of the abovementioned concept with related legal terms: judicial practice, judicial precedent, judicial act, legal ruling. The research has no heuristic value, if scholars do not actually study the judicial legal position, but another phenomenon that is presented as a legal position.

The system analysis of the definitions of legal position shows the main methodological, logical, lexical and special-legal inaccuracies of the researches. On the basis of the highlighted characteristics of a legal position of the court the author's definition of this concept has been developed. Structural-functional analysis and dialectical method, as well as the use of law enforcement practice on labor disputes allowed identifying the correlation of judicial legal position with judicial practice, judicial precedent and judicial act. From a practical point of view, it reveals the potential of judicial legal positions to influence labor legislation and to ensure the unity of law enforcement practice in labor dispute cases.

Keywords: *legal position on labor dispute cases, judicial practice, judicial precedent, judicial act, legal ruling, law enforcement*

Recommended citation

Koval' A. Yu. Sootnoshenie pravovoi pozitsii suda s sudebnoi praktikoi, sudebnym aktom i sudebnym pretsedentom na primere trudovykh sporov [Interrelation of the Legal Position of the Court with Judicial Practice, Judicial Act and Judicial Precedent using the Example of Labor Dispute Cases], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 71–81, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_71.

References

- Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow, Statut, 2010, vol. 3, 781 p.
- Alekseev S. S. *Teoriya prava* [Theory of Law], Moscow, BEK, 1995, 320 p.
- Baranov V. M., Stepankov V. G. *Pravovaya pozitsiya kak obshcheteoreticheskii fenomen* [Legal Position as a General Theoretical Phenomenon], Nizhnii Novgorod, Nauka, 2003, 132 p.
- Bezina A. K. *Sudebnaya praktika v mekhanizme pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii rabochikh i sluzhashchikh na etape razvitogo sotsializma* [Judicial Practice in the Mechanism of Legal Regulation of Workers' and Employees' Labor Relations during the Stage of Developed Socialism]: doct. jur. sc. thesis, Kazan', 1980, 416 p.
- Bezina A. K. *Sudebnaya praktika v mekhanizme pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii* [Judicial Practice in the Legal Regulation of Labor Relations], Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1989, 183 p.
- Bratus' S. N. *Yuridicheskaya priroda sudebnoi praktiki v SSSR* [The Legal Nature of Jurisprudence in the USSR], *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1975, no. 6, pp. 3–17.
- Bratus' S. N., Vengerov A. B. *Ponyatie, sodержanie i formy sudebnoi praktiki* [The Concept, Content and Forms of Judicial Practice], Bratus' S. N. (ed.) *Sudebnaya praktika v sovetskoi pravovoi sisteme* [Case Law in the Soviet Union Legal System], Moscow, Yurid. lit., 1975, pp. 8–74.
- Cherdantsev A. F. *Tolkovanie sovetskogo prava* [Interpretation of Soviet Law], Moscow, Yurid. lit., 1979, 166 p.
- Golovina S. Yu. *Sposoby preodoleniya sudami probelov i inykh defektov trudovogo zakonodatel'stva* [Means of Overcoming Gaps and Other Labor Law Defects by Courts], *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom*, 2018, no. 4, pp. 13–16.

- Grineva A. V. *Sudebnye pravovye pozitsii: voprosy teorii* [Judicial Legal Positions: Theoretical Issues]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2008, 25 p.
- Guk P. A. *Sudebnyi pretsedent kak istochnik prava* [Judicial Precedent as a Source of Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, 2002, 30 p.
- Ivanov A. A. Rech' o pretsedente [Discussing a Precedent], *Pravo. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki*, 2010, no. 2, pp. 3–11.
- Kant I. *Sochineniya* [Essays], Moscow, Mysl', 1965, vol. 4, pt. 1, 544 p.
- Kant I. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters], Moscow, Nauka, 1980, 710 p.
- Kartashov V. N. *Institut analogii v sovetskom prave* [The Institution of Analogy in Soviet Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, 1976, 24 p.
- Kartashov V. N. *Pravovye pozitsii Verkhovnogo Suda RF po povodu primeneniya sudami obshchei yurisdiksiy obshchepriznannykh printsipov i norm mezhdunarodnogo prava* [Legal Positions of the Supreme Court on the Application by Courts of General Jurisdiction of Universally Recognised Principles and Norms of International Law], Syrykh V. M. (ed.) *Sudebnoe pravoprimenenie: problemy teorii i praktiki* [Judicial Enforcement: Problems of Theory and Practice]: conference papers, Moscow, RAP, 2007, pp. 233–241.
- Khatunov S. Yu. *Trudy Genri Braktona i angliiskoe pravo* [The Writings of Henry de Bracton and English Law], *Lex Russica*, 2010, no. 1, pp. 193–211.
- Lazarev V. V. *Pravoprimenitel'nye akty i ikh effektivnost' v usloviyakh razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva. Teoreticheskoe issledovanie* [Law-Enforcement Acts and their Effectiveness in a Developed Socialist Society. Theoretical Study]: autoabstr. doct. jur. sc. thesis, Moscow, 1977, 32 p.
- Marchenko M. N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo* [Judicial Drafting and Judicial Law], Moscow, Prospekt, 2011, 324 p.
- Melikhov V. M. *Rol' Plenumov Verkhovnykh Sudov Soyuza SSR i RSFSR v obespechenii pravil'nogo primeneniya grazhdanskogo protsessual'nogo zakonodatel'stva* [The Role of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR in Ensuring the Correct Application of Civil Procedure Law], Saratov, Izd-vo Saratov. un-ta, 1975, 39 p.
- Perevalov V. D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Moscow, Norma, Infra-M, 2022, 341 p.
- Polyakov A. V. *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [Common Law Theory: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach], Moscow, Prospekt, 2016, 832 p.
- Shapkin M. A. (ed.) *Metodika obobshcheniya sudebnoi praktiki* [Methodology for the Compilation of Judicial Practice], Moscow, Yurid. lit., 1976, 112 p.
- Smolyarchuk V. I. *Istochniki sovetskogo trudovogo prava* [The Sources of the Soviet Union Labor Law], Moscow, Yurid. lit., 1978, 168 p.
- Stepankov V. G. *Pravovaya pozitsiya: obshcheteoreticheskie i prikladnye aspekty* [Legal Position: General Theoretical and Applied Aspects]: cand. jur. sc. thesis, Nizhnii Novgorod, 2003, 186 p.
- Tikhomirov Yu. A. *Kollizionnoe pravo* [Conflict of Laws], Moscow, Yurinformtsentr, 2000, 394 p.
- Tkesheliadze G. T. *Sudebnaya praktika i ugolovnyi zakon* [Judicial Practice and Criminal Law], Tbilisi, Metsniereba, 1975, 175 p.
- Ushakov D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language], Moscow, Adelant, 2014, 800 p.
- Vedeshkina T. P. *Netipichnye istochniki rossiiskogo trudovogo prava: ponyatie, vidy* [Unconventional Labor Law Sources: a Concept and Types], *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2022, no. 1, pp. 47–55, DOI: 10.34076/22196838_2021_1_47.
- Vlasenko N. A. «Trevozhnye» voprosy po povodu sudebnykh pravovykh pozitsii [«Worrying» Issues about Judicial Legal Positions], *Novaya yustitsiya*, 2008, no. 1, pp. 24–28.
- Vlasenko N. A., Grineva A. V. *Sudebnye pravovye pozitsii (osnovy teorii)* [Judicial Legal Positions (Basic Theory)], Moscow, Izdat. dom «Yurisprudentsiya», 2009, 168 p.

Zhil'tsov M. A. Preodolenie defektov trudovogo prava Konstitutsionnym Sudom RF, Konstitutsionnymi (Ustavnymi) sudami sub'ektov RF [Overcome of the Labor Law System Defects by the Constitutional Court of the RF, Constitutional Courts of Subjects of the RF], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2010, no. 4, pp. 162–167.

Zor'kin V. D. Pretsedentnyi kharakter reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [The Precedential Nature of Judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2004, no. 12, pp. 3–5.

Zotova E. E. *Teoriya i praktika realizatsii sudebnykh pravovykh pozitsii v tsivilisticheskoy protsesse* [Theory and Practice of Implementing Judicial Legal Positions in Civil Proceedings]: cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2021, 193 p.

Vladimir Koval' – assistant of the Department of labor law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620034, Russian Federation, Ekaterinburg, Kolmogorova str., 54. Head of the General legal and judicial sector of the Legal department of the Regional Fund for Assisting the Capital Repair of Common Assets in Multifamily Houses in the Sverdlovsk Region. 620014, Russian Federation, Ekaterinburg, Boris Yeltsin str., 3, office 619A. E-mail: ya.vova-danil@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-7087-581X

Дата поступления в редакцию / Received: 06.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 23.11.2022

А. В. Винницкий, И. Н. Харинов
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

НЕРАСКРЫТЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В СВЕТЕ ЗАКОНА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЯХ

Реформа системы обязательных требований в России, получившая наименование «регуляторной гильотины», – одно из самых заметных и обсуждаемых за последние годы преобразований в сфере государственного регулирования экономики. Квинтэссенцией реформы стали принятие безусловно прогрессивного Закона № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях», а также модернизация соответствующего массива нормативных требований.

Авторы статьи на основании исторического анализа приходят к убеждению, что с указанного момента сформировалась достаточная основа для полноценной проверки содержания (качества) нормативных правовых актов, устанавливающих обязательные требования в сфере экономической деятельности. Результаты правотворческой деятельности органов-«регуляторов», которая в части разработки обязательных требований приобретает отдельные черты правоприменительной деятельности, могут и должны стать предметом содержательного судебного нормоконтроля с точки зрения соответствия принципам и стандартам, закрепленным в Законе об обязательных требованиях. В связи с этим авторы прогнозируют формирование отдельной категории судебных споров, инициируемых заинтересованными субъектами регулируемой деятельности, – споров об оспаривании обязательных требований по правилам административного судопроизводства.

Ключевые слова: обязательные требования, «регуляторная гильотина», качество нормативных правовых актов, правотворческие правоотношения, общерегулятивные правоотношения

Для цитирования

Винницкий А. В., Харинов И. Н. Нераскрытый потенциал судебного нормоконтроля в свете Закона об обязательных требованиях // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 82–94. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_82.

УДК 342.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_82

Введение

Исследованию модернизированного института обязательных требований посвящено уже заметное число научно-экспертных исследований [Ноздрачев 2022а; Стахов 2021; Ермолова 2022] и тематических мероприятий [Ноздрачев, Стародубова 2021]¹.

¹ См. также: Круглый стол «Прокрустово ложе» обязательных требований в экономической сфере» в рамках XVI Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся на тему «Устойчивый экономический рост и право» // URL: <https://izak.ru/institute/events/obzor-kruglogo-stola-prokrustovo-lozhe-obyazatelnykh-trebovaniy-v-ekonomicheskoy-sfere/> (дата обращения 30.12.2022); II Международная научно-практическая

Одним из наиболее значимых аспектов реформы системы контрольно-надзорной деятельности, по нашему убеждению, выступают систематизация и формализация правил нормотворчества, а именно правил разработки обязательных требований. Теперь, несмотря на редкие и лишенные приемлемого обоснования мнения отдельных исследова-

конференция «Управление через право» на тему: «Разрешительная деятельность в механизме государственного управления» // URL: <https://admin-sc.ru/archives/2608> (дата обращения 30.12.2022); Круглый стол «Реформа системы обязательных требований и контроля (надзора) в сфере экологии» // URL: <https://www.usla.ru/news/Reform-of-the-system-of-mandatory-requirements-and-control/> (дата обращения 30.12.2022) и др.

телей, можно окончательно признать закрытым вопрос о природе данных требований: во всех случаях они трактуются как всеобщие юридизированные императивы, а следовательно, источник их закрепления признается нормативным правовым актом.

Указанные правила нормотворчества, установленные в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон № 247-ФЗ, Закон об обязательных требованиях) и в ряде принятых в его исполнение подзаконных актов, предусматривают как процедуры создания обязательных требований (оценка регулирующего воздействия проектов таких актов), сроки действия и сроки вступления их в силу и т. д., так и содержательные критерии их легитимности (законность, обоснованность, правовая определенность, системность, открытость, предсказуемость и исполнимость) (ст. 5–9 Закона № 247-ФЗ).

И здесь мы подходим к краеугольному вопросу для правоведов: насколько неукоснительным должно быть соблюдение ныне закрепленных правил нормотворчества (правил разработки обязательных требований), а следовательно, каковы правовые последствия отступления от таких правил? Если суд не станет признавать отступление от них таким дефектом обязательных требований, который лишает их юридической силы, то можно заключить, что ожидания бизнеса и общества не оправдались, а затеянная реформа провалена. Если же судебная ревизия обязательных требований (по мотиву отступления от установленных правил нормотворчества) перспективна и эффективна, то справедливо констатировать качественное изменение механизма правового регулирования и формирование нового баланса в вопросах учета и защиты интересов частных лиц при государственном регулировании экономической деятельности.

Разумеется, мы убеждены в верности именно второго подхода. В значительной степени на него ориентируют и утвержденные Правительством России Правила оценки применения обязательных требований¹,

¹ Правила оценки применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах, подготовки, рассмотрения доклада о достижении целей введения обязательных требований и принятия решения о продлении срока действия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования,

в соответствии с которыми результаты оценки достижения целей введения обязательных требований должны содержать, в том числе, информацию о количестве и анализе содержания судебных актов по делам об оспаривании нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования (и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, в части разъяснений обязательных требований), – по каждому упомянутому в докладе нормативному правовому акту (подп. «д» п. 21 указанных Правил).

Однако в любом случае возникает ряд производных вопросов, определяющих потенциал и пределы судебного нормоконтроля в рассматриваемой сфере. В частности: 1) эффективна ли правовая основа судебной проверки обязательных требований исходя из динамики развития законодательства о качестве нормативного регулирования? 2) все ли обязательные требования могут быть предметом судебной проверки? 3) кто вправе оспаривать обязательные требования?

Обоснованные ответы на поставленные вопросы могут дать, на наш взгляд, не только научный анализ и обобщение появившейся судебной практики, но и моделирование потенциальных судебных дел об оспаривании нормативных актов, содержащих обязательные требования, и спорных ситуаций с учетом доктринальных представлений, сложившихся, в частности, в науке гражданского процесса [Никитин 2010; Немцева 2011] и административного права [Бурков 2005; Порываев 2018], а также сформировавшихся в правоприменении подходов². Именно этому и посвящена настоящая статья.

Издание обязательных требований как предмет правового регулирования: ретроспективный анализ

Ретроспективный анализ важен для раскрытия заявленной темы, поскольку именно он позволяет оценить глубину происходящих изменений. Обязательные требования всегда

или о проведении оценки фактического воздействия нормативного правового акта, устанавливающего обязательные требования: утв. постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2454.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 50).

были частью нормативной «ткани», представляя собой активные и пассивные обязанности тех лиц, на которых они распространяются. Для целей регламентации хозяйственной деятельности многочисленные требования (СНиПы, СанПиНы, ГОСТы, РД и пр.) разрабатывались еще в советский период, как правило, профильными ведомственными научно-исследовательскими учреждениями, и впоследствии переживали определенную трансформацию¹. При этом до недавнего времени обязательные требования воспринимались правоведами как данность, с которой следует работать, а вопросы об их обоснованности, разумности, исполнимости и пр. носили, скорее, риторический характер и не способны были делегитимировать «спущенные сверху» правила. Юридическая догма была тому опорой.

Так, в теории права содержащие юридические нормы акты правотворчества являются основой в механизме правового регулирования [Теория государства и права 1996: 269]. При этом между собой четко разграничиваются, во-первых, стадия формирования и действия юридических норм, которые общим образом регламентируют, направляют поведение участников общественных отношений, устанавливая для них тот или иной правовой режим, и, во-вторых, стадия применения права, когда компетентный властный орган издает властный индивидуальный акт [Алексеев 1982: 26].

Следовательно, в юридической доктрине нормы права выступают источником правового регулирования, а их создание нечасто рассматривалось с позиции применения иных правовых норм или, по крайней мере, строго регламентированной юридической деятельности (сопоставимой с точки зрения качества регламентации с правоприменением)². Так,

¹ См., например: «СП 17.13330.2017. Свод правил. Кровли. Актуализированная редакция СНиП II-26-76: утв. приказом Минстроя России от 31 мая 2017 г. № 827/пр.

² В практическом плане не суждено было состояться и проектам федеральных законов о нормативных правовых актах в РФ. См., например: Проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (инициативный законопроект). 2013 // URL: <https://izak.ru/upload/iblock/282/282fe1adbf95a52e919d0dae1164ea66.pdf> (дата обращения: 30.12.2022); проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России; не внесен в ГД ФС РФ, текст по со-

редким, но ярким примером глубокого исследования вопросов административного нормотворчества выступает изданная в советский период работа Б. В. Дрейшева, который сформулировал как никогда актуальные для настоящего времени (и для настоящей работы) выводы о том, что правотворческие нормы (а именно такие по сути содержатся в ст. 5–9 и др. Закона № 247-ФЗ) являются средством, инструментом создания и совершенствования норм других отраслей права, регулируют сложный интеллектуально-творческий процесс формирования государственной воли в форме соответствующих нормативно-правовых предписаний, а также обеспечивают функционирование и развитие системы права в целом [Дрейшев 1977: 40, 51].

В связи с этим справедливым представляется мнение Ю. Н. Старилова о том, что институт административного нормотворчества как теоретико-прикладная проблема находится лишь в начале осмысления [Старилов 2013].

Как следствие, особенно интересно констатировать, что постепенно правотворческая деятельность (разработка обязательных требований) становится предметом все более детального правового регулирования, причем – что важно – не как внутриаппаратные отношения, которые недостижимы для частных лиц и судебного контроля, а как внешнеаппаратные отношения – особый регламентированный правотворческий процесс, в котором, помимо публичного субъекта (инициатора принятия нормативного акта), участвуют иные вовлеченные органы публичной власти, эксперты, профессиональные сообщества, заинтересованные частные лица³.

Для наглядности кратко проследим динамику правового регулирования разработки нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования.

Первый этап характеризуется регламентацией сугубо формы обязательных требований. Он связан с действием Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и норматив-

стоянию на 26.12.2014 г.) // URL: <http://regulation.gov.ru/p/36955> (дата обращения: 30.12.2022).

³ См., например: [Дамм, Роньжина, Акунченко и др. 2018; Забелина 2020].

ных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» (далее – Указ № 763) и Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009) (а равно предшествовавших им аналогичных нормативных актов 1992–1993 гг.). Данные документы в первоначальных редакциях регламентировали лишь вопросы официального опубликования подзаконных нормативных актов, а также государственной регистрации ведомственных нормативных актов и внутренние процедуры их разработки, не затрагивая ни содержательные требования к указанным актам, ни учет при их подготовке интересов субъектов экономической деятельности. Сопоставимый регламентный подход «внутреннего прохождения документов» был предусмотрен и для проектов актов Правительства РФ¹.

Показательно, что после принятия Конституции России сохранялась юридическая сила принятых в советское время нормативных актов, в том числе содержащих обязательные требования, независимо от соблюдения новых стандартов формы нормативных актов (см. ч. 2 Заключительных и переходных положений Конституции РФ). Таким образом, не предполагалось ревизии обязательных требований ни по форме, ни по содержанию.

Последствием отступления от процедурных требований об обязательной государственной регистрации и опубликовании нормативных актов выступала их ничтожность (п. 10 Указа № 763). При этом дефекты качества (содержания) таких актов не подлежали самостоятельной оценке, за исключением вопросов соответствия (несоответствия) актам большей юридической силы. Правовые позиции относительно дефектов, связанных с неясностью и неоднозначностью толкования, были выработаны в судебной практике заметно позднее в целях восполнения очевидного пробела и осуществления минимально необходимого судебного нормоконтроля².

¹ См. применительно к актам Правительства (Регламент Правительства Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260) и к федеральным законам (главы 12–16.1 Регламента ГД ФС РФ (утв. постановлением ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-III ГД)).

² См., в частности: п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября

Второй этап связан с завершением в 2004 г. масштабной административной реформы, в результате которой была обособлена функция административного нормотворчества (подп. «а» п. 2 Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»). Это, однако, не привело к заметному совершенствованию регламентации издания ведомственных нормативных актов. Разве что более формально стали закрепляться полномочия органов исполнительной власти по изданию конкретных нормативных актов, вплоть до фиксации закрытого их перечня в статутном акте о соответствующем органе³. При оценке же содержательной части обязательных требований сохранялся прежний подход: «Жираф большой – ему видней...», т. е. широчайшая дискреция регулятора.

Третий этап ознаменовался принятием Правил и Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96)⁴. После этого качество принимаемых нормативных правовых актов (с точки зрения соответствия антикоррупционным стандартам), наконец, стало подлежать обязательной проверке и, кроме того, могло становиться предметом судебной оценки. Так, сформировалась отдельная категория судебных споров, в рамках которых положения нормативных правовых актов оспаривались, в том числе, по мотиву наличия в них коррупциогенных факторов⁵.

2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»; п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 50.

³ См., например: п. 5.2 Положения о Федеральной антимонопольной службе (утв. постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 331).

⁴ К слову, они заменили просуществовавшие совсем короткое время Правила проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (утв. постановлением Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 195) и Методику проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции (утв. постановлением Правительства РФ от 5 марта 2009 г. № 196).

⁵ Можно привести в пример как более ранние судебные акты по искам прокуратуры (например, определение Верховного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 11-Г11-23), так и более актуальные споры по искам общест-

Четвертый этап связан с установлением процедуры оценки регулирующего воздействия (ОРВ) после принятия постановления Правительства РФ от 15 мая 2010 г. № 336 и обусловлен внедрением внятной оценки проектов нормативных актов, регламентирующих экономические отношения в области организации и осуществления государственного контроля (надзора), на предмет наличия избыточных административных барьеров. При этом подробное закрепление процедура ОРВ получила несколько позднее в связи с принятием Правил ее проведения (утв. постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318).

Если до недавнего времени почти незыблемыми выглядели любые нормативные акты, содержащие обязательные для исполнения правила, то в настоящее время подобные акты подвергаются проверке «по существу»

Повышению прозрачности процедуры создания актов нормотворчества, а также привлечению к ней заинтересованных частных лиц посвящены и Правила раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения (утв. постановлением Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851), предусматривающие обязательное размещение в сети Интернет на портале <https://regulation.gov.ru> проектов нормативных правовых актов для общественного обсуждения.

Наконец, позднее была создана правовая база для проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов (см. постановление Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83), призванная, в том числе, продемонстрировать достижение целей регулирования нормативных актов в сфере экономической деятельности.

Однако нужно признать, что это были лишь «полумеры», промежуточные шаги,

венных объединений и хозяйствующих субъектов (например, апелляционные определения Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2018 г. № 48-АПГ17-25, от 11 сентября 2019 г. № 44-АПА19-26).

поскольку внедренная оценка регулирующего и фактического воздействия с общественным обсуждением проектов нормативных актов: 1) не содержала собственно критериев оценки нормативных актов, т. е. универсальных стандартов их качества; 2) касалась лишь части из них с точки зрения предмета регулирования; 3) не предполагала ревизию массива ранее изданных обязательных требований; 4) закреплялась на подзаконном уровне, что исключало полноценное нормирование законотворчества. Поэтому объяснимо, что практики оспаривания нормативных актов по мотиву несоответствия указанным выше постановлениям Правительства России фактически не сложилось, за исключением лишь нескольких случаев, когда ВС РФ констатировал соответствие оспариваемых нормативных актов правилам проведения оценки ОРВ¹.

Пятый этап знаменует принципиальный переход к содержательной и универсальной регламентации процедур издания всех обязательных требований. При этом Закон № 247-ФЗ не только распространяется на будущие отношения, но и закрепляет необходимость ревизии ранее изданных требований с отменой неактуальных, избыточных и пр. (ч. 1 ст. 15 Закона № 247-ФЗ).

Таким образом, если до недавнего времени почти незыблемыми выглядели любые нормативные акты, содержащие обязательные для исполнения правила (подлежащие оценке в рамках контрольно-надзорных мероприятий, предоставления государственных и муниципальных услуг, привлечения к ответственности и пр.), то в настоящее время подобные акты подвергаются проверке «по существу».

Симптоматично, что в проекте Закона № 247-ФЗ (ст. 16), принятого Государственной Думой в первом чтении, прямо предусматривалось, что обязательные требования, которые установлены в нарушение принципов и порядка, предусмотренных проектом федерального закона, а также не соответствуют иным федеральным законам, могут быть оспорены, в том числе органами прокуратуры в установленном порядке посредством признания нормативных правовых актов, содержащих данные требования,

---

¹ См. апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № АПЛ19-477, от 29 января 2018 г. № АПЛ17-498.

недействительными и подлежащими отмене¹. Представляется, что речь шла именно о судебном оспаривании по правилам главы 21 Кодекса административного судопроизводства РФ. Вместе с тем после замечаний, представленных Комитетом по образованию и науке², упомянутая статья была исключена из проекта, что, по нашему убеждению, отнюдь не изменило концепции о возможности судебного нормоконтроля, а, скорее, было обусловлено юридико-техническими соображениями.

По сути, с 2020 г. впервые внедрена полноценная система процедур и критериев оценки качества нормативных актов, содержащих обязательные требования. В этом смысле правотворческая функция публичной администрации сблизилась с их правоприменительной деятельностью: теперь орган власти, моделируя новые требования или ревизируя ранее изданные, руководствуется установленными правилами нормотворчества, т. е. «применяет» соответствующие положения закона. И самое главное – результат такой правотворческой деятельности вполне может быть перепроверен судом путем применения (проверки соблюдения) все тех же положений закона.

Тем не менее в свете описанных нововведений не вполне показательны и неубедительны результаты продекларированной оценки. Так, на официальном сайте <https://regulation.gov.ru> пока обнаружен лишь один проект³ доклада Минтранса России о достижении целей введения обязательных требований по отношениям, возникающим при осуществлении международных автомобильных перевозок 2021 г.⁴, в котором говорится, что оценке подлежат один федеральный закон и два постановления Правительства РФ (см. табл. 1 и 2 проекта доклада). Однако указано было число судебных актов по делам об оспаривании только федерального закона,

но не по делам об оспаривании постановлений Правительства РФ (см. табл. 20 проекта доклада). В любом случае соответствующих судебных актов за 2021 г. выявлено не было.

Нормативные акты, содержащие обязательные требования, как предмет судебного оспаривания

Обязательные требования могут устанавливаться нормативными актами, издаваемыми органами публичной власти всех уровней: 1) федеральными законами, указами Президента РФ, постановлениями Правительства РФ, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти; 2) нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, 3) муниципальными нормативными правовыми актами (ст. 2 Закона № 247-ФЗ).

Судебной проверке на предмет соответствия Закону № 247-ФЗ потенциально могут подвергаться лишь подзаконные акты. Как неоднократно разъяснял Верховный Суд РФ, к компетенции судов общей юрисдикции отнесены дела об оспаривании полностью или в части нормативных правовых актов ниже уровня федерального закона по основаниям их противоречия нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу (абз. 1 и 2 п. 4 Постановления Пленума ВС РФ № 50).

Федеральные законы, содержащие обязательные требования, могут быть проверены лишь на предмет соответствия Конституции РФ, причем этот вопрос, как известно, относится к прерогативе Конституционного Суда РФ⁵. Многократно подчеркивалось⁶, что один федеральный закон, по общему правилу⁷, не может быть проверен на предмет соответствия другому федеральному закону, поскольку речь идет о нормативных актах равной юридической силы. В этом смысле закон, регламентирующий правотворчество (Закон № 247-ФЗ), также не имеет приоритета над ординарными законами.

¹ Законопроект № 851072-7 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/851072-7> (дата обращения: 30.12.2022).

² Там же.

³ Сведений об опубликовании утвержденного текста доклада Минтранса России на официальном сайте <https://regulation.gov.ru> на момент подготовки настоящей статьи не обнаружено.

⁴ Проект Доклада о достижении целей введения обязательных требований по отношениям, возникающим при осуществлении международных автомобильных перевозок // URL: <http://regulation.gov.ru/p/128040> (дата обращения: 30.12.2022).

⁵ Часть 1, п. «а» ч. 2 ст. 125 Конституции РФ, подп. «а» п. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

⁶ Определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. № 182-О, от 3 февраля 2000 г. № 22-О и др.

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2017 г. № 215-О и другие упомянутые в нем позиции КС РФ о возможности (в отдельных случаях) приоритета кодифицированных актов над федеральными законами.

Вместе с тем моделируемое нами потенциальное противоречие двух законов (вновь принимаемого федерального закона Закону № 247-ФЗ), которое может носить неочевидный, спорный характер, не должно представлять собой своеобразный юридический тупик. Закон № 247-ФЗ в значительной степени призван обеспечивать права и свободы человека и гражданина (их объединений) в процессе правотворчества, гарантировать на долгосрочной основе следование заявленной модели регулирования экономической деятельности. Следовательно, вопрос потенциального несоответствия любого вновь принимаемого закона ранее изданному закону № 247-ФЗ вполне может приобрести конституционное значение, т. е. породить несоответствие и конституционным положениям. Примеры такого похода при возникновении законодательных коллизий в практике Конституционного Суда РФ имеются¹.

Не менее сложен и интересен вопрос о перспективах судебной проверки многочисленных региональных и муниципальных нормативных актов, закрепляющих обязательные требования. Согласно Закону № 247-ФЗ порядок их установления и оценки применения определяется с учетом федеральных принципов (ч. 5 ст. 2, ст. 4–9).

Как указывает А. Ф. Ноздрачев, по состоянию на 1 января 2022 г. (и эта тенденция сохранилась в целом настоящее время) общее регулирование порядка установления и оценки применения обязательных требований в субъектах РФ предусматривается законами двух видов. Это либо законы, регулирующие в полном объеме особенности установления и оценки применения обязательных требований, закрепляемых нормативными правовыми актами региона (в Архангельской области, Краснодарском крае и т. д.), либо законы, регламентирующие порядок оценки регулирующего воздействия и оценки применения обязательных требований, устанавливаемых нормативными правовыми актами субъекта РФ (в Омской, Владимирской областях и т. д.) [Ноздрачев 2022b]. Сделанные обобщения, на наш взгляд, релевантны и для муниципального уровня.

¹ См., например: Постановления Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П, от 23 декабря 1997 г. № 21-П, от 23 февраля 1999 г. № 4-П, от 21 апреля 2003 г. № 6-П, от 2 марта 2010 г. № 5-П, от 14 мая 2013 г. № 9-П.

Таким образом, положения Закона № 247-ФЗ, по нашему мнению, нельзя признать обязательными правилами прямого действия, а потому региональные и муниципальные акты формально не могут быть проверены на предмет их соответствия Закону № 247-ФЗ. Здесь можно моделировать ситуации потенциального несоответствия региональных или муниципальных нормативных актов, вводящих обязательные требования на соответствующем уровне, базовым региональным или муниципальным актам, принятым во исполнение Закона № 247.

Правила разрешения таких противоречий, думается, аналогичны тем, которые предложены для федерального уровня: судебный нормоконтроль возможен; при рассмотрении соответствующего спора суд ориентируется на акт большей юридической силы; при одинаковой юридической силе противопоставленных актов, полагаем, уместно заявить о несоответствии выявленной коллизии положениям Закона № 247-ФЗ.

В целом же, если учесть явный дисбаланс в пользу регламентации экономической деятельности на федеральном уровне и отмеченные особенности разрешения законодательных коллизий, в фокус судебной проверки попадают нормативные правовые акты с обязательными требованиями, которые изданы федеральными органами исполнительной власти, а также Правительством РФ и Президентом РФ.

Право на оспаривание обязательных требований в контексте доктрины общерегулятивных отношений

Известно, что с административным иском о признании нормативного акта недействующим полностью или в части вправе обратиться: 1) лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что оспариваемым актом нарушены, нарушаются или могут быть нарушены их права, свободы и законные интересы, 2) в том числе лица, в отношении которых применен этот акт, а также 3) иные лица, чьи права, свободы, законные интересы затрагиваются данным актом (абз. 1 п. 5, абз. 3 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 50).

Приведенное разъяснение в полной мере охватывает две разновидности принципиально разных ситуаций:

во-первых, конкретное обязательное требование было применено в отношении конкретного частного лица, т. е. сложилось относительное правоотношение регулятивного характера (предоставлена или не предоставлена государственная или муниципальная услуга, выдано предписание по результатам проведенной проверки) либо охранительного характера (состоялось привлечение к административной ответственности, рассмотрена жалоба). Отметим, что большинство правоотношений, входящих в предмет отрасли административного права, с точки зрения степени определенности сторон являются относительными: они возникают между конкретными сторонами (как правило, двумя: публичным органом и частным лицом), наделенными взаимными правами и обязанностями. Это своего рода аналог обязательственных отношений, хорошо известных частному праву;

во-вторых, обязательные требования просто действуют в отношении регулируемого круга лиц, исполняются или соблюдаются ими в ходе их деятельности вне механизма персонального правоприменения. В условиях сокращения объема контрольно-надзорных мероприятий, введения моратория на проверки данные формы реализации правовых предписаний очевидно доминируют в сравнении с правоприменением. Здесь частное лицо не находится в относительном правоотношении с органом власти (не получает услугу, не подвергается проверке и пр.), однако исполняет возложенную на него нормативно активную или пассивную обязанность.

По нашему убеждению, со вступлением в силу Закона № 247-ФЗ выкристаллизовались или, точнее, проявили свое (до той поры неявно ощущаемое) присутствие публично-правовые правоотношения особого вида – *общерегулятивные правоотношения по соблюдению обязательных требований*. Именно о них, по сути, говорится в абз. 1 п. 5 и абз. 3 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ № 50.

Юридической науке давно известна концепция общерегулятивных правоотношений («каждый с каждым»), в которых поименована либо только обязанная, либо только управомоченная сторона и которые: 1) возникают непосредственно в силу закона или иного нормативного правового акта; 2) возникают в отсутствие какого-либо специального юридического факта; 3) представляют собой так

называемые общие дозволения и общие запреты; 4) складываются в сфере регулятивных публичных функций; 5) регламентированы регулятивными правовыми нормами; 6) по сроку действия совпадают со временем существования нормы [Алексеев 1982: 102–112; Алексеев 2010: 267–268].

Несмотря на то что трансформацию системы обязательных требований непременно связывают с реформой контрольно-надзорной деятельности, общерегулятивные правоотношения кардинально отличаются от ближайших к ним контрольно-надзорных, которые являются относительными правоотношениями между «контролером» и «контролируемым» и возникают в связи с конкретным юридическим фактом – решением о проведении проверки.

Однако в правоотношениях анализируемой группы «контролер» не просто отсутствует, он чаще всего даже не появляется в будущем в качестве субъекта правоотношений. Речь идет о не подлежащих исчислению ситуациях правомерного поведения частного лица, а равно латентного неправомерного поведения. Акцентируем внимание на том, что значительную часть экономической жизни общества, к счастью, заведомо исключили из системы контроля и надзора, принимая во внимание внедренную риск-ориентированную модель контрольной деятельности и отказ от утопической концепции тотального контроля. При этом мы солидарны во мнении с теми представителями науки административного права, которые считают невозможными административно-правовые отношения сугубо между частными лицами (без участия в них публичного «регулятора») [Козлов 1967: 110; Купреев 2012].

В связи с этим заслуживает поддержки и меткая аргументация А. Б. Зеленцова: присутствие водителей и пешеходов «в сфере действия норм административного права, даже под контролем (надзором) субъектов административной власти, вовсе не означает, что между ними устанавливаются административно-правовые отношения», а «тот факт, что субъекты правовых связей находятся под контролем (надзором) административного органа до его непосредственного вхождения во взаимодействие, не придает этим связям „административности“ и качества административно-правовых отношений» [Зеленцов 2020].

Таким образом, по нашему мнению, правоотношения по поводу соблюдения обязательных требований, являясь общерегулятивными, возникают между частными лицами неопределенного круга, на которых распространяются обязательные требования в силу специфики осуществляемой ими деятельности (т. е. лицами, непосредственно подпадающими как под пассивную обязанность соблюдать обязательные требования, так и под активную обязанность выполнять их), с одной стороны, и публичным образованием, установившим соответствующие требования («регулятором»), – с другой.

В сфере обязательных требований концепция правоотношений «каждый с каждым» лишена теоретического и прикладного смысла, что отчетливо видно, если в такие правоотношения вступают те частные лица, которые находятся вне зоны действия соответствующего регулирования. Напротив, такая концепция способна привести к неверному выявлению круга заинтересованных лиц, имеющих право требовать выполнения обязательных правил либо оспаривать их в суде. Если частные лица из установленного круга вынуждены исполнять (соблюдать) обязательные требования, т. е. выполнять определенные обязанности, соотносить свое поведение с такими обязательными требованиями, то эти лица находятся в правоотношении¹. Другой стороной правоотношения от имени публичного образования уместно называть конкретный регулирующий орган публичной власти – «регулятор», осуществляющий возложенную на него нормотворческую функцию.

На наш взгляд, характеристике и детальному юридико-техническому разбору подобные правоотношения уделяется недостаточное внимание в современном административном праве на уровне как научной, так и учебной литературы (особенно в части тем, посвященных предмету отрасли адми-

¹ Вероятно также, что в ряде случаев на роль участников общерегулятивного правоотношения смогли бы претендовать те частные лица, которые являются выгодоприобретателями от введения обязательных требований, точнее от их исполнения / соблюдения (к примеру, посетители мест общественного питания применительно к СанПиНам). Однако в основе соответствующего вывода о признании лица субъектом подобного общерегулятивного отношения должно лежать исследование вопроса о наличии у этого лица в конкретном случае субъективного публичного права, подлежащего юридической защите, но не просто абстрактного интереса.

нистративного права и административным правоотношениям).

С учетом приведенного доктринального обоснования без колебаний можно заключить, что правом оспаривать нормативный акт, содержащий обязательные требования, наделяется каждое лицо из числа тех, на которых эти требования распространяются (независимо от применения к такому лицу соответствующей нормы в рамках относительного правоотношения).

Право на оспаривание нормативного акта, т. е., по сути, право на судебную защиту, в данном случае производно от одного из фундаментальных субъективных публичных прав частных лиц – права на невмешательство государства в частные дела [Еллинек 1913; Зеленцов 2012], как противовес дискреционным полномочиям органов власти по нормативному регулированию и установлению обязательных требований. Здесь речь идет о недопустимости необоснованного, чрезмерного, дефектного нормирования и тем самым подавления экономической активности.

Выводы

Институт обязательных требований «вдохнул новую жизнь» в две самостоятельные группы публичных правоотношений с участием как органов власти, так и частных лиц: правотворческие по созданию обязательных требований и общерегулятивные по соблюдению обязательных требований. Причем в правоотношениях обоих видов у частных лиц есть субъективные публичные права (правопритязания) по отношению к органу – «регулятору».

Правотворческая деятельность (разработка обязательных требований) приблизилась к правоприменительной деятельности с точки зрения правовой регламентации, несмотря на принципиальные различия соответствующих стадий в механизме правового регулирования. Более того, ее результаты могут быть предметом судебного нормоконтроля на соответствие не только процедурным, но и содержательным правилам, закрепленным в Законе об обязательных требованиях.

Налицо веские основания прогнозировать формирование и распространение новой категории судебных дел – дел об оспаривании обязательных требований (и, вероятно, также соответствующих актов-разъяснений). Целе-

сообразно было бы разработать специальные процессуальные правила рассмотрения таких дел по аналогии с правилами рассмотрения к примеру, административных дел об оспаривании кадастровой стоимости (глава 25 Кодекса административного судопроизводства РФ).

Равным образом особый интерес представляют не только процессуальные особен-

ности рассмотрения соответствующих дел, в том числе средства доказывания, коллективные административные иски об оспаривании обязательных требований и пр., но и вопрос о том, в какой степени допустима судебная проверка обязательных требований в части соответствия закрепленным в Законе № 247-ФЗ принципам установления и оценки применения обязательных требований.

Список литературы

- Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит. 1982. Т. 2. 360 с.
- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ справоч. том]. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права. 781 с.
- Бурков А. Л. Акты судебного нормоконтроля как источник административного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 32 с.
- Дамм И. А., Роньжина О. В., Акунченко Е. А. и др. Открытость и доступность информации о правотворческой деятельности органов местного самоуправления в России // Российский юридический журнал. 2018. № 6. С. 85–97.
- Дрейшев Б. В. Правотворчество в советском государственном управлении. М.: Юрид. лит., 1977. 160 с.
- Еллинек Г. Система субъективных публичных прав. СПб.; М., 1913. 599 с.
- Ермолова О. Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы контроля и ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 60–75.
- Забелина Е. П. Развитие правотворческого процесса на муниципальном уровне // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 96–102.
- Зеленцов А. Б. Границы и структура предмета административного права современной России: дискуссионные вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20.
- Зеленцов А. Б. Субъективное публичное право: учеб. пособие. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2012. 145 с.
- Козлов Ю. М. Предмет советского административного права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. 160 с.
- Купреев С. С. К дискуссии о предмете современного административного права // Административное право и процесс. 2012. № 4. С. 22–25.
- Немцева В. Б. Юридическое значение судебного решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 22 с.
- Никитин С. В. Судебный нормоконтроль в гражданском процессе и арбитражном процессе: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.
- Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 1) // Административное право и процесс. 2022а. № 3. С. 19–24.
- Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права: идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования (часть 2) // Административное право и процесс. 2022б. № 5. С. 8–15.
- Ноздрачев А. Ф., Стародубова О. Е. Обзор научно-практического семинара «„Регуляторная гильотина“ как решающий фактор эффективности и результативности государственного контроля (надзора)» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 170–175.
- Порываев С. А. Законность нормативных административно-правовых актов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 31 с.

Стариков Ю. Н. О современной теории административного права России, гранях творчества и личности (размышления в преддверии 90-летнего юбилея профессора Василия Михайловича Манохина) // Административное право и процесс. 2013. № 11. С. 9–35.

Стахов А. И. Ключевые элементы структуры административного контрольно-надзорного производства, осуществляемого в России // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 117–127.

Теория государства и права: учеб. / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996. 560 с.

Андрей Владимирович Винницкий – доктор юридических наук, заведующий кафедрой земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: av.vinnitskiy@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-8813-3486

Илья Николаевич Харинов – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного, градостроительного и экологического права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: kharinov.ilya@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-6558-4965

Challenging Legal Acts Containing Mandatory Requirements in Court

The reform of Russia's system of mandatory requirements, called the «regulatory guillotine», is one of the most notable and debated transformations in state regulation of the economy in recent years. The quintessence of the reform were the adoption of the clearly progressive Federal Law No. 247-FZ «On Mandatory Requirements» as well as the modernization of the relevant array of regulatory requirements.

Based on a historical analysis, the authors conclude that since that moment a sufficient basis for a full-fledged verification of the content (quality) of legal acts containing mandatory requirements in the economic activity sphere has been formed. The results of law-making activity of «regulators», which in terms of development of mandatory requirements acquires certain features of law enforcement activities, can and should become the subject of substantive court legal rules control in terms of compliance with the principles and standards set forth in the Federal Law «On Mandatory Requirements». In this connection, the authors predict the formation of a separate category of court disputes initiated by the interested subjects of regulated activities – the disputes to challenge mandatory requirements under the rules of administrative court proceedings.

Keywords: mandatory requirements, «regulatory guillotine», quality of legal acts, law-making legal relations, general regulatory legal relations

Recommended citation

Vinnitskiy A. V., Kharinov I. N. Neraskrytyi potentsial sudebnogo normokontrolya v svete Zakona ob obyazatel'nykh trebovaniyakh [Challenging Legal Acts Containing Mandatory Requirements in Court], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 82–94, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_82.

References

Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], in 2 vols., Moscow, Yurid. lit., 1982, vol. 2, 360 p.

Alekseev S. S. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], in 10 vols. + ref. vol., Moscow, Statut, 2010, vol. 3, 781 p.

Burkov A. L. *Akty sudebnogo normokontrolya kak istochnik administrativnogo prava* [Acts of Judicial Normative Control as a Source of Administrative Law]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Tyumen', 2005, 32 p.

Damm I. A., Ron'zhina O. V., Akunchenko E. A. et. al. *Otkrytost' i dostupnost' informatsii o pravotvorcheskoi deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya v Rossii* [Openness and Free Access to Information about the Legal Activities of Local Governments in the Russian Federation], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 6, pp. 85–97.

Dreishev B. V. *Pravotvorchestvo v sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Law-Making in the Soviet State Administration], Moscow, Yurid. lit., 1977, 160 p.

Ellinek G. *Sistema sub"ektivnykh publichnykh prav* [The System of Subjective Public Rights], Saint Petersburg, Moscow, 1913, 599 p.

Ermolova O. N. *Obyazatel'nye trebovaniya k predprinimatel'skoi deyatel'nosti: voprosy kontrolya i otvetstvennosti* [Obligatory Requirements for Entrepreneurial Activity: Control and Liability Issues], *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, 2022, no. 5, pp. 60–75.

Korel'skii V. M., Perevalov V. D. (eds.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law], Ekaterinburg, Izd-vo UrGYuA, 1996, 560 p.

Kozlov Yu. M. *Predmet sovetskogo administrativnogo prava* [The Subject of Soviet Administrative Law], Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1967, 160 p.

Kupreev S. S. *K diskussii o predmete sovremenno administrativnogo prava* [On Discussion on Subject-Matter of Contemporary Administrative Law], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2012, no. 4, pp. 22–25.

Nemtseva V. B. *Yuridicheskoe znachenie sudebnogo resheniya po delam ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov* [Legal Significance of a Court Decision in Cases of Contesting Normative Legal Acts]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Omsk, 2011, 22 p.

Nikitin S. V. *Sudebnyi normokontrol' v grazhdanskom protsesse i arbitrazhnom protsesse: voprosy teorii i praktiki* [Judicial Normative Control in Civil Proceedings and Arbitration Proceedings]: autoabstr. of doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2010, 50 p.

Nozdrachev A. F. *Obyazatel'nye trebovaniya kak novatsionnyi institut administrativnogo prava: idei, sodержание, printsipy i urovni pravovogo regulirovaniya (chast' 1)* [Mandatory Requirements as a New Administrative Law Institution: Ideas, Content, Principles and Legal Regulation Levels (Part 1)], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2022a, no. 3, pp. 19–24.

Nozdrachev A. F. *Obyazatel'nye trebovaniya kak novatsionnyi institut administrativnogo prava: idei, sodержание, printsipy i urovni pravovogo regulirovaniya (chast' 2)* [Mandatory Requirements as a New Administrative Law Institution: Ideas, Content, Principles and Legal Regulation Levels (Part 2)], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2022b, no. 5, pp. 8–15.

Nozdrachev A. F., Starodubova O. E. *Obzor nauchno-prakticheskogo seminara «„Regulyatornaya gil'otina“ kak reshayushchii faktor effektivnosti i rezul'tativnosti gosudarstvennogo kontrolya (nadzora)»* [Review of the Scientific and Practical Seminar «„Regulatory guillotine“ as a Decisive Factor in the Efficiency and Effectiveness of State Control (Supervision)»], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 170–175.

Poryvaev S. A. *Zakonnost' normativnykh administrativno-pravovykh aktov v Rossiiskoi Federatsii* [Legality of Normative Administrative-Legal Acts in the Russian Federation]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Moscow, 2018, 31 p.

Stakhov A. I. *Klyuchevye elementy struktury administrativnogo kontrol'no-nadzornogo proizvodstva, osushchestvlyаемого v Rossii* [Key Elements of the Structure of Administrative Control and Supervisory Proceedings in Russia], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 117–127.

Starilov Yu. N. *O sovremennoi teorii administrativnogo prava Rossii, granyakh tvorchestva i lichnosti (razmyshleniya v preddverii 90-letnego yubileya professora Vasiliya Mikhailovicha Manokhina)* [About the Modern Theory of Administrative Law of Russia, of Sides Creativity and Personality (Reflections 90-year Anniversary Meeting of Professor Vasily Mikhailovich Manokhin)], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2013, no. 11, pp. 9–35.

Zabelina E. P. Razvitie pravotvorcheskogo protsessa na munitsipal'nom urovne [The Development of Legislative Process at the Municipal Level], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2020, no. 3, pp. 96–102.

Zelentsov A. B. Granitsy i struktura predmeta administrativnogo prava sovremennoi Rossii: diskussionnye voprosy [The Limits and Structure of the Administrative Law Subject of Modern Russia: Discussion Issues], *Administrativnoe pravo i protsess*, 2020, no. 9, pp. 5–20.

Zelentsov A. B. *Sub"ektivnoe publichnoe pravo* [Subjective Public Law], Moscow, Ros. un-t druzhby narodov, 2012, 145 p.

Andrey Vinnitskiy – doctor of juridical sciences, head of the Department of land, environmental and urban planning law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: av.vinnitskiy@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-8813-3486

Ilya Kharinov – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of land, environmental and urban planning law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: kharinov.ilya@gmail.com.

ORCID: 0000-0001-6558-4965

Дата поступления в редакцию / Received: 01.12.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 28.12.2022

М. В. Жабреев

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье приведены позиции руководителей советского государства относительно необходимости полного уничтожения государства и права Российской империи и, как следствие, полного отказа от использования ее законодательства. Однако до июля 1918 г. большевики не могли реализовать свои радикальные планы, поскольку вынужденно делили власть с партией социалистов-революционеров (эсеров). Последние считали, что дореволюционное законодательство нужно применять, пока идет формирование нового советского законодательства.

Автор исследует архивные документы, содержащие сведения о применении дореволюционного законодательства новыми судами советского государства. Несмотря на нормативное закрепление возможности его применения, на практике советские суды отказывались от его использования, а свои судебные решения принимали на основе «революционного правосознания» и «велений революционной совести». Окончательное решение о запрете использования законодательства Российской империи и Временного правительства России для регулирования общественных отношений было нормативно закреплено в 1918 г. в новом положении о народном суде в связи с исключением представителей партии эсеров из состава всех Советов.

Ключевые слова: правоприменение, законодательство Российской империи, законодательство Временного правительства России, декреты о суде, «революционное правосознание», «веления революционной совести»

Для цитирования

Жабреев М. В. Правовое регулирование применения в советской России дореволюционного законодательства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 95–100. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95.

УДК 340.158

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95

В первый год советской власти одним из важнейших вопросов, которые предстояло решить руководителям государства, являлся вопрос о возможном применении законодательства Российской империи и Временного правительства России для регулирования общественных отношений.

Идеологической основой отношения новой власти к дореволюционному государству и праву выступило учение К. Маркса об отмирании государства и права [Роцин 2010: 51]. Как отмечают современные исследователи, итогом революционных преобразований

должно было стать уничтожение государства как инструмента подавления одних классов другими, а вместе с ним и права, которые многие считали злом [Крашенинников 2018: 9].

Первые лица советского государства неоднократно высказывались по данному вопросу. Так, В. И. Ленин заявлял, что революционные битвы обязательно разрушат буржуазную законность [Ленин 1948: 284]. Нарком юстиции РСФСР П. И. Стучка указывал, что задачи советского государства заключались в том, чтобы: 1) разогнать старый суд и 2) отменить все старые законы [Стучка 1931: 91].

Несмотря на желание полностью отказаться от использования законодательства Российской империи и Временного правительства России, реальная политическая ситуация в стране не позволила большевикам одновременно реализовать свои радикальные планы. Дело в том, что до июля 1918 г. большевики не являлись единственной политической силой нового государства. Огромное влияние на население в то время имела также партия социалистов-революционеров (эсеров), члены которой были депутатами Советов всех уровней. Для принятия нужных большевикам решений они были вынуждены вступить в коалицию с левыми эсерами. Эта коалиционная власть приобрела черты общероссийской легитимности в 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов [Петров 2015: 32].

Главным вопросом, возникавшим при правоприменении, стал вопрос о повсеместном приоритете применения «революционного правосознания» вместо норм законодательства, что особенно сказывалось на судебных решениях

Левые социалисты-революционеры ратовали за то, чтобы приспособить дореволюционное законодательство к нуждам нового государства, при необходимости изменяя и дополняя его, до тех пор пока новое советское государство не примет достаточного количества собственных нормативных актов. Нормативные акты РСФСР в первый год учитывали такую позицию и предусматривали правовую возможность применения в советском государстве царского и буржуазного законодательства.

Первым актом, регулирующим порядок применения дореволюционного законодательства, явился Декрет СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде», п. 5 которого позволял местным судам руководствоваться законами царского и Временного правительств лишь постольку, поскольку они не отменены «и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». При этом в примечании указывалась, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам ЦИК и СНК, а также программам-минимум РСДРП и партии социалистов-револю-

ционеров [Кожевников 1948: 36; Полянский 1957: 108]. Как мы видим, в Декрете имеется ссылка не только на партийную программу РСДРП, но и на программу эсеров.

Следующий документ – Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15 февраля 1918 г. «О суде». Его ст. 8 гласила, что судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам Судебных уставов 1864 г. постольку, поскольку таковые не отменены декретам ЦИК и СНК «и не противоречат правосознанию трудящихся классов». В этом Декрете ссылка на партийные программы РСДРП и эсеров заменена на абстрактную формулировку «правосознание трудящихся классов», что в дальнейшем приводило к многочисленным сложностям и злоупотреблениям в правоприменительной практике.

Статья 36 этого же Декрета содержала аналогичную норму, согласно которой по гражданским и уголовным делам суды руководствуются действующими гражданскими и уголовными законами, поскольку они не отменены декретами ЦИК и СНК «и не противоречат социалистическому правосознанию». Появление данной нормы основывалось на позиции руководителей советского государства. Так, В. И. Ленин прямо указывал, что к гражданским правоотношениям надо применять не *corpus juris romani*, а «наше революционное правосознание» [Ленин 1960: 398].

В качестве источника «революционного правосознания», «правосознания трудящихся классов», «социалистического правосознания», «велений революционной совести» выступали представления конкретного судьи о революционной целесообразности. Судьям рекомендовали ссылаться в решениях и приговорах прямо на труды В. И. Ленина и К. Маркса как на «несомненные источники права и справедливости» [Скрипилёв, Антонова 1995: 51].

Главным вопросом, возникавшим при правоприменении, стал вопрос о повсеместном приоритете применения «революционного правосознания» вместо норм законодательства, что особенно сказывалось на судебных решениях. Например, в сфере уголовных наказаний новые судьи отказывались применять нормы дореволюционного законодательства и в своих решениях руководствовались соб-

ственным видением дела, исходя из сложившейся постреволюционной ситуации и военного времени. Так, в отчете отдела судопроцессуального Народного комиссариата юстиции РСФСР за апрель-май 1918 г.¹ обращалось внимание на то, что практика местных судов с первых же шагов столкнулась с явным противоречием между буквой Уложения о наказаниях и «революционным правосознанием». В этом нет ничего удивительного, потому что в п. 2 инструкции Народного комиссариата юстиции РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О Революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» закреплялось, что меру наказания Революционный трибунал устанавливает, руководствуясь обстоятельствами дела и «велениями революционной совести».

Принятый позже Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК РСФСР от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР») позволял судьям при вынесении судебных решений опираться не только на законодательство РСФСР, но и на политические решения советского правительства. Так, в ст. 4 указывалось, что в случае наличия пробела в правовом регулировании суд решает дела, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой советского правительства.

Стоит отметить, что в тот период у правоприменителей возникло стойкое убеждение в полной ненужности применения дореволюционного права, ибо все судебные дела можно разрешить на основе «революционного правосознания» правоприменителя. Например, в докладе руководителя отдела юстиции Астраханского губисполкома говорилось, что правосознание местных судей не допускает применения в своей деятельности царского законодательства², а в докладах председателей советов народных судей Ярославской и Саратовской губерний отмечалось, что все попытки соединить законодательство Российской империи с провозглашенными революцией началами были обречены на неудачу³.

Как следствие, местные суды практически не применяли дореволюционное зако-

нодательство, руководствуясь «революционным правосознанием», а вот окружные суды, укомплектованные во многом «старыми кадрами», применяли дореволюционные законы значительно чаще [Новицкая 1983: 52]. П. И. Стучка писал: «Прочие законы о разного рода договорах и сделках, о вознаграждении за убытки и т. д. в переходный период к новому общественному строю еще не отпали сразу, а отчасти соответствуют еще настоящим взаимоотношениям людей, почему и подлежат применению» [Стучка 1918: 30].

При рассмотрении уголовных дел советские суды применяли Уложение о наказаниях Российской империи, тем более что часть уголовных дел была возбуждена еще до свершения социалистической революции⁴. Народный комиссариат юстиции РСФСР в связи с отсутствием нового уголовного законодательства о самосудах над преступниками в своих письмах в местные органы юстиции прямо указывал на необходимость «возбуждать уголовное преследование по признакам 1451 и следующих ст. Уложения о наказаниях»⁵. Положение о следственной комиссии при революционном трибунале, утвержденное Народным комиссариатом юстиции РСФСР, предусматривало, что следственная комиссия при ведении дела руководствуется не отмененными и не противоречащими «революционному правосознанию» статьями законодательства Российской империи о судопроизводстве⁶.

Аналогичным образом решался вопрос о применении дореволюционного законодательства исполнительными органами. Например, согласно инструкции Высшего Совета Народного Хозяйства от 16 июня 1918 г.⁷ местным советам народного хозяйства в своей деятельности при проведении контроля за кооперацией необходимо руководствоваться постановлением Временного правительства России от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах».

В сфере трудовых отношений продолжали действовать Закон от 23 июня 1912 г. «О страховании рабочих от несчастных случаев» и Устав о промышленном труде 1913 г.,

¹ Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 44.

² ГА РФ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

³ Там же. Д. 63. Л. 2.

⁴ ГА РФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 29.

⁶ Там же.

⁷ ГА РФ. Ф. 363. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

которые согласно Декретам СНК РСФСР от 29 октября 1917 г. «О восьмичасовом рабочем дне» и от 9 ноября 1917 г. «О вознаграждении пострадавших от несчастных случаев воинских чинов, командированных на работу в предприятия» продолжали применяться с учетом дополнений, внесенных указанными Декретами.

Нормативным актом, окончательно закрывшим вопрос о возможности применения в советской правовой системе дореволюционного законодательства, явилось Положение о народном суде РСФСР, принятое ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 г. Изменение подхода основывалось на постановлении V Всероссийского Съезда Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов от 9 июля 1918 г. «По докладу тов. Троцкого об убийстве Мирбаха и о вооруженном восстании левых эсеров» [Троцкий 1926: 295–304], в соответствии с которым представители партии левых социалистов-революционеров были исключены из состава всех Советов. Это означало, что необходимость учитывать мнение левых эсеров при принятии указанного Положения отсутствовала, исходя из чего принятое Положение уже не носило компромиссного характера, в отличие от двух предшествовавших нормативных документов.

В ст. 22 Положения закреплялось, что при рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты СНК, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием. В примечании к статье пря-

мо запрещались ссылки на «законы свергнутых правительств» в приговорах и решениях судов.

Таким образом, период применения в советском государстве законодательства царского и буржуазного правительств формально-юридически был ограничен одним годом, и не потому, что это было необходимо для регулирования общественных отношений ввиду отсутствия соответствующего советского законодательства, а потому что, как мы указали выше, для большевиков это являлось временной и вынужденной мерой для сохранения политического компромисса с партией социалистов-революционеров. Как только левые эсеры были удалены из состава Советов, применение всего законодательства Российской империи и Временного правительства России было сразу запрещено. Почти одновременно VI Всероссийский чрезвычайный Съезд Советов рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов принял постановление от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов», в котором призвал всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц советской власти к строжайшему соблюдению законов РСФСР, изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

Как пишут современные исследователи, «в период после октябрьской революции и до начала 20-х гг. произошло уничтожение или значительное разрушение системы правовой деятельности России» [Крашенинников 2018: 38].

Список литературы

- Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1947 гг. М.: Юрид. изд-во, 1948. 376 с.
- Крашенинников П. В. Страсти по праву. Очерки о праве военного коммунизма и советском праве: 1917–1938. М.: Статут, 2018. 330 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений М.: Изд-во полит. лит., 1960. Т. 39. 839 с.
- Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1948. Т. 16. 447 с.
- Новицкая Т. Е. Использование дооктябрьских норм права в первый год Советской власти // Правоведение. 1983. № 3. С. 48–54.
- Петров А. Г. Особенности формирования законодательства на этапе становления советской власти (1917–1919 гг.) // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 31–34.
- Полянский Н. П. Первые страницы советской науки о суде // Правоведение. 1957. № 1. С. 107–111.
- Роцин Б. Е. Роль П. И. Стучки в становлении системы советского права (к 145-летию со дня рождения) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 12. С. 50–52.
- Скрипшлёв Е. А., Антонова Н. А. К характеристике законодательства первого пятилетия Советской власти (1917–1922 гг.) // Теория права: новые идеи. 1995. Вып. 4. С. 49–61.

Стучка П. И. Народный суд в вопросах и ответах: неофициальное руководство с алфавитным предметным указателем и с приложением важнейших для Народного суда декретов Рабоче-крестьянского правительства. М.: Коммунист, 1918. 120 с.

Стучка П. И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М.: Сов. законодательство, 1931. 213 с.

Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 17. 795 с.

Михаил Владимирович Жабреев – заместитель первого проректора Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

Legal Regulation of the Application of Pre-Revolutionary Legislation in Soviet Russia

The paper shows the ideological positions of the leaders of the Soviet state regarding the need for the complete destruction of the state and law of the Russian Empire and, as a result, the complete rejection of the use of its legislation. However, until July 1918, the Bolsheviks were unable to implement their radical plans, as they were forced to share power with the Socialist Revolutionary Party, whose members believed that the pre-revolutionary legislation should be applied while the formation of new Soviet legislation was underway.

The author examines archival documents containing information on the application of pre-revolutionary legislation by the new courts of the Soviet state. Despite the normative consolidation of the possibility of its enforcement, in practice, Soviet courts refused to use it, and made their judicial decisions on the basis of «revolutionary legal consciousness» and «the dictates of revolutionary conscience». The final decision to prohibit the use of the legislation of the Russian Empire and the Russian Provisional Government to regulate public relations was normatively fixed in 1918 in a new regulation on the people's court, in connection with the excluding the representatives of the Left Socialist Revolutionary Party from all Soviets.

Keywords: law enforcement, legislation of the Russian Empire, legislation of the Russian Provisional Government, decrees on the court, «revolutionary legal consciousness», «dictates of revolutionary conscience»

Recommended citation

Zhabreev M. V. Pravovoe regulirovanie primeneniya v sovetskoj Rossii dorevoljucionnogo zakonodatel'stva [Legal Regulation of the Application of Pre-Revolutionary Legislation in Soviet Russia], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 95–100, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_95.

References

Kozhevnikov M. V. *Istoriya sovetskogo suda. 1917–1947 gg.* [History of the Soviet Court. 1917–1947], Moscow, Yurid. izd-vo, 1948, 376 p.

Krashennnikov P. V. *Strasti po pravu. Oчерki o prave voennogo kommunizma i sovetskom prave: 1917–1938* [Passions of the Law. Essays on the Law of Military Communism and the Soviet Law: 1917–1938], Moscow, Statut, 2018, 330 p.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1948, vol. 16, 447 p.

Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1960, vol. 39, 839 p.

Novitskaya T. E. Ispol'zovanie dooktyabr'skikh norm prava v pervyi god Sovetskoi vlasti [The Use of Pre-October Law Norms in the First Year of Soviet Power], *Pravovedenie*, 1983, no. 3, pp. 48–54.

Petrov A. G. Osobennosti formirovaniya zakonodatel'stva na etape stanovleniya sovetskoi vlasti (1917–1919 gg.) [Peculiarities of Formation of Legislation at the Stage of Formation of Soviet Power (1917–1919)], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2015, no. 3, pp. 31–34.

Polyanskii N. P. Pervye stranitsy sovetskoi nauki o sude [The First Pages of the Soviet Science of Court], *Pravovedenie*, 1957, no. 1, pp. 107–111.

Roshchin B. E. Rol' P. I. Stuchki v stanovlenii sistemy sovetskogo prava (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [The Role of P. I. Stuchka in the Formation of the System of Soviet Law (to the 145th Anniversary of His Birth)], *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, 2010, no. 12, pp. 50–52.

Skipilev E. A., Antonova N. A. K kharakteristike zakonodatel'stva pervogo pyatiletiya Sovetskoi vlasti (1917–1922 gg.) [To the Characteristic of the Legislation of the First Five Years of Soviet Power (1917–1922)], *Teoriya prava: novye idei*, 1995, vol. 4, pp. 49–61.

Stuchka P. I. *Narodnyi sud v voprosakh i otvetakh: neofitsial'noe rukovodstvo s alfavitnym predmetnym ukazatelem i s prilozheniem vazhneishikh dlya Narodnogo suda dekretov Rabochekrest'yanskogo pravitel'stva* [The People's Court in Questions and Answers: an Unofficial Guide with an Alphabetical Subject Index and with the Appendix of the Most Important Decrees of the Workers' and Peasants' Government for the People's Court], Moscow, Kommunist, 1918, 120 p.

Stuchka P. I. *Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa «Vvedenie v sovetskoe pravo»* [The Revolutionary Role of Soviet Law: A Reader's Handbook for the Course «Introduction to Soviet Law»], Moscow, Sov. zakonodatel'stvo, 1931, 213 p.

Trotsky L. D. *Sochineniya* [Essays], Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1926, vol. 17, 795 p.

Mikhail Zhabreev – deputy first vice-rector, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-4851-3599

Дата поступления в редакцию / Received: 14.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 12.12.2022

И. С. Бедрина, С. Э. Несмеянова, Е. Г. Калинина

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ И ИННОВАЦИИ

Государство наделило образовательную среду дополнительного профессионального образования достаточной свободой. В частности, образовательные учреждения самостоятельно определяют формы обучения (единовременно и непрерывно или поэтапно), условия прохождения практики, стажировки, сроки освоения дополнительных профессиональных программ. Все это формирует особенности локальной образовательной среды, содержание которых раскрывается в настоящей статье.

Рассмотрены такие компоненты образовательной среды дополнительного профессионального образования, как пространственно-семантический, содержательно-методический, коммуникационно-организационный. При этом авторами даны ответы на ключевые для организации эффективного образовательного процесса вопросы о том, кого, зачем, чему, как и кому обучать. Ответы опираются не только на нормы права и теоретические работы, но и на опыт Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева.

Ключевые слова: образовательная среда, дополнительное профессиональное образование, ИКТ, педагогический дизайн, компетенции

Для цитирования

Бедрина И. С., Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г. Роль правового регулирования в формировании образовательной среды дополнительного профессионального образования: опыт и инновации // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 101–109. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_101.

УДК 371

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_101

Нормативно-правовое обеспечение образовательной деятельности в целом и дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) в частности нуждается в совершенствовании. Связано это с необходимостью оптимизации деятельности образовательных учреждений, функционированием образовательной среды. Основу правового регулирования в данной сфере составляет Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в котором отражены базовые правила организации и проведения обучения по дополнительным профессиональным программам.

Главной целью конкретного образовательного учреждения является преобразо-

вание нормативно-правового регулирования на локальном уровне. При этом очень важно учесть все особенности образовательной среды, которая была и остается одним из главных объектов психологических и педагогических исследований. Психологи проводят оценку уровня тревожности и эмоционального напряжения людей на разных этапах получения образования, исходя из особенностей образовательной среды [Agarova, Kuleshova 2021]. Управленцы делают акцент на обеспечении качественного образования, которое было бы одновременно доступно всем и при этом персонифицировано. Педагоги изучают проектирование образовательной среды, чтобы совместить ее функции со структурой – тем

образовательным учреждением, где среда формируется. На феномене среды строятся программы и атмосфера личностно-профессионального развития и саморазвития обучающихся [Артюхина 2007]. Задача юристов – объединить весь накопленный позитивный опыт с целью совершенствования нормативно-правового регулирования всех аспектов образовательной среды.

Содержание понятия образовательной среды, в зависимости от направлений исследований, также варьируется. Иногда образовательная среда рассматривается в узком смысле как комплекс условий для личностного и профессионального развития педагога [Васютенкова 2019: 769]. При широком подходе понятие «образовательная среда» охватывает всех участников образовательного процесса: обучающихся, педагогов, менеджеров образовательного учреждения. В этом случае выделяют такие элементы среды, как информационные технологии, материально-техническое оснащение, формы организации учебной и внеучебной деятельности, организационная культура [Брыкин 2016].

По мнению С. В. Тарасова, образовательная среда – особое социокультурное пространство, состоящее из трех компонентов: пространственно-семантического, содержательно-методического, коммуникационно-организационного [Тарасов 2014: 11–14].

Если применить предложенные компоненты к ДПО, т. е. к локальному уровню образовательной среды [Тарасов 2011: 134], то в части соблюдения пространственно-семантического компонента реализация ДПО должна осуществляться в специально организованном для этой цели пространстве. Структурному подразделению, реализующему ДПО, необходимо иметь идентификацию (гимн, флаг, герб, традиции и пр.). Естественно, эти вопросы могут быть урегулированы лишь на уровне образовательной организации.

Коммуникационно-организационный компонент образовательной среды ДПО строится на взаимодействии всех субъектов образовательного процесса (учет ожиданий слушателей, обратная связь, взаимные предложения по улучшению образовательного процесса). Этот же компонент отвечает за удовлетворенность участников результатами.

Сердцевиной ДПО выступает содержательно-методический компонент. Содержание образовательных программ должно быть ак-

туальным, практико-ориентированным, должно соответствовать ожиданиям слушателей. Согласно ч. 6 ст. 76 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» содержание программ ДПО определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией. Однако это не означает, что образовательная организация свободна в создании компонента, поскольку содержание программ обязательно должно учитывать положения других законов, профессиональных стандартов и квалификационных требований, которых принято немало.

С учетом такого подхода в каждом учебном заведении при реализации ДПО должны быть приняты уставные документы, локальные нормативные акты, регулирующие вопросы реализации программ дополнительного профессионального образования. В частности, определяется порядок разработки и реализации программ, разрабатываются правила приема на программы, положение о порядке отчисления и восстановления. При необходимости могут быть составлены положения о выпускной квалификационной работе, об итоговой аттестации, о режиме занятий, о внутренней оценке качества программ дополнительного профессионального образования и др.

Если речь идет о структурном подразделении высшего учебного заведения, которое реализует дополнительные профессиональные образовательные программы, многие локальные акты принимаются на уровне учебного заведения. В случае, когда образовательная организация создана для реализации только ДПО, дополнительно нужно получить лицензию в соответствии с п. 40 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», разработать пакет документов о порядке оказания платных образовательных услуг.

С учетом сказанного к формированию образовательной среды, в частности к организации дополнительного образования, причастны совершенно разные субъекты:

законодатели, которые определяют правовые, организационные и экономические основы для формирования образовательной среды, общие правила ее функционирования, закрепляют права различных субъектов, их обязанности, гарантии в сфере образования;

исполнительные органы, отвечающие за формирование социально-экономических условий развития образовательной среды, создание, реорганизацию, ликвидацию образовательных организаций;

образовательные учреждения (образовательные организации, организации, осуществляющие обучение, и организации, осуществляющие образовательную деятельность) в той или иной мере реализующие самые разные образовательные программы;

административные структуры образовательных учреждений;

педагоги;

обучающиеся.

При таком широком круге субъектов, участвующих в формировании и развитии образовательной среды, значимая роль в проектировании, моделировании и функционировании образовательной среды отводится образовательному учреждению и педагогу как лицу, выполняющему обязанности по обучению, воспитанию обучающихся, организации образовательной деятельности.

Важным моментом является выбор программ дополнительного профессионального образования. Участвуя в формировании образовательной среды, образовательное учреждение и педагог отвечают на базовые вопросы: кого обучать, зачем обучать, чему обучать, как обучать и кому обучать? Кроме того, в дополнительном образовании может быть поставлен вопрос «Для кого обучать?» (в случае если у программы есть конкретный заказчик, обладающий спецификой). У органа государственной власти или крупного холдинга ожидания от обучения обычно отличаются.

Именно психодидактический компонент (содержание, методы, организация процесса обучения) [Панюкова, Панина, Алябьева 2018] задает вектор проектирования образовательной среды и определяет стратегию процесса обучения.

1. Кого обучать? Всегда нужно определять потенциальных слушателей, ибо от их личности будет зависеть и содержание программы.

Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что к освоению дополнительных профессиональных программ допускаются лица, имеющие среднее профессиональное и (или) высшее

образование, а также лица, получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование. При этом очень часто встречаются иные требования, в частности для получения диплома профессиональной переподготовки. Например, в профстандарте «Консультант по налогам и сборам» вводятся требования к опыту практической работы: не менее двух лет в экономической или юридической сфере при наличии высшего образования¹. В профстандарте «Экономист предприятия» предусмотрено требование к опыту работы не менее трех лет в экономической сфере. В отсутствие таких ограничений слушателями могут стать лица, соответствующие требованиям закона, но не имеющие опыта работы.

Участвуя в формировании образовательной среды, образовательное учреждение и педагог отвечают на базовые вопросы: кого обучать, зачем обучать, чему обучать, как обучать и кому обучать?

Так, более двадцати лет одной из популярных программ профессиональной переподготовки среди студентов в Институте дополнительного образования Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева является программа «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Слушатели отдадут этой программе предпочтение в связи с ее полезностью именно в сфере юриспруденции. Будущие и работающие юристы выбирают такие образовательные программы, которые в полной мере отвечают их прагматическим устремлениям и реализация которых позволит обеспечить их профессиональный и карьерный рост. Прагматический характер мотивации, осознанный выбор и требовательность к качеству ДПО обуславливают личностно-ориентированный подход к процессу обучения посредством внедрения инновационных технологий, реализации инновационных проектов, разработки авторских программ, организации полноценной практики, проведения занятий в форме деловых игр и тренингов.

¹ Приказ Минтруда России от 12 октября 2021 г. № 722н «Об утверждении профессионального стандарта „Консультант по налогам и сборам“».

В последние годы все чаще говорят о необходимости создания условий для получения студентами, обучающимися по основным образовательным программам в вузе, дополнительных компетенций. К примеру, в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»¹ ставится цель освоить цифровые технологии для выполнения профессиональной деятельности нового вида по программам профессиональной переподготовки параллельно с освоением образовательной программы высшего образования.

Отметим, что при разработке программ ДПО сложно учитывать индивидуальную траекторию обучения. Не всегда получается принять в расчет предыдущее образование, профессиональный опыт слушателя в той или иной сфере. Для учета всего указанного приходится разрабатывать несколько программ по одной тематике, но с разными требованиями к слушателям. При работе с большими группами это позволяет объединять их по некоторым темам, что снижает стоимость программ. При обучении малых групп процесс обратный, слушателей приходится разделять с учетом их особенностей, и это приводит к повышению стоимости программ, что не всегда выгодно образовательному учреждению. Но в любом случае данные особенности приходится принимать во внимание.

Примерами возможности получить новую компетенцию являются программы профессиональной переподготовки «Бухгалтерский учет, налоговый учет и судебно-бухгалтерская экспертиза», «Государственное и муниципальное управление», «Психолог-консультант» и др.

Образовательная среда предлагает самые разные программы, для введения которых изначально необходимо выявить индивидуальные потребности потенциальных слушателей и на основе этого корректировать давно реализуемые программы либо принимать новые.

2. Зачем обучать? Согласно теории возможностей американского психолога Дж. Гибсона чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем более успешно проходит ее развитие [Ханнанов 2011]. Например, слушатель программы «Переводчик

в сфере профессиональной коммуникации» хочет читать интересующую его литературу по специальности, расширять свой юридический кругозор и повышать конкурентоспособность на рынке юридических услуг, в том числе в других странах, общаться с коллегами на международных конференциях разного уровня и формата, продолжить обучение в другой стране, писать статьи в иностранные журналы, изучать любые иноязычные курсы, ресурсы и платформы, участвовать в интересных международных программах и проектах и т. д. У слушателей иных программ профессиональной переподготовки аналогичные запросы. Все чаще слушатели, претендуя на расширение своей квалификации, хотят быть готовыми выполнять профессиональную деятельность новых видов. Приобретая новые знания, слушатели планируют выполнять работу на более высоком уровне.

Дополнительное образование позволяет любому студенту максимально раскрыть свои индивидуальные способности и возможности. При этом ДПО в вузе характеризуется экономичностью (для студентов большинство программ предусматривает льготы, рассрочку и отсрочку платежей), гибкостью (расписание по дополнительным программам формируется с учетом расписания по основной программе, занятия чаще всего проводятся в дистанционном режиме), практичностью (есть возможность дополнительно получить именно практические знания), эффективностью (новые знания можно получить еще во время обучения по основной программе до начала основной трудовой деятельности).

3. Чему обучать? Содержание программы должно быть заточенным под требования и ожидания слушателей и их работодателей, актуальным для профессионального и карьерного роста, прагматически ориентированным и интеллектуально емким. Кроме того, программа должна отвечать системе целеполагания SMART [Doran 1981], т. е. быть конкретной, подходящей слушателю, оптимальной по времени, а ее результат – измеримым и достижимым. При этом первичным критерием для оценки программы выступает ее соответствие законодательству, что разъяснило Минобрнауки России².

¹ Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3697-р «О реализации программы стратегического академического лидерства „Приоритет-2030“».

² Письмо Минобрнауки России от 9 октября 2013 г. № 06-735 «О дополнительном профессиональном образовании» (вместе с «Разъяснениями о законодательном

Безусловная специфика ДПО проявляется в самом контингенте слушателей. Это взрослые люди, которые уже имеют навыки, знания и умения в конкретной сфере, т. е. получили среднее профессиональное или высшее образование. У них есть как минимум начальный профессиональный уровень, а также жизненный опыт в силу возраста. Поэтому при создании среды ДПО ставятся конкретные цели и задачи, связанные с содержанием образования. С учетом общих принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования (гуманистический характер, приоритет общечеловеческих ценностей, свободного развития человека и др.) в рамках дополнительного образования действительно создаются условия для профессионального развития личности, причем на протяжении всей жизни.

Концепция образовательной среды ДПО отражает адаптированный социальный опыт, ситуацию на рынке труда, интересы и потребности различных предприятий, населения, государства в целом. В связи с этим содержание образовательной среды напрямую связано с получением новых знаний (познавательная деятельность), с формированием практических навыков (практико-ориентированное обучение), с развитием творческих начал (принятие нестандартных решений в проблемных ситуациях), с удовлетворением личностной карьерной ориентации (общая удовлетворенность жизнью зависит от профессиональной реализации человека).

4. Как обучать? Традиционные технологии в процессе обучения никуда не исчезли, они используются в сочетании с новыми образовательными технологиями и интерактивными методами обучения. К интерактивным относят такие методы, которые строятся на психологических механизмах усиления влияния группы на процесс освоения каждым участником навыков взаимодействия и взаимообучения. Специалиста нельзя подготовить к успешной профессиональной деятельности лишь на основе традиционных методик. Необходимо моделирование профессиональных ситуаций. Именно в логике деятельности формируются нужный набор поведенческих реакций, креативность, гибкость мышления и способность к эффективному межлич-

и нормативном правовом обеспечении дополнительного профессионального образования»).

ностному взаимодействию для решения профессиональной задачи (пример – модельные судебные процессы как максимально приближенные к реальной профессиональной деятельности).

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) постоянно эволюционируют, охватывая и сферу образования [Миллер 2015]. Вместе с тем в силу особенностей образовательной среды ИКТ следует рассматривать как педагогический инструмент для повышения качества образования [Гордиенко, Смирнова 2016]. Кроме того, ИКТ предоставляют возможность для формирования у слушателей не только профессиональных компетенций, но и так называемых *soft skills*, «сквозных компетенций», которые вне зависимости от профессии помогают человеку реализовать себя с большей эффективностью, быстро адаптироваться к динамическим изменениям, критически осмысливать новую информацию и осваивать деятельность новых видов. К навыкам и компетенциям XXI в. можно отнести способность вычленять главное и умение работать с информацией, анализировать и решать профессиональные задачи, работать в команде и воспринимать новые идеи, быть готовым к ежедневным изменениям и сотрудничеству, анализировать причины и следствия, использовать креативность и механизмы критического мышления в самых разных ситуациях.

Традиционные и современные образовательные технологии представляют собой важнейший компонент образовательной среды и напрямую связаны с субъектом педагогической деятельности. Именно педагог выбирает, осваивает, применяет, анализирует, сочетает разные образовательные технологии, формируя и развивая образовательную среду.

5. Кому обучать? Роль преподавателя в создании образовательной среды в современных условиях возросла и изменилась. Стандартный подход, при котором педагог, носитель знаний, передает эти знания обучаемому, теряет свои позиции, потому что поток информации начинает менять средовой контекст. Обязательной составляющей профессионального «портфеля» преподавателя становятся навыки педагогического дизайна. Педагогический дизайн – это комплексный подход к построению образовательной среды и учебного процесса, позволяющий разработать, гибко

изменять и адаптировать к запросам слушателей единую систему из образовательных результатов, учебного материала, способов взаимодействия с обучаемыми, педагогических технологий и высокотехнологичных инструментов на основе образовательных данных. В основе педагогического дизайна лежит ориентированное на эффективное достижение образовательных результатов единство содержания курса, последовательности и стиля его изложения, способов его представления и организации деятельности, необходимой для его усвоения.

Грамотный педагогический дизайн меняет поведение субъектов процесса обучения. Трансформация роли педагога очевидна – от роли носителя и передатчика знаний к роли конструктора образовательной среды. А для этого нужны новые умения и навыки: к знаниям по классической педагогике и теории дисциплины добавляются прикладные навыки – HTML / CSS, графический дизайн, видео- и аудиомонтаж, владение LMS (*Learning Management System*) и программами создания интерактивных модулей (*Articulate Storyline, Adobe Captivate*). Заниматься педагогическим дизайном в одиночку – непосильный труд. Необходим профессиональный нетворкинг, т. е. создание педагогических дизайнерских команд из разных специалистов: тех, кто разбирается в педагогике и теории дисциплины, и тех, кто любит и умеет работать с современными технологиями.

Выбирая стратегию реализации программы и ориентируясь на раскрытые выше вопросы, нужно понимать границы самостоятельности образовательных учреждений в формировании образовательной среды ДПО. Существуют границы, не позволяющие подчас соответствовать потребностям рынка, ожиданиям целевой аудитории. Следует учитывать профессиональные стандарты, квалификационные требования, указанные в квалификационных справочниках по соответствующим должностям, профессиям и специальностям, или квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей. Требования устанавливаются в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами о государственной службе. В частности, согласно п. 25 Указа Президента РФ от

21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» утверждается государственный заказ по профессиональному развитию федеральных государственных служащих, в котором уже указываются тематическое содержание программы и срок обучения.

В субъектах существует дополнительное регулирование вопроса. Так, в силу указа губернатора Свердловской области от 30 декабря 2019 г. № 717-УГ «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Свердловской области» ДПО служащих проводится на основании государственного задания. В этом документе также определены требования к объему, содержанию, качеству и порядку обучения.

Более того, сложности на пути к созданию образовательной среды ДПО могут возникать в связи с отсутствием необходимого регулирования. Так, длительное время не было профессионального стандарта для специалистов по психологии служебной деятельности. При этом у юристов имеется необходимость получения дополнительных знаний в сфере психологии (для кадровой работы, работы с представителями различных уязвимых групп, проведения допросов, составления речей для выступления в суде и др.). Ранее утвержденные стандарты предъявляли очень жесткие требования к образованию (наличие медицинского или педагогического диплома бакалавра).

В октябре 2022 г. был утвержден профстандарт «Психолог-консультант»¹. В нем предусмотрены очень мягкие требования к образованию (высшее образование (бакалавриат) по профилю деятельности или высшее образование (непрофильное) и дополнительное профессиональное образование по программе профессиональной переподготовки по профилю подтверждаемой квалификации). Интересно отметить, что профстандарт не вводится в действие сразу, а будет применяться только с 1 марта 2023 г. При этом в Государственной Думе РФ на рассмотрении находится законопроект о психологической помощи. Согласно законопроекту у психолога, оказывающего психологическую

¹ Приказ Минтруда России от 14 сентября 2022 г. № 537н «Об утверждении профессионального стандарта „Психолог-консультант“».

помощь, должно быть высшее психологическое (не ниже специалитета или магистратуры) образование, полученное в учебном заведении, имеющем аккредитацию.

Иногда требования-ограничения предусмотрены не профстандартом, а иными документами. К примеру, при подготовке арбитражных управляющих в отсутствие профстандарта применяются приказ Минэкономразвития РФ от 10 декабря 2009 г. № 517 «Об утверждении Единой программы подготовки арбитражных управляющих» и Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Названный закон вводит немало требований, адресованных арбитражному управляющему, в частности к образованию, стажировке, опыту работы, членству в СРО, отсутствию судимости и др. Тем самым значительно сокращается круг лиц, которые могут претендовать, в том числе, на прохождение обучения по соответствующей программе профессиональной переподготовки.

В профстандарте «Специалист по управлению рисками» для замещения соответствующей должности требуется лишь среднее профессиональное образование, однако заявляется дополнительное условие – национальная сертификация в области риск-менеджмента. Данная сертификация является добровольной, но при этом заявленной в профстандарте.

Подобные требования должны приниматься во внимание структурами ДПО. В то же время такие границы направлены на поддержание качества дополнительного образования. Множественность и неоднородность требований говорят о том, что назрела необходимость уточнить условия их предъявления в федеральном законодательстве в сфере образования. В перспективе, думается, документы, направленные на развитие этой сферы, будут дорабатываться, чтобы образовательная среда ДПО смогла сохранить свою уникальную природу.

Список литературы

Agarova T. V., Kuleshova Yu. V. Assessment of the Level of Anxiety as a Factor of Adaptation of Students in the Educational Environment // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 1-1. С. 72–77. DOI: 10.34670/AR.2021.65.90.009.

Doran G. T. There's a S. M. A. R. T. Way to Write Management's Goals and Objectives // Management Review. 1981. № 70. P. 35–36.

Артюхина А. И. Образовательная среда высшего учебного заведения как педагогический феномен (на материале проектирования образовательной среды медицинского университета): дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2007. 389 с.

Брыкин Ю. В. Анализ понятия «образовательная среда» в современных научных исследованиях // Вестник РМАТ. 2016. № 1. С. 86–90.

Васютенкова И. В. Профессионально-образовательная среда как фактор развития компетентности педагога по обеспечению психологически безопасной и комфортной образовательной среды // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 767–774.

Гордиенко Т. П., Смирнова О. Ю. ИКТ в образовании: эволюция к новому качеству образования // Дистанционные образовательные технологии: материалы I Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (г. Ялта, 19–23 сентября 2016 г.) / отв. ред. В. Н. Таран. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 55–58.

Миллер А. Л. Формирование ИКТ-компетентности учителей средствами электронных образовательных ресурсов в условиях дополнительного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2015. 38 с.

Панюкова Ю. Г., Панина Е. Н., Алябьева В. А. Особенности психологической репрезентации студентами образовательной среды вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12. С. 120–126. DOI: 10.24158/spp.2018.12.20.

Тарасов С. В. Образовательная среда как социокультурная и педагогическая категория // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 3. № 1. С. 5–15.

Тарасов С. В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 3. № 3. С. 133–138.

Ханнанов Ш. К. Средовой подход в социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 72–76.

Ирина Сергеевна Бедрина – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заместитель директора Института дополнительного образования Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: bedrinairina@rambler.ru. ORCID: 0000-0002-9613-7196

Светлана Эдуардовна Несмеянова – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, директор Института дополнительного образования Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: nesmeyanova@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-7640-9839

Екатерина Геннадьевна Калинина – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заместитель директора Института дополнительного образования Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: catherinekalinina@gmail.com. ORCID: 0000-0002-6483-9556

The Role of Legal Regulation in Creating Educational Environment for Additional Professional Education: Experience and Innovation

Nowadays, the educational environment of additional professional education is endowed with sufficient freedom by the state. In particular, educational institutions independently determine the forms of training (at a time and continuously or by stages), the conditions for internships, the timing of mastering additional professional programs. All this forms the features of the local educational environment, the content of which is disclosed in the paper.

The spatial-semantic, content-methodical, and communication-organizational components of the educational environment are considered with respect to additional education. At the same time, the authors give answers to key questions for organizing an effective educational process: whom to teach, why to teach, what to teach, how to teach and who to teach. The answers are based not only on legal norms or theoretical works, but also on the experience of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

Keywords: *educational environment, additional professional education, ICT, pedagogical design, competencies*

Recommended citation

Bedrina I. S., Nesmeyanova S. E., Kalinina E. G. Rol' pravovogo regulirovaniya v formirovaniі obrazovatel'noi sredi dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: opyt i innovatsii [The Role of Legal Regulation in Creating Educational Environment for Additional Professional Education: Experience and Innovation], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 101–109, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_101.

References

Agapova T. V., Kuleshova Yu. V. Assessment of the Level of Anxiety as a Factor of Adaptation of Students in the Educational Environment, *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2021, vol. 10. no. 1-1, pp. 72–77, DOI: 10.34670/AR.2021.65.90.009.

Artyukhina A. I. *Obrazovatel'naya sreda vysshego uchebnogo zavedeniya kak pedagogicheskii fenomen (na materiale proektirovaniya obrazovatel'noi sredi meditsinskogo universiteta)* [The

Educational Environment of a Higher Educational Institution as a Pedagogical Phenomenon (Based on the Design of the Educational Environment of a Medical University): doct. ped. sc. thesis, Volgograd, 2007, 389 p.

Brykin Yu. V. Analiz ponyatiya «obrazovatel'naya sreda» v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh [Terminological Analysis of Educational Environment in Modern Science], *Vestnik RMAI*, 2016, no. 1, pp. 86–90.

Doran G. T. There's a S. M. A. R. T. Way to Write Management's Goals and Objectives, *Management Review*, 1981, no. 70, pp. 35–36.

Gordienko T. P., Smirnova O. Yu. *IKT v obrazovanii: evolyutsiya k novomu kachestvu obrazovaniya* [ICT in Education: the Evolution of a New Quality of Education], Taran V. N. (ed.) *Distantionnye obrazovatel'nye tekhnologii* [Distance Learning Technologies]: conference papers, Simferopol', IT «ARIAL», 2016, pp. 55–58.

Khannanov Sh. K. Sredovoi podkhod v sotsiologii [Environmental Approach in Sociology], *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 2011, no. 1, pp. 72–76.

Miller A. L. *Formirovanie IKT-kompetentnosti uchitelei sredstvami elektronnykh obrazovatel'nykh resursov v usloviyakh dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [Formation of ICT Competence of Teachers by Means of Electronic Educational Resources in the Conditions of Additional Professional Education]: autoabstr. of cand. ped. sc. thesis, Saint Petersburg, 2015, 38 p.

Panyukova Yu. G., Panina E. N., Alyab'eva V. A. Osobennosti psikhologicheskoi reprezentatsii studentami obrazovatel'noi sredy vuza [The Aspects of the Psychological Representation of University Educational Environment by Students], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2018, no. 12, pp. 120–126, DOI: 10.24158/spp.2018.12.20.

Tarasov S. V. *Obrazovatel'naya sreda kak sotsiokul'turnaya i pedagogicheskaya kategoriya* [Educational Environment as a Socio-Cultural and Educational Category], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, vol. 3, no. 1, pp. 5–15.

Tarasov S. V. *Obrazovatel'naya sreda: ponyatie, struktura, tipologiya* [The Educational Ambience: Notion, Structure, Typology], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2011, vol. 3, no. 3, pp. 133–138.

Vasyutenkova I. V. *Professional'no-obrazovatel'naya sreda kak faktor razvitiya kompetentnosti pedagoga po obespecheniyu psikhologicheski bezopasnoi i komfortnoi obrazovatel'noi sredy* [The Professional Educational Environment as a Factor in Developing Teacher's Competences to Ensure a Psychologically Safe and Comfortable Educational Environment], *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii*, 2019, no. 2, pp. 767–774, DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2019-2-95.

Irina Bedrina – candidate of philological sciences, associate professor of the Department of Russian, foreign languages and speech culture, deputy director of the Institute of additional education, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: bedrinairina@rambler.ru.

ORCID: 0000-0002-9613-7196

Svetlana Nesmeyanova – doctor of juridical sciences, professor, professor of the Department of constitutional law, director of the Institute of additional education, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: nesmeyanova@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-7640-9839

Ekaterina Kalinina – candidate of juridical sciences, senior teacher of the Department of constitutional law, deputy director of the Institute of additional education, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: catherinekalinina@gmail.com.

ORCID: 0000-0002-6483-9556

Дата поступления в редакцию / Received: 25.07.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 12.12.2022

В. В. Долганичев
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ИНТЕРЕСОВ»

В мировой практике разработано несколько форм защиты коллективных интересов, однако до настоящего времени об анализе данных форм и о подготовке соответствующих специалистов в этом контексте речи не шло. В связи с этим в Уральском государственном юридическом университете им. В. Ф. Яковлева преподается дисциплина «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов». Особую значимость при ее преподавании, как и в современном образовательном процессе в целом, приобретают интерактивные методы обучения.

В настоящем исследовании рассматривается несколько таких методов преподавания. Например, метод постановки проблемы позволяет определять наиболее важные теоретические категории и конструкции в сфере защиты коллективных интересов. При применении прецедентного метода теоретические знания служат для тренировки умений и навыков анализировать законодательство и судебную практику, например в части применения групповых исков, и давать соответствующее заключение по делу. Проектный метод предполагает получение знаний и навыков в рамках практической деятельности: магистранты анализируют фактические обстоятельства, законодательство, судебную практику по делам о банкротстве, косвенным искам и пр. для формирования собственной правовой позиции по делу. Автор приходит к выводу о том, что наиболее эффективным и перспективным подходом к преподаванию курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» является использование комбинации интерактивных методов преподавания.

Ключевые слова: коллективные формы судебной защиты, групповой иск, методы преподавания в юридическом образовании, профессиональные компетенции, проблемно-ориентированное обучение

Для цитирования

Долганичев В. В. Особенности применения интерактивных методов в преподавании дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 110–123. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_110.

УДК 378, 347.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_110

Введение

Подготовка юриста всегда обуславливается спецификой юридической деятельности. Юридическая деятельность очень разнообразна и охватывает практически все сферы общественной жизни: от покупки продуктов в магазине до строительства зданий и со-

оружений и разрешения различных споров. В образовательном процессе важно учитывать современные тенденции в преподавании юридических дисциплин. Достичь целей обучения можно с использованием современных интерактивных методов преподавания, которым и посвящено данное исследование.

Юридический процесс можно охарактеризовать как деятельность по рассмотрению и разрешению юридического дела, осуществляемую уполномоченными органами в специфической процессуальной форме, выражающейся в применении норм материального и процессуального права [Теория юридического процесса 1985: 52–53]. Интерактивные методы обучения помогают студенту лучше овладеть профессиональными компетенциями в сфере юриспруденции и освоить способы разрешения споров в рамках юридического процесса. В контексте настоящей статьи нас интересуют гражданский и арбитражный процесс, которые представляют собой совокупность процессуальных действий и процессуальных отношений, складывающихся между судом и другими субъектами при рассмотрении и разрешении гражданского или арбитражного дела судом общей юрисдикции или арбитражным судом [Гражданский процесс 2021: 20]. Поскольку защита прав граждан и организаций возможна только в рамках гражданского и арбитражного процесса, то это определяет необходимость изучения соответствующих дисциплин гражданского процессуального цикла (основные из них: гражданский и арбитражный процесс, административное судопроизводство, исполнительное производство).

В литературе выделяется несколько профессиональных моделей юристов: криминально-правоохранительная модель, модель административиста, модель юриста-цивилиста [Веселкова 2017: 19]. Очевидно, что каждая модель формируется на основании присутствующих только ей компетенций.

В ходе реализации Уральским государственным юридическим университетом им. В. Ф. Яковлева магистерской образовательной программы «Современное гражданское, арбитражное и административное судопроизводство» строится модель юриста-цивилиста. Данная программа предусматривает изучение различных дисциплин, связанных с отдельными аспектами процессуального права и особенностями рассмотрения дел отдельных категорий. Обновление законодательства обуславливает необходимость подготовки специалистов в области защиты прав и законных интересов больших групп лиц.

Для решения этой задачи в соответствующий учебный план обозначенной программы был включен новый курс «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов». На его примере мы рассмотрим особенности применения интерактивных методов преподавания. Целью курса является формирование у магистрантов комплексного представления о предусмотренных в цивилистическом процессе формах защиты коллективных интересов, в том числе уже ставших традиционными для российского процессуального права (соучастие, защита неопределенного круга лиц, несостоятельность (банкротство) и новых (групповые и косвенные иски). В связи с этим важно изучить зарубежный опыт регулирования групповых и косвенных исков и особенности рассмотрения соответствующих дел в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства с учетом использования интерактивных методов преподавания юридических дисциплин.

Интерактивные методы обучения

В настоящий момент в преподавании юридических дисциплин преобладает компетентностный подход, предполагающий, что обучающиеся освоят ряд компетенций. Рабочая программа дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» предусматривает освоение следующих профессиональных компетенций (ПК):

ПК-4 – способность осуществлять руководство и принимать участие в представлении интересов физических и юридических лиц в гражданском и административном судопроизводстве;

ПК-11 – осуществлять руководство и принимать участие в консультациях по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме, давать справки.

Каждая из приводимых компетенций раскрывается через отдельные индикаторы.

Для того чтобы магистранты лучше овладели профессиональными компетенциями (ПК-4, ПК-11), при преподавании данного курса нами используются следующие интерактивные методы: устно-словесные (метод Сократа), проблемно-поисковые (метод постановки проблемы, прецедентный метод), практические (проектный метод). В основе

системы методов преподавания лежит классификация, разработанная М. Н. Крыловой [Крылова 2016: 42], статья которой посвящена применению интерактивных методов обучения при преподавании гуманитарных дисциплин. Это показывает, что указанные методы были нами выбраны не случайно, поскольку юриспруденция по сути является гуманитарной дисциплиной, а кроме того, обозначенные выше компетенции не могут быть освоены посредством использования иных методов.

Первоначально рассмотрим устно-словесные методы. Все интерактивные методы преподавания, описываемые в статье, носят словесный характер, вместе с тем большинство из них подразумевают не только устное обсуждение вопроса студентами между собой и с преподавателем, но и подготовку к обсуждению. Но в этом смысле отличается от других методов метод Сократа, который предполагает диалог на основе вопросов и ответов, при этом у магистрантов нет времени на углубленную подготовку (изучение законодательства, судебной практики), что иным образом можно охарактеризовать как мозговой штурм.

Проблемно-поисковые методы предназначены для разрешения какого-либо проблемного вопроса или ситуации. Соответствующие проблемы могут предлагать либо преподаватель (метод постановки проблемы), либо непосредственно магистранты (прецедентный метод). Кроме того, указанные методы могут применяться в рамках совместной работы.

Практические методы обучения составляют основу компетентностного подхода и направлены на получение умений и навыков, которые необходимы в реальной ситуации при организации стратегии защиты прав и законных интересов больших групп лиц.

В литературе, посвященной методикам преподавания юридических дисциплин и гражданского процесса в частности, упоминаются метод постановки проблемы, метод прецедентного преподавания, метод совместной работы, метод Сократа, проектный метод и др. [Интерактивные методики изучения гражданского процесса 2016; Гражданский процесс 2021; Селькова 2021]. Перечисленные методы применяются нами в рамках преподавания дисциплины «Рассмотрение су-

дами дел о защите коллективных интересов». Далее мы подробнее рассмотрим их, а также то, какие задания используются в рамках выбранного метода и как интерактивная сущность метода преобразует совместную деятельность преподавателя и магистранта, самих магистрантов и обеспечивает эффективность образовательного процесса.

Метод Сократа

Один из наиболее популярных в зарубежном юридическом образовании методов, предполагающий, что между преподавателем и студентами устанавливается классический диалог. Преподаватель играет здесь важнейшую роль, поскольку, во-первых, задает соответствующие вопросы, ответы на которые должны привести студентов к следующим вопросам и ответу, во-вторых, направляет студентов и дает им подсказки, если их рассуждения неверны, в-третьих, знает конечный ответ и ведет студента к его формулированию.

В зарубежной литературе, посвященной методу Сократа, отмечаются его достоинства. Так, указывается, что данный метод направлен на развитие важнейших юридических аналитических навыков, приучение студента к состязательной форме судебного разбирательства и обеспечение форума, на котором студент выступает публично. Например, в теме о формах защиты коллективных интересов можно использовать следующую цепочку вопросов:

Что такое субъективное право и законный интерес?

Какие существуют средства защиты прав и законных интересов?

Как соотносятся законный интерес и процессуальная заинтересованность?

Как соотносятся процессуальная заинтересованность, общественный и публичный интерес?

Как соотносятся коллективный интерес, общественный и публичный интерес?

У метода Сократа есть и другие очень важные преимущества: он дает преподавателям возможность активно обучать большое количество студентов, способствует развитию когнитивных навыков – позволяет научить студентов «думать как юрист», наконец, помогает им отточить свои речевые навыки [Dickinson 2009; Lowell 2014].

В предложенной нами классификации метод Сократа является устно-словесным, поскольку предполагает только вербальное взаимодействие без длительной подготовки. В рамках преподавания в магистратуре данный метод может быть некоторым образом изменен. В частности, в постановке вопросов могут участвовать не только преподаватель, но и другие студенты, что позволяет уже самим студентам отвечать на вопросы друг друга. Также использоваться могут не только сугубо теоретические вопросы, но и практические. Преподаватель сочетает сократический метод с методом постановки проблемы или прецедентным методом. Например, вопросы, которые были поставлены при анализе судебных актов, преподаватель может задать студентам или студенты друг другу.

Проектный метод

Данный метод предполагает получение обучающимися знаний, умений и навыков в ходе самостоятельной познавательной и практической деятельности. Суть проектного метода сводится к тому, что студент выполняет проект, решая какую-либо практическую задачу. По итогам проектной деятельности должен появиться результат. В рамках преподавания гражданского и арбитражного процесса это действительно важно, поскольку глобальная цель данных дисциплин – научить студента решать практические задачи, связанные с защитой прав и законных интересов граждан и организаций в судах.

Соответственно для достижения цели проектного метода обычно используют юридические казусы, которые, по сути, являются реальными юридическими делами, адаптированными для целей учебного процесса. Студент погружается в данное дело полностью, выполняя функции судебного представителя или даже судьи: изучает фактические обстоятельства, определяет способы защиты, формирует предмет доказывания и круг потенциальных доказательств, составляет процессуальные документы [Сухорукова 2020: 94–95]. Данный метод направлен не только на изучение процессуального законодательства, но и на применение знаний материального права во взаимодействии с процессуальным.

Проектный метод преподавания в дальнейшем может трансформироваться в организацию студенческих модельных процессов [Зайченко 2020] или привлечение студентов

к участию в работе юридических клиник, где они уже непосредственно оказывают юридические услуги реальному клиенту под руководством преподавателя [Исаенкова 2020].

Следует отметить, что преподавание курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» в меньшей степени предполагает применение проектного метода, поскольку сама дисциплина является уже завершающей в обучении студентов-магистрантов, т. е. погружение уже по большому счету практикующего юриста в учебное дело представляется нецелесообразным, особенно с учетом того, как разнообразны формы защиты коллективных интересов. Однако для решения отдельных локальных задач использовать проектный метод вполне возможно.

Возбуждение группового производства – достаточно непростая процедура. Практически всегда она предполагает установление огромного количества фактических обстоятельств, т. е. целого юридического состава. Для возбуждения дела необходимо соблюсти как минимум пять условий. В связи с этим студент должен обладать умениями и навыками подготовки искового заявления, чтобы впоследствии, уже после принятия заявления к производству, иск был сертифицирован как групповой. Поэтому в данном случае проектом можно будет считать модель процессуальной деятельности истца-представителя от момента подачи искового заявления до предварительного судебного заседания.

Преподаватель, применяющий проектный метод, в некотором смысле является пассивным участником образовательного процесса. Вместе с тем студенты во время выполнения проекта не должны чувствовать «одиночество»: задача преподавателя состоит в том, чтобы обозначить стадии работы, указать недостатки в выполнении задания на промежуточных этапах. Правильность выполнения задания оценивается с точки зрения действующего процессуального законодательства, судебной практики и рекомендаций ученых. Проектный метод может применяться при работе в группе. В данном случае студенты должны соответствующим образом распределить роли. Наш пример задания позволяет разделить работу студентов по элементам задания. Так, проект текста искового заявления составляет один студент, другой готовит приложения к нему, а вместе они обсуждают его

и дорабатывают. Другие магистранты в группе могут анализировать судебную практику по вопросу о выборе способа извещения, третьи – проект (форму) уведомления о предъявлении группового иска. После выполнения всех заданий группа должна будет обсудить сам проект, скорректировать ошибки.

Как групповая, так и индивидуальная работа очень похожа на работу над реальным судебным делом, что позволяет подчеркнуть эффективность данного метода для освоения профессиональной компетенции в сфере юриспруденции.

Метод постановки проблемы

Названный метод предполагает, что существует какая-либо неразработанная дискуссионная гипотеза или теория. Однако зачатую данную гипотезу или теорию необходимо сформулировать и обосновать, поскольку дальнейшее движение по курсу будет отталкиваться от указанной посылки. Соответственно после постановки проблемы магистранты должны сконструировать ее решение. Важно отметить, что этот метод позволяет углубить знания магистрантов, предоставляя им возможность использовать уже имеющиеся знания в новых ситуациях.

Практико-ориентированность современного юридического образования предполагает минимизацию теоретической подготовки и проверку ее уровня. Так, О. А. Сухорукова, выступая за внедрение проектного метода обучения, отмечает, что «...ориентированное прежде всего на высокий уровень теоретической подготовки традиционное университетское образование часто ограничивается пассивным усвоением магистрантами готовых знаний, преподаваемых при изучении дисциплин» [Сухорукова 2020: 93]. Данная позиция верна лишь отчасти. Представляется, что ни одна отрасль знаний, в том числе и юридическая, не может существовать без значительной теоретической базы. К. Франклин в связи с этим пишет: «Должен ли я в действительности на своих занятиях по гражданскому процессу выбрать между теоретическим подходом и практическим подходом? Конечно же, я не хочу выбирать что-то одно – я хочу использовать оба» [Franklin 2016: 850].

Дисциплина «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» основывается на достаточно новой теории, базовым понятием которой является коллективный ин-

терес. Именно в этом контексте и может быть использован метод постановки проблемы.

Первый вопрос, который изучается в рамках преподаваемой дисциплины, – вопрос о понятии коллективного интереса и формах защиты коллективных интересов. К сожалению, законодательство не дает определения коллективного интереса. В юридической литературе эта тема тоже не разработана. Отметим лишь несколько позиций.

Например, А. Химмельрайх указывает, что общее понятие коллективного интереса охватывает, во-первых, надиндивидуальные интересы (общественный интерес) и, во-вторых, взаимосвязанные индивидуальные интересы группы (групповой интерес) [Химмельрайх 2019: 60].

По мнению Е. И. Боровской, «коллективный интерес представляет собой общую юридическую дозволенность двум и более лицам, вытекающую из нормы материального права либо выводимую из общих начал и смысла законодательства, не обеспеченную установлением конкретной юридической обязанности иных лиц», но благодаря этой дозволенности указанные выше лица получают гарантированную возможность (правомочие) обращения в суд за защитой в случае нарушения их прав [Боровская 2014: 28].

Соответственно перед магистрантами, по сути, ставится проблема даже не учебного, а научного характера. На основе знаний о понятиях «интерес», «законный интерес», а также об условиях предъявления иска в гражданском процессе магистранты должны предложить определение или же характеристики коллективного интереса.

Следующая проблема теоретического характера – вопрос об определении форм защиты коллективного интереса. В данном случае магистранты должны выработать критерии для выделения тех или иных процессуальных инструментов в качестве форм коллективной защиты, а затем провести «тест» предложенных вариантов. Важным моментом является разграничение различных форм коллективной защиты, например группового и косвенного иска [Шевченко 2021: 74–75], или группового иска и процессуального соучастия и иска в защиту неопределенного круга лиц, группового иска и дела о несостоятельности (банкротстве) [Уксусова 2009: 77; Ярков 2010: 9; Сильченко 2022].

Метод постановки проблемы позволяет ответить на указанный выше вопрос, «включить» магистрантов в дискурс изучаемой дисциплины, создать теоретический «задел» для перехода к изучению соответствующего законодательства и судебной практики. Необходимо сказать, что поставленная проблема не должна существовать в отрыве от уже имеющих у магистрантов знаний. В противном случае решить ее будет либо невозможно, либо очень трудно. Роль преподавателя сводится в правильному формулированию самой проблемы и направлению рассуждений студента в нужное русло. При обсуждении проблемы мнение студентов может не совпадать с мнением преподавателя, однако это не должно оцениваться отрицательно. Наоборот, за счет использования данного метода преподаватель сам сможет получить дополнительные идеи.

Прецедентный метод

Один из наиболее распространенных в юридическом образовании интерактивных методов преподавания, предполагающий рассмотрение и анализ конкретных судебных дел из практики российских и иностранных судов [Dhar, Dhar 2018; Rakoff, Minow 2019]. Это позволяет показать, как реализуется статичный закон в рамках возникшего правоотношения и как он может применяться в суде. Магистранты учатся сводить сущность дела к четырем основным компонентам: факты спора; правовой вопрос, который решает суд; правовая позиция, которую формирует суд в принятом решении; аргументы, которые суд использует для объяснения своего решения.

При преподавании гражданского процесса или дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» в силу специфики указанных дисциплин существенного значения не имеет предмет спора или материальное правоотношение. Большое значение приобретают именно используемые в конкретном деле процессуальные конструкции. Это, впрочем, не значит, что какие-либо компоненты «выпадают» и студент-магистрант уже не должен их анализировать.

В контексте преподаваемой дисциплины в целом интересно, например, определение Верховного Суда РФ от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20-19914 по делу № А19-14083/2015. Данный судебный акт был вынесен в рамках дела о несостоятельности по во-

просу об оспаривании сделки должника и интересен тем, что в нем рассматриваются вопросы возможного одновременного применения правил о групповых и косвенных исках в делах о банкротстве. Соответственно магистрантам предлагается «разложить» текст указанного судебного акта на обозначенные выше компоненты. В частности, правовые вопросы, которые решает суд, могут быть следующими: является ли иск конкурсного кредитора об оспаривании сделки несостоятельного должника косвенным? Могут ли в данном случае применяться нормы корпоративного права по аналогии? Является ли конкурсный кредитор-инициатор иска представителем должника и представителем группы? Является ли этот иск групповым по своей природе? Можно ли в данном случае применить нормы АПК РФ о защите прав и интересов группы лиц? Можно ли применить общие нормы АПК РФ без использования специальных правил о косвенных и групповых исках?

Роль преподавателя сводится в правильному формулированию самой проблемы и направлению рассуждений студента в нужное русло

Отметим, что в зарубежных юрисдикциях, в частности в США, наоборот, групповые иски существуют уже достаточно давно, следовательно, в практике судов США есть множество показательных дел, которые можно использовать для анализа в рамках преподаваемой дисциплины. Так, одним из известнейших дел в практике США является дело *Wal-Mart Stores, Inc. v. Dukes*, возбужденное по групповому иску женщин-сотрудниц сети супермаркетов *Wal-Mart*. Магистранты должны определить следующее: сколько общих вопросов требуется? Должны существовать и вопросы факта, и вопросы права, или достаточно одного из них? Общий вопрос должен иметь центральное значение в деле, или же это может быть любой общий вопрос? Будет ли соблюдаться требование общности, если есть вопросы, общие для некоторых участников, но не для всех?

В последнем случае задача магистрантов осложняется тем, что указанный акт (и другие) предлагаются только на языке оригинала (на английском).

Метод совместной работы (работы в группах)

Студенты объединяются в определенные команды, цель которых – решить ту или иную проблему. При совместной работе в большей степени важна активность студентов, в связи с чем частично изменяется роль преподавателя. Применяя данный метод, преподаватель также планирует целый курс, готовит задания для студентов и т. д., однако если при индивидуальном обучении (например, на лекциях или семинарах) преподаватель занимает центральное место в учебном процессе, то при совместном обучении центральное место занимает уже студент, вернее, группа студентов. Преподаватель модерирует процесс, организует работу, направляет студентов в случае необходимости, дает обратную связь и оценивает работу группы и каждого студента в частности.

В рамках преподавания дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» метод групповой работы тоже используется. При этом образуется одна или две группы, поскольку академические группы могут быть разного размера.

Итак, один из дискуссионных вопросов в преподаваемом курсе – вопрос о «пользе» групповых исков для правовой системы. В литературе выделяются как достоинства групповых исков (например, экономическая целесообразность), так и их недостатки (слабый учет индивидуальных интересов) [Сутормин 2020: 121–122]. В связи с этим академическая группа может быть поделена на две подгруппы, одна из которых доказывает, что у группового иска больше положительных сторон, а другая – отрицательных. Участники должны не просто привести положительные или отрицательные стороны правового института групповых исков, но и аргументировать каждый довод, желательно используя учебную и научную литературу, а также материалы судебной практики, в том числе и зарубежной.

Соответственно подготовка каждой из подгрупп должна закончиться устными выступлениями с приведением своей позиции, аргументов и контраргументов относительно доводов противоположной стороны. Здесь важно соблюдать регламент выступлений и проявлять взаимное уважение. Так потенциально теоретическая проблема становится живой, превращаясь уже в предмет дискус-

сии (или даже дебатов). Подобный подход позволяет каждой подгруппе за счет вопросов и контраргументов обогатить свою позицию.

Интересным итогом дискуссии будет не победа одной подгруппы (тем более такая задача изначально в групповой работе не ставится), а выработка единого для всех вывода о том, что, например, групповой иск является неоднозначным правовым институтом. Студенты могут предложить способ устранить недостатки групповых исков или, наоборот, указать на то, что достоинство группового иска может стать одновременно недостатком. Например, экономическая целесообразность, предполагающая увеличение числа участников, приводит к увеличению требований группы до гигантских масштабов. Следствием этого может стать банкротство ответчика. Получается, что положительное качество правового института оборачивается совершенно негативным, но уже для ответчика. Именно в таком ключе должно в итоге строиться рассуждение участников групповой дискуссии.

Второй вариант использования данного метода может быть реализован в том случае, если академическую группу ввиду ее малой численности трудно разделить на несколько подгрупп. В связи с этим можно использовать задание, не связанное с наличием двух противоречивых позиций. Например, правовой институт группового иска сегодня закреплен в нескольких процессуальных кодексах – АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ [Звиер, Янков 2020: 183–186]. Следовательно, заданием для групповой работы может быть разработка сравнительной характеристики соответствующих нормативных конструкций. Здесь важно отметить, что, во-первых, сравнительная характеристика всегда осуществляется на основании заранее выбранных критериев, а во-вторых, она подразумевает выделение не только различий в закреплении тех или иных правил, но и сходства. Критериями для сравнения могут выступать, например, условия возбуждения производства по групповым искам, особенности стадий возбуждения и подготовки дела к судебному разбирательству [Долганичев 2021].

У использования интерактивного метода совместной работы определенные достоинства. Во-первых, он способствует лучшему обучению студентов, поскольку предполагается, что студенты получают достаточно слож-

ную / объемную задачу, решение которой требует больших умственных затрат от каждого участника группы, несут ответственность за полноту знаний друг перед другом, взаимодействуют друг с другом как часть одной команды. Во-вторых, метод совместной работы позволяет задействовать все элементы той или иной компетенции, т. е. знания, умения и навыки. В-третьих, данный метод обладает большой степенью транспарентности. Это означает, что студенты знают, как будут проходить занятия, каким образом построена система оценивания, они получают обратную связь от преподавателя [Spartow, McCabe 2012: 161–172].

Особенности взаимодействия субъектов образовательного процесса

Можно выделить следующие особенности взаимодействия преподавателя и обучающихся при преподавании курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» с использованием интерактивных методов.

1. В той или иной мере в работу (и соответственно в общение) вовлекается каждый магистрант в академической группе. Например, при формулировании вопросов и ответов по методу Сократа важным является мнение не одного магистранта, а всей группы или ее части. Это в свою очередь влияет и на преподавателя: заранее подготовленные вопросы могут быть скорректированы, например разбиты на более мелкие (когда ответ дается тяжело) или объединены (если становится ясно, что студенты понимают тему и готовы перейти на следующий уровень).

2. Существенным становится взаимодействие «на равных», при котором мнения магистрантов друг для друга и для преподавателя одинаково важны. Неверный ответ не должен быть расценен преподавателем отрицательно – это выступает основой для корректировки рассуждений. Кроме того, преподавателю тоже крайне важно получить реакцию на его собственное мнение. Так, в рамках применения метода постановки проблемы магистранты могут указать на нелогичность рассуждений преподавателя по вопросу о понятии и характеристиках коллективного интереса.

3. Интерактивность предполагает обучение реальности. В этом контексте используются прецедентный и проектный методы,

поскольку магистранты при изучении курса анализируют реальные судебные дела и готовят проекты используемых в практике документов. Здесь становится значимым опыт преподавателя (как исследователя и практикующего юриста), который может указать, на какие моменты необходимо обратить внимание магистрантам (например, при анализе соответствующего судебного акта). В свою очередь магистранты могут предложить преподавателю варианты действий судьи при рассмотрении соответствующего дела.

4. При применении интерактивного метода совместной (групповой) работы преподавателю нужно определить этапы работы (постановка проблемы, подразделение на группы, определение регламента – времени и порядка взаимодействия в группе, представления результатов). Подгруппы должны быть сформированы с учетом способностей магистрантов так, чтобы не было преобладания одних магистрантов над другими. Именно поэтому данный метод не применяется при рассмотрении первых тем курса. Магистранты внутри группы должны самостоятельно без споров определить роли друг друга исходя из сложности предлагаемого задания (например, при анализе конструкции группового иска в различных процессуальных кодексах).

5. По итогам курса магистранты и преподаватель должны вместе проанализировать результаты освоения профессиональных компетенций в сфере юриспруденции и опыт применения соответствующих интерактивных методов преподавания.

Обсуждение исследования

Проанализированные в настоящей статье интерактивные методы обучения так или иначе направлены на активизацию самостоятельности студентов в получении знаний, умений и навыков; обеспечивают активное взаимодействие студентов друг с другом и с преподавателем, вовлечение в процесс обучения практически всех обучающихся, обмен идеями, исключение доминирования преподавателя над студентами [Курмангулов, Решетникова, Багиров и др. 2018: 20] и др. Отметим, что использование указанных методов не ставит под сомнение ценность традиционных методов преподавания, таких как лекция, семинар, беседа и т. д. Однако

полагаем, что для преподавания курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» отмеченные интерактивные методы являются наиболее эффективными. С их помощью достигаются цели курса и формируются запланированные компетенции. При этом разные методы имеют свою специфику: некоторые в большей степени направлены на приобретение знаний, а другие – на формирование умений и навыков.

Использование интерактивных методов не ставит под сомнение ценность традиционных методов преподавания, таких как лекция, семинар, беседа и т. д.

Так, метод постановки проблемы направлен на получение знаний в сфере защиты коллективных интересов, групповых и косвенных исков. В свою очередь прецедентный метод, метод Сократа, проектный метод предполагают формирование умений и навыков в указанной в сфере, в том числе анализа нормативных правовых актов и судебной практики, квалификации соответствующих правоотношений, решения различных практических задач и участия в устных и письменных консультациях, а также подготовки процессуальных документов. Это обстоятельство подтверждает мнение С. Сперроу и М. Маккейб о том, что метод совместной работы позволяет решить проблемы в практической работе юриста; в частности, студенты узнают, как профессионально взаимодействовать друг с другом, учатся творческому решению проблем, управлению временем и разрешению конфликтов [Sparrow, McCabe 2012: 154].

Нельзя сказать, что одни применяемые в преподавании курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» методы работают лучше, чем другие. Как показывают опыт преподавания указанной дисциплины, а также анализ методов обучения, невозможно использование лишь одного метода в чистом виде – важна их комбинация [Franklin 2016: 862–863]. Например, метод совместной работы всегда предполагает постановку проблемы, которая является значительной по объему и не может быть раз-

решена в одиночку. При использовании проектного метода нужно учитывать, что каждая спорная ситуация в контексте коллективной защиты всегда многоаспектна и ее решение будет затруднено без командной работы. Метод Сократа в достаточной мере сочетается с методом постановки проблемы, когда один сложный вопрос решается на основе диалога с участием преподавателя и студентов. Только применение всех выбранных интерактивных методов преподавания в совокупности обеспечивает полное освоение профессиональных компетенций в сфере юриспруденции.

Анализируемые в настоящей статье интерактивные методы преподавания также мотивируют студентов-магистрантов на научно-исследовательскую работу, в том числе на подготовку выпускной квалификационной работы – магистерской диссертации как формального результата обучения в магистратуре по программе «Юрист (представитель) в сфере арбитражного, гражданского и административного судопроизводства». В данном случае при подготовке магистерской диссертации применяется метод постановки проблемы. Ее написание предполагает не просто рассмотрение дискуссионного или неизученного вопроса, но и более глубокую его проработку с использованием соответствующей методологии юридических исследований.

В процессуальном законодательстве отсутствуют специальные правила примирения по групповым искам. Следовательно, возникают вопросы о том, каков механизм реализации права на заключение мирового соглашения, в частности, кто принимает решение об этом. Варианты следующие: принимает решение и заключает соглашение только истец-представитель, как это предусматривается во многих юрисдикциях [Nagi 2019: 98–101], или же участники группы решают это путем голосования. Тогда возникает вопрос о том, каким образом они голосуют и как учитываются их голоса [Туманов 2021: 67].

Данная проблема стоит перед российскими исследователями давно [Ярков 2010: 20]. Именно ее студент-магистрант может исследовать. С использованием сравнительно-правового метода можно изучить законодательство и судебную практику, научную литературу стран общего и континентального права

[Ватаманюк 2021a], с применением формально-юридического метода и методов юридической герменевтики – исследовать и систематизировать конструкции, используемые при заключении мировых соглашений в процедурах банкротства, в процессе со множеством соучастников, и др. [Ватаманюк 2021b].

Заключение

Само появление курса «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов» в некотором смысле продиктовано глобализацией. Впервые массовые нарушения прав граждан были признаны в качестве проблемы именно в западных правовых системах. Однако причинение вреда большим группам лиц, по сути, является повсеместным. В последнее десятилетие такие нарушения связываются еще и с развитием цифровизации: существует масса примеров нарушения прав граждан и организаций в сети Интернет. К ним можно отнести дела о нарушении законодательства о персональных данных компаниями *Google*,

Facebook и др. Указанные обстоятельства побуждают подстраиваться под правовую систему государств (включая судебную систему), и, как следствие, появляются соответствующие курсы в юридических школах ведущих университетов мира.

В связи с этим представляется, что использование анализируемых интерактивных методов преподавания в изучении курса «Рассмотрение дел о защите коллективных интересов» соответствует методикам, применяемым в преподавании аналогичных дисциплин в зарубежных университетах, и позволяет в большей степени заинтересовать студентов. Сам процесс обучения строится на взаимодействии студентов друг с другом и с преподавателем, что способствует получению знаний, умений и навыков в совершенно новой сфере юридической деятельности, а следовательно, повышению конкурентоспособности выпускников соответствующего направления магистратуры.

Список литературы

- Dhar U., Dhar S.* The Case Method in Legal Education // *Asian Journal of Legal Education*. 2018. № 5. P. 182–185.
- Dickinson J. A.* Understanding the Socratic Method in Law School Teaching after the Carnegie Foundation’s Educating Lawyers // *Western New England Law Review*. 2009. № 31. P. 97–113.
- Franklin K.* Do We Need Subject Matter-Specific Pedagogies? // *Journal of Legal Education*. 2016. № 65. P. 839–863.
- Lowell B.* The Socratic Method as a Pedagogical Method in Legal Education. Faculty of Law, Humanities and the Arts – Papers. 2014 // URL: https://ro.uow.edu.au/lhapapers/1481?utm_source=ro.uow.edu.au%2Flhapapers%2F1481&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (дата обращения: 01.10.2021).
- Nagi C. I.* *Collective Actions in Europe. A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis.* Springer International Publishing, 2019. 122 p.
- Rakoff T. D., Minow M.* A Case for Another Case Method // *Vanderbilt Law Review*. 2019. № 60. P. 597–607.
- Sparrow S., McCabe M.* Team-Based Learning in Law // *The Journal of the Legal Writing Institute*. 2012. № 18. P. 153–208.
- Боровская Е. И.* Защита коллективных интересов в арбитражном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 237 с.
- Ватаманюк В. О.* Заключение мирового соглашения в групповом производстве иностранных государств // *Российское право: образование, практика, наука*. 2021a. № 4. С. 27–40. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_27.
- Ватаманюк В. О.* Заключение мирового соглашения в групповом производстве // *Вестник гражданского процесса*. 2021b. № 11. С. 127–174. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.
- Веселкова Е. Г.* Профессиональная модель юриста // *Государство и право*. 2017. № 8. С. 2–20.

Гражданский процесс: учеб. для студентов юрид. высш. учеб. заведений / отв. ред. В. В. Ярков. М.: Статут, 2021. 721 с.

Долганичев В. В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК, КАС // Закон. 2021. № 2. С. 36–45.

Зайченко Е. В. Модельные студенческие процессы и обучение гражданскому процессу // Вестник гражданского процесса. 2020. № 10. С. 198–213. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-198-213.

Звиер П., Ярков В. В. Групповые иски в правовой истории США и России: в поисках оптимальной модели // Вестник гражданского процесса. 2020. № 10. С. 143–197. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-143-197.

Интерактивные методики изучения гражданского процесса: учеб.-метод. пособие для студентов и преподавателей юрид. вузов / под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2016. 136 с.

Исаенкова О. В. Основная цель юридической клиники: защита прав малоимущих или навыки студентов? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 10. С. 39–50. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-39-50.

Крылова М. Н. Интерактивные методы в системе преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе // Перспективы науки и образования. 2016. № 4. С. 39–46.

Курмангулов А. А., Решетникова Ю. С., Багиров Р. Н. и др. «Фабрика процессов» – новый формат организации образовательного процесса в высшем учебном заведении // Высшее образование в России. 2018. № 27. С. 37–41.

Селькова А. А. Обзор методов, применяемых для формирования компетенций будущих юристов // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 3. С. 73–77. DOI: 10.34076/2410_2709_2021_3_73.

Сильченко В. Ю. Групповой иск в спорах о привлечении к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве: фиксация идеи в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 55–57.

Сутормин Н. А. Преимущества и недостатки группового иска // Государство и право. 2020. № 7. С. 119–123.

Сухорукова О. А. Использование проектного метода в преподавании цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. № 10. С. 91–99. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-91-99.

Теория юридического процесса / под ред. В. Г. Горшенева. Харьков: Вища шк., 1985. 192 с.

Туманов Д. А. Групповые иски и общественные интересы (некоторые вопросы) // Закон. 2021. № 2. С. 58–70.

Уксусова Е. Е. Возбуждение производства по делам о банкротстве в арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С. 70–79.

Химмельрайх А. Коллективная правовая защита – иски объединений и право объединений на предъявление иска в немецком гражданском процессе // Правоприменение. 2019. № 3. С. 59–76. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).59-76.

Шевченко И. М. Идеи косвенного и группового иска в делах о банкротстве // Закон. 2021. № 2. С. 71–82.

Ярков В. В. Групповой иск: краткий комментарий главы 28.2 АПК РФ // Вестник ВАС РФ. 2010. № 9. С. 6–25.

Владимир Вениаминович Долганичев – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dolganichev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-9429-3136

Features of the Use of Interactive Methods in Teaching the Discipline «Consideration of Cases on the Protection of Collective Interests by the Courts»

In the world practice, several forms of protection of collective interests have been developed, but so far, there has been no discussion on the analysis of these forms and on the training of relevant specialists. In this regard, the discipline «Consideration of cases on protection of collective interests by the courts» is taught at the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. At the same time, interactive methods are of particular importance in its teaching and in the modern educational process as a whole.

This study examines several of these methods. For instance, the method of problem formulation makes it possible to determine the most important theoretical categories and constructions in the field of protection of collective interests. The precedent method allows using theoretical knowledge to train the skills and abilities of analyzing legislation and judicial practice, for example, in the application of class actions, and to give an appropriate conclusion on the case. The project method involves obtaining knowledge and skills within the framework of «practical» activities: undergraduates analyze factual circumstances, legislation, judicial practice in bankruptcy cases, indirect claims, etc. to form one's own legal position on the case. The author concludes, that the most effective and promising approach to teaching the course «Consideration of cases on the protection of collective interests by the courts» is the use of a combination of interactive teaching methods.

Keywords: collective forms of judicial remedy, class action, teaching methods in legal education, professional competence, problem-oriented education

Recommended citation

Dolganichev V. V. Osobennosti primeneniya interaktivnykh metodov v prepodavanii distsipliny «Rassmotrenie sudami del o zashchite kollektivnykh interesov» [Features of the Use of Interactive Methods in Teaching the Discipline «Consideration of Cases on the Protection of Collective Interests by the Courts»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 110–123, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_110.

References

Borovskaya E. I. *Zashchita kollektivnykh interesov v arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Protection of Collective Interests in Commercial Proceedings]: cand. jur. sc. thesis, Saratov, 2014, 237 p.

Dhar U., Dhar S. The Case Method in Legal Education, *Asian Journal of Legal Education*, 2018, no. 5, pp. 182–185.

Dickinson J. A. Understanding the Socratic Method in Law School Teaching after the Carnegie Foundation's Educating Lawyers, *Western New England Law Review*, 2009, no. 1, pp. 97–113.

Dolganichev V. V. Gruppovoi isk: sravnitel'nyi analiz normativnykh konstruktsii APK, GPK, KAS [Class Action: Comparative Analysis of the Regulatory Models of the Arbitrazh Procedure Code, Civil Procedure Code and Administrative Procedure Code], *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 36–45.

Franklin K. Do We Need Subject Matter-Specific Pedagogies? *Journal of Legal Education*, 2016, no. 65, pp. 839–863.

Gorshenev V. G. (ed.) *Teoriya yuridicheskogo protsessa* [Theory of Legal Procedure], Kharkov, Vishcha shk., 1985, 192 p.

Isaenkova O. V. Osnovnaya tsel' yuridicheskoi kliniki: zashchita prav maloimushchikh ili navyki studentov? [The Main Objective of the Legal Clinic: Protecting the Rights of the Poor or Skills of Students?], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 10, pp. 39–50, DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-39-50.

Khimmel'raikh A. Kollektivnaya pravovaya zashchita – iski ob"edinenii i pravo ob"edinenii na pred"yavlenie iska v nemetskom grazhdanskom protsesse [Collective Legal Protection – Class Actions and the Right of Associations to Sue in German Civil Proceedings], *Pravoprimenie – Law Enforcement Review*, 2019, no. 3, pp. 59–76, DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(2).59-76.

Krylova M. N. Interaktivnye metody v sisteme prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin v tekhnicheskome vuze [Interactive Methods in the Teaching of Humanitarian Disciplines in a Technical College], *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of Science and Education*, 2016, no. 4, pp. 39–46.

Kurmangulov A. A., Reshetnikova Yu. S., Bagirov R. N. et. al. «Fabrika protsessov» – novyi format organizatsii obrazovatel'nogo protsessa v vysshem uchebnom zavedenii [«Factory of Processes» – A New Format of Educational Process Organization at Higher Education Institution], *Vysshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*, 2018, no. 27, pp. 37–41.

Lowell B. The Socratic Method as a Pedagogical Method in Legal Education, *Faculty of Law, Humanities and the Arts – Papers*, 2014, available at: https://ro.uow.edu.au/lhapapers/1481?utm_source=ro.uow.edu.au%2F1hapapers%2F1481&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (accessed: 01.10.2021).

Nagy C. I. *Collective Actions in Europe. A Comparative, Economic and Transsystemic Analysis*, Springer International Publishing, 2019, 122 p.

Rakoff T. D., Minow M. A Case for Another Case Method, *Vanderbilt Law Review*, 2019, no. 60, pp. 597–607.

Sel'kova A. A. Obzor metodov, primenyaemykh dlya formirovaniya kompetentsii budushchikh yuristov [Review of the Methods Used to Form the Competencies of Future Lawyers], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021, no. 3, pp. 73–77, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_3_73.

Shevchenko I. M. Idei kosvennogo i gruppovogo iska v delakh o bankrotstve [The Concepts of Derivative Actions and Class Actions in Bankruptcy Cases], *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 71–82.

Sil'chenko V. Yu. Gruppovoi isk v sporakh o privlechenii k subsidiarnoi otvetstvennosti v delakh o bankrotstve: fiksatsiya idei v sudebnoi praktike [A Class Action in Disputes on Bringing to Subsidiary Liability in Bankruptcy Cases: Fixation of the Idea in the Judicial Practice], *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*, 2022, no. 7, pp. 55–57.

Sparrow S., McCabe M. Team-Based Learning in Law, *The Journal of the Legal Writing Institute*, 2012, no. 18, pp. 153–208.

Sukhorukova O. A. Ispol'zovanie proektnogo metoda v prepodavanii tsivilisticheskogo protsessa [Application of the Project Method to Civil Procedure Teaching], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 10, pp. 91–99, DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-91-99.

Sutormin N. A. Preimushchestva i nedostatki gruppovogo iska [Advantages and Disadvantages of a Class Action], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 7, pp. 119–123, DOI: 10.31857/S102694520010712-4.

Tumanov D. A. Gruppovye iski i obshchestvennye interesy (nekotorye voprosy) [Class Actions and Public Interest Litigation (Certain Issues)], *Zakon*, 2021, no. 2, pp. 58–70.

Uksusova E. E. Vozbuzhdenie proizvodstva po delam o bankrotstve v arbitrazhnykh sudakh [Initiation of Bankruptcy Proceedings in Commercial Courts], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2009, no. 2, pp. 70–79.

Vatamanyuk V. O. Zaklyuchenie mirovogo soglasheniya v gruppovom proizvodstve inostrannykh gosudarstv [Conclusion of a Settlement Agreement in the Group Proceedings of Foreign Countries], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2021a, no. 4, pp. 27–40, DOI: 10.34076/2410_2709_2021_4_27.

Vatamanyuk V. O. Zaklyuchenie mirovogo soglasheniya v gruppovom proizvodstve [Conclusion of a Settlement Agreement in Group Proceedings], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2021b, no. 11, pp. 127–174, DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.

Veselkova E. G. Professional'naya model' yurista [Professional Model of a Lawyer], *Gosudarstvo i pravo*, 2017, no. 8, pp. 119–123.

Yarkov V. V. (ed.) *Grazhdanskii protsess* [Civil Procedure], Moscow, Statut, 2021, 721 p.

Yarkov V. V. (ed.) *Interaktivnye metodiki izucheniya grazhdanskogo protsessa* [Interactive Methods of Studying Civil Procedure], Moscow, Statut, 2016, 136 p.

Yarkov V. V. Gruppovoi isk: kratkii kommentarii glavy 28.2 APK RF [Class Action: A Brief Comment on Chapter 28.2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation], *Vestnik VAS RF – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*, 2010, no. 9, pp. 6–25.

Zaichenko E. V. Model'nye studencheskie protsessy i obuchenie grazhdanskomu protsessu [Moot Courts and Civil Procedure Training], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 10, pp. 198–213, DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-198-213.

Zwier P., Yarkov V. V. Gruppovye iski v pravovoi istorii SShA i Rossii: v poiskakh optimal'noi modeli [Class Action in the Legal History of the USA and Russia: Searching of an Optimal Model], *Vestnik grazhdanskogo protsessa – Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 10, pp. 143–197, DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-1-143-197.

Vladimir Dolganichev – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of civil procedure, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dolganichev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-4006-8144

Дата поступления в редакцию / Received: 02.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 28.12.2022

Е. И. Думанская, Д. А. Кокотова
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РАЗРАБОТКА СХЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРАВОВОГО АКТА ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В связи с требованием образовательного стандарта обеспечить формирование у студентов компетенции по проведению экспертизы правовых актов возникает вопрос о том, какой должна быть схема экспертизы правовых актов, используемая в учебном процессе. При разработке схемы авторы опирались на анализ личного педагогического опыта; обобщение норм, регламентирующих различные экспертизы; обобщение данных о методах, используемых в научных исследованиях. Кроме того, было проведено собственное пилотное исследование, аналогичное предлагаемому для выполнения студентам, с фиксацией времени, затраченного на выполнение отдельных операций.

В работе рассматривается ряд вопросов, в частности о том, необходимо ли разрабатывать схемы экспертизы специально для учебного процесса или использовать схемы, уже применяющиеся на практике; каковы должны быть степень детализации схемы и возможные этапы экспертизы. Обосновывается необходимость включения в схему экспертизы эмпирической проверки гипотезы, позволяющей оценить имеющееся или потенциальное фактическое влияние акта, а также обсуждаются критерии выбора эмпирического метода. На примере конкретного метода обсуждаются способы постановки задачи по его применению в рамках экспертизы акта как учебного задания. В результате был разработан вариант схемы экспертизы правовых актов для использования в учебном процессе.

Ключевые слова: экспертиза правовых актов, эмпирический метод проверки гипотезы, учебный процесс, формируемые компетенции, контент-анализ

Для цитирования

Думанская Е. И., Кокотова Д. А. Разработка схемы экспертизы правового акта для использования в учебном процессе // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 6. С. 124–138. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_124.

УДК 342

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_124

Постановка проблемы. Согласно пп. 1.13 и 3.3 Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (утв. приказом Минобрнауки РФ от 25 ноября 2020 г. № 1451) (далее – ФГОС) одним из видов деятельности, к осуществлению которых готовятся выпускники вузов, а также одной из компетенций, которые должны быть сформированы, выступает проведение экспертиз, включая и экспертизу правовых актов. В связи с этим возникают вопросы: 1) как должна выглядеть схема экспертизы, используемая при формировании соответствующей компетенции в качестве оценочного средства, учеб-

ного материала? 2) какие соображения должны быть учтены в каждом случае при выборе и разработке такой схемы?

Прежде всего обратимся к научной литературе, чтобы проверить, не предлагается ли в ней удовлетворительного решения этой проблемы.

Вопросы экспертизы актов в научной среде обсуждаются достаточно активно. Например, при поиске публикаций, которые доступны авторам настоящей статьи в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU¹ по тематике «Государство и право. Юридические

¹ Поисковая форма научной библиотеки eLIBRARY.RU // URL: <https://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения: 20.11.2022).

науки» и в названии, аннотации или ключевых словах которых содержится словосочетание «экспертиза акта» (поиск с учетом морфологии), удалось найти 1607 публикаций, и 991 из них точно посвящены экспертизе актов в той или иной степени¹.

В таких работах рассматривается, среди прочего, вопрос о том, как должна выглядеть схема (методика) проведения экспертизы актов [Барановский, Шевчук 2012: 191–192; Блещик 2021: 102; Сацко 2013; Соловьев 2018: 197–199]. Вместе с тем в большей части найденных публикаций учитываются только особенности осуществления экспертиз на практике, но не в рамках образовательного процесса.

По итогам анализа названий, ключевых слов и аннотаций 991 публикации выявлены лишь отдельные статьи, затрагивающие вопросы подготовки кадров для проведения экспертизы. При этом многие из таких статей не предлагают проекты схем проведения экспертизы или не указывают, что и как именно следует учитывать при их разработке, но делают акцент на иных моментах [Ерошенко 2010: 68, 70; Ковалева 2021: 21; Муртазина, Усманова 2022: 14; Поливаева 2017: 172; Рошин 2022: 153; Сладков 2011: 10–12; Туранин 2018: 101–102].

Лишь в одной публикации представлена схема экспертизы как проект, основанный именно на рассуждениях, связанных с обучением: констатируется, что необходимо адаптировать схему экспертизы к уровню образования того, кем она осуществляется, и предлагается конкретная схема экспертизы для лиц, не имеющих юридического образования, с указанием, что она апробировалась на курсах повышения квалификации. При этом, однако, не оговариваются все соображения, повлиявшие на разработку схемы, а сама она все же позиционируется как предназначенная для использования при проведении экспертизы на практике. Опыт использования в учебном процессе выступает аргументом в пользу того, что ее смогут применять на

практике лица с определенным уровнем образования [Бошно 2015: 60].

Вместе с тем, думается, при разработке схемы экспертизы для использования в учебном процессе нужно принимать во внимание несколько иные соображения, чем при создании схемы экспертизы для нужд практики. В настоящей статье мы попробуем на конкретном примере показать, что и как именно следует учитывать при решении обозначенного вопроса. Помимо общих методических аспектов, на определение схемы экспертизы в данном случае влияют и те условия, в которых будет осуществляться преподавание. Поэтому прежде всего оговорим, из каких условий исходили мы.

Уровень образования – магистратура. Предмет, в рамках которого осуществляется формирование компетенции, изучается на всех направлениях. На очной форме обучения количество академических часов, отведенных на лекции, – 8, на практические занятия – 16, на самостоятельную работу – 84. Компетенция, которая должна быть сформирована (ОПК-2), – способность самостоятельно готовить экспертные заключения и проводить экспертизу нормативных и индивидуальных правовых актов (п. 3.3 ФГОС). Учебные планы бакалавриата хотя бы для части студентов включают предметы или разделы, посвященные отдельным экспертизам (правовой, антикоррупционной, криминологической).

Отправной точкой рассуждений выступает формируемая компетенция. Требуется научить проводить экспертизу (а не просто дать знания о ней), поэтому изучение дисциплины не может сводиться к изложению преподавателем и воспроизведению студентами информации об имеющихся схемах проведения экспертиз, их правовом регулировании и т. п. Логично предположить, что выполняемые на занятиях задания, а также контрольные мероприятия должны быть связаны с осуществлением студентами экспертизы актов. В связи с этим возникает вопрос: по какой именно схеме (схемам) должна проводиться экспертиза, в частности требуется ли выработка новой схемы экспертизы или может быть использована готовая методика? Ответ зависит от выбора преподавателем одного из следующих подходов:

1) надо учить студентов выполнению конкретных экспертиз по схемам, которые нор-

¹ Из списка найденных публикаций исключены работы, по экспертизе иных объектов; материалы, не являющиеся научными публикациями, в том числе сводящиеся к опубликованию актов органов власти; работы, которые, судя по автопереводу, соответствуют искомой тематике, но нельзя быть точно уверенными в этом, так как они написаны на казахском и таджикском языках, которыми авторы статьи не владеют.

мативно закреплены и (или) применяются на практике;

2) необходимо выработать схему экспертизы специально для учебного процесса.

При всей привлекательности первого подхода и кажущейся очевидности его большей практической полезности он не всегда может быть выбран в текущих условиях.

Тенденцией современного правотворчества является постепенное увеличение количества и разнообразия экспертиз актов и их проектов. Например, в исходной редакции Регламента Государственной Думы (утв. постановлением Государственной Думы от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации») (далее – Регламент) слово «экспертиза» упоминалось 13 раз и, исходя из контекста его использования, можно было выделить пять вариантов экспертизы: научную (ч. 1 ст. 112), правовую (ч. 3 ст. 112), лингвистическую (ч. 8 ст. 119), независимую (ч. 2 ст. 27), проводимую ответственным комитетом экспертизу поправок на соответствие Конституции и федеральным конституционным законам (ч. 1 ст. 121). В редакции Регламента от 5 июля 2022 г. слово «экспертиза» употребляется несколько десятков раз, при этом в дополнение к ранее имевшимся наименованиям экспертиз появились юридикотехническая экспертиза (ч. 8 ст. 119), а также экспертизы, проводимые Научным советом по правотворчеству (пп. 3.1, 3.2 ч. 1 ст. 11), Общественной (ч. 2 ст. 26) и Счетной палатами (ч. 5 ст. 27). При этом в Регламенте отражена лишь часть применяемых экспертиз¹.

Если бы состав экспертиз был стабилен, то вопрос мог бы быть решен за счет выбора по тем или иным критериям некоторых из этих экспертиз для подробного освоения их в том виде, в каком они осуществляются на практике. Однако речь идет не просто о стабильном множестве, а о появлении с течением времени новых экспертиз.

Изменчивость присуща не только составу экспертиз, но и методикам проведения отдельных экспертиз. Например, до установления федерального регулирования для про-

ведения антикоррупционной экспертизы использовались различные методики [Кабанов 2014: 175]. С принятием Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – Закон об антикоррупционной экспертизе) и постановления Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» была закреплена единая методика. В последующем она корректировалась (подп. «б» п. 2 постановления Правительства РФ от 18 июля 2015 г. № 732 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам проведения антикоррупционной экспертизы»).

Изменчивы и границы между экспертизами. Например, согласно п. 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (в ред. от 17 марта 2009 г.) в юридическую экспертизу включались и оценка того, нет ли в акте условий для проявления коррупции, и проверка соответствия его иным актам. После внесения в указанные Правила изменений (постановление Правительства РФ от 20 февраля 2010 г. № 72 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов“») правовая и антикоррупционная экспертизы в них были разграничены.

С учетом сказанного освоение имеющихся на момент обучения схем экспертизы не гарантирует, что по завершении обучения студенты будут на практике применять именно ту методику, которая была изучена. Следует выбрать второй подход, т. е. попытаться выработать специально для обучения схему экспертизы, освоение которой позволяет понять общую логику экспертизы актов и научиться выполнять ее в любых предложенных условиях.

В нашем случае в пользу такого выбора дополнительно говорит то, что соответствующий предмет изучается на различных направлениях, это повышает потенциальное разнообразие сфер профессиональной деятельности выпускников. Если предполагается

¹ См., например, состав экспертиз, упомянутых в пп. 11, 12 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации (утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 (в ред. от 2 июня 2022 г.).

подготовка к какой-то конкретной сфере деятельности, возможно, стоит выбрать схему, применяемую именно в этой сфере.

Выбор второго подхода в сочетании с необходимостью научить самостоятельно выполнять экспертизу приводят к выводу, что схема должна оставлять свободу для студента, вынуждая его самостоятельно определять алгоритм работы, имеющие значение характеристики акта и т. п. В пользу такого решения говорят и вероятность того, что перед выпускником будет ставиться задача по выполнению экспертизы, подробная методика проведения которой не разработана, а также тот факт, что в рамках обучения на бакалавриате студенты уже выполняли отдельные экспертизы по четко заданной схеме.

Конечно, речь не может идти о постановке перед студентом только самой задачи провести экспертизу, без какой-либо ее конкретизации. Это затрудняло бы формализацию критериев оценивания выполненной студентом работы, не позволило бы дифференцировать оценку в зависимости от объема работы. Следовательно, должен быть определен набор вопросов, которые нужно решить при выполнении экспертизы. Однако подобные вопросы не должны быть конкретизированы до такой степени, чтобы их можно было применять механически, без осмысления общей логики, цели экспертизы.

Преподавание в течение одного учебного года на магистратуре УрГЮУ предмета в тех условиях, из которых мы исходили при разработке схемы, описанной в настоящей статье, показало, что отсутствие детального алгоритма повышает сложность задания для студентов, приводит к их жалобам на непонятность задания. Однако такой уровень сложности, как представляется, задан описанием компетенций в образовательном стандарте и не может быть снижен.

Далее требуется решить, каким должен быть набор вопросов, ответ на которые дает экспертиза.

Компетенция, которую надо сформировать, не привязана к конкретной разновидности экспертизы актов. Дисциплина не направлена на подготовку кадров для какой-то одной сферы профессиональной деятельности. С учетом этого схема проведения экспертизы, используемая в учебном процессе, должна формировать общий образ эксперти-

зы. Соответственно, разработать схему можно, обобщив данные о разных экспертизах.

Чтобы излишне не углубляться в вопрос о границах понятия «экспертиза», в качестве материала для обобщения использовались действия, обозначаемые с помощью этого понятия. В первую очередь нас интересуют экспертизы, которые осуществляются юристами или с их участием, но и иные экспертизы дают представление о том, на выполнение каких действий имеется запрос. Поскольку предполагается возможность изменения состава экспертиз, границ между ними, влияния одних методик на другие, мы приняли во внимание и экспертизы, выполняемые не юристами. В качестве первичного материала для обобщения были выбраны положения актов, регулирующих проведение экспертиз различных видов. При наличии нескольких вариантов регулирования в качестве примера использовался только один из них. Для подбора актов использовалась СПС «КонсультантПлюс», поиск осуществлялся по слову «экспертиза».

Проведенное обобщение позволяет обособить две группы экспертиз в зависимости от вопросов, на которые требуется ответить при их выполнении.

Первую группу образуют экспертизы, ограничивающиеся установлением характеристик актов самих по себе и (или) в их взаимодействии с другими актами. Требуется установить, присущи ли акту некоторые характеристики: соответствует ли текст акта определенным требованиям к оформлению (юридико-техническая экспертиза¹), нормам языка (лингвистическая экспертиза²); не противоречит ли акт другим актам, соблюдена ли процедура принятия, опубликования акта, соответствует ли он требованиям юридической техники (правовая экспертиза³). К этой группе стоит отнести и антикоррупционную экспертизу, так как при ее выполнении требуется только определить, присущи ли акту характеристики, отнесенные

¹ Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (в ред. 2021 г.): утв. исполняющим обязанности руководителя Аппарата Государственной Думы РФ.

² Часть 7 ст. 121 Регламента.

³ Часть 3 ст. 112 Регламента, пп. 6, 9, 11–17 Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (утв. приказом Минюста РФ от 31 мая 2012 г. № 87 (в ред. от 2 октября 2019 г.).

Методикой к числу коррупциогенных факторов¹. Проверка того, могут ли данные характеристики в конкретной ситуации действительно способствовать совершению преступлений коррупционной направленности, в компетенцию эксперта не входит.

Вторая группа состоит из экспертиз, которые ставят вопрос о фактическом влиянии акта. К этой группе относятся: криминологическая экспертиза, предполагающая проверку криминогенности акта (может ли он способствовать совершению правонарушений, как будет влиять на криминогенную обстановку и т. п.)²; педагогическая экспертиза, призванная определить, присутствуют ли в акте положения, способствующие негативному воздействию на качество обучения³; общественная экспертиза, позволяющая просчитать социальные последствия принятия акта⁴. К данной группе можно отнести и оценку регулирующего воздействия (проектов), оценку фактического воздействия (действующих актов)⁵, поскольку они стремятся получить ответ на вопрос о том, эффективно ли регулирование, как оно влияет (может повлиять) на предпринимательскую и иную экономическую деятельность⁶.

¹ Статья 1 Закона об антикоррупционной экспертизе; пп. 3, 4 Методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (в ред. от 10 июля 2017 г.).

² Статья 11 закона Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 «О системе профилактики правонарушений в городе Москве» (ред. от 1 марта 2017 г.).

³ Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 120 (в ред. от 29 ноября 2018 г.) «О порядке проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания» (вместе с «Правилами проведения педагогической экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов, касающихся вопросов обучения и воспитания»).

⁴ Пункт 5 раздела III Положения «О порядке проведения общественной экспертизы» (утв. решением Совета Общественной палаты РФ от 15 мая 2008 г., протокол № 4-С) (с изм. от 22 марта 2012 г.).

⁵ Обозначение их как экспертизы см.: Оценка фактического воздействия нормативных правовых актов // URL: <http://orv.gov.ru/Content/List?cat=39> (дата обращения: 24.08.2021).

⁶ Пункты 3, 6 Правил проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РФ от 30 января 2015 г. № 83 (в ред. от 31 декабря 2020 г.); пп. 1.4, 1.5 Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия

Так как наша задача – формирование общего образа экспертизы, навыка ее выполнения по различным схемам, в используемую на занятиях и контрольном мероприятии схему экспертизы необходимо включить вопросы, на которые отвечают экспертизы обеих групп. При этом следует понимать, что обозначенные вопросы взаимосвязаны. Установление характеристик акта или выступает основой, на которой строятся предположения о его возможном фактическом влиянии, или служит для объяснения причин выявленного фактического влияния. Соответственно можно представить подготовку ответа на вопросы в качестве этапов единой схемы, которая в таком случае будет предполагать в общем виде установление характеристик акта; выдвигание тезиса о том, каким является (может являться) фактическое влияние акта исходя из его характеристик; пояснение, как именно характеристики обуславливают такое влияние (обоснование, что между ними и выявленными последствиями действительно существует связь).

Характеристики акта, от которых может зависеть его фактическое влияние, разнообразны. Они могут относиться к содержанию предписаний акта (например, степень соответствия этих предписаний интересам адресатов), к форме их выражения (например, использование оценочных категорий), к его взаимодействию с иными правовыми актами (например, наличие коллизии) или социальными институтами (например, степень соответствия традициям), к специфике регулируемых отношений (например, степень латентности нарушений, на которые норма стремится воздействовать) и др. Нет какого-то универсального набора характеристик, анализ которых гарантирует в каждом случае возможность прогнозировать влияние акта или объяснить его.

Как указывалось ранее, схема должна оставлять студенту возможность самостоятельно определять характеристики, которые позволяют ему прогнозировать (объяснить) фактическое влияние конкретного акта. Удачный выбор характеристик, целостность экспертизы (выводы о влиянии опираются имен-

проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (утв. приказом Минэкономразвития РФ от 26 марта 2014 г. № 159 (в ред. от 26 июля 2016 г.).

но на те характеристики, которые описаны) в этом случае становятся критериями оценки качества выполненной студентом работы. При этом студенту может быть дан ориентир в виде включения примерного перечня характеристик в задание по проведению экспертизы, представления информации о них на лекциях и т. п., но выбор характеристик, подлежащих рассмотрению в конкретном случае, остается за студентом, который при необходимости может выйти за пределы предложенного преподавателем перечня.

Количество характеристик, которые требуется раскрыть, также может варьироваться в зависимости от особенностей ситуации. Если говорить о необходимом минимуме, то рассмотрения даже одной характеристики вполне достаточно, чтобы оценить способность студента к выполнению экспертизы.

Прогноз (оценка) фактического влияния акта может фиксироваться в виде ответа на вопрос о том, как акт повлияет на социальные процессы, состояние общества (например, на деловой климат), на поведение людей (например, на нарушение акта), каким будет отношение к самому акту, связанным с ним актам, к праву в целом в связи с его принятием, применением (позитивное или негативное отношение).

Ответ на каждый из этих вопросов, если мы хотим не просто выдвинуть гипотезы, а проверить их, требует применения эмпирических методов, поэтому в задание по выполнению экспертизы акта целесообразно включить эмпирическую проверку. Два возможных сценария применения эмпирического метода таковы:

1) установление характеристик акта и выдвижение гипотезы о том, каким исходя из них должно быть его фактическое влияние, а затем проверка гипотезы с применением эмпирического метода;

2) установление с применением эмпирического метода того, каково фактическое влияние акта (применяются ли его предписания, как к нему относятся и т. п.), с последующим анализом характеристик акта для выяснения того, какие из них могут объяснять выявленное влияние.

От выбора сценария зависят порядок рассмотрения материала на занятиях, очередность контрольных (если задача по проведению экспертизы распределена между не-

сколькими контрольными). В связи с этим невозможно оставить выбор сценария всецело на усмотрение студентов.

Установление характеристик акта имеет больше общего с теми задачами, которые студенту предлагалось решить в ходе обучения на бакалавриате, специалитете, по направлениям, связанным с юриспруденцией. Можно предположить, что студентам будет проще освоить предлагаемую схему, если ее изучение пойдет по пути от относительно извест-

---

Прогноз (оценка) фактического влияния акта может фиксироваться в виде ответа на вопрос о том, как акт повлияет на социальные процессы, состояние общества, на поведение людей, каким будет отношение к самому акту, связанным с ним актам, к праву в целом в связи с его принятием, применением

ного к менее известному. По крайней мере, в литературе можно встретить рекомендации следовать подобному дидактическому принципу [Гайфутдинов 2014: 117]. Также, не зная характеристик акта, нельзя определить все данные, которые надо фиксировать при применении эмпирического метода. По этой причине логичнее выбрать первый сценарий.

Вместе с тем целесообразно, чтобы студент сразу видел схему экспертизы в целом и понимал, как связаны между собой установление характеристик акта и выдвижение гипотезы для эмпирической проверки. В противном случае ему сложнее осознать связь между анализом акта и эмпирической проверкой. Кроме того, не зная метода, который потребует применить, можно сформулировать гипотезу, которую нельзя будет проверить с его помощью. Следовательно, требуется, чтобы изучение начиналось с ознакомления студента со схемой в целом, а сама схема позволяла, в том числе, воспринимать установление характеристик акта как стадию разработки программы эмпирического исследования.

Далее возникает вопрос о том, какой именно метод следует выбрать.

Если бы речь шла о проведении экспертизы на практике, то основным критерием была бы возможность получения в результате применения метода необходимой инфор-

мации. Если экспертиза проводится в рамках учебного процесса, на выбор влияет и то, насколько легко проверить, был ли метод применен на самом деле, или же студент фальсифицировал его применение. Попытки такой фальсификации неоднократно выявлялись при проверке контрольных по другим предметам, предполагающим необходимость использования эмпирических методов (за 2017–2022 гг. при преподавании у студентов 2-го и 4-го курсов бакалавриата, 2-го курса специалитета двух разных факультетов УрГЮУ).

Дабы минимизировать вероятность фальсификации, сделать риск ее выявления очевидным для студентов, следует остановиться на тех методах, применение которых можно перепроверить на всех стадиях. Не отвечает этому критерию, например, опрос, если только он не организован так, что у преподавателя есть возможность контролировать взаимодействие студента с респондентами (проведение опроса непосредственно в аудитории, предоставление студентом анкет, которые преподаватель передает респондентам, а затем возвращает студенту уже заполненными, и т. п.). Соответствовать этому требованию будет анализ любых документов (все, что записано, нарисовано или изображено каким-либо иным образом [Карбонье 1986: 222]) и статистики, находящихся в открытом доступе. При оценке фактического влияния акта это могут быть документы и статистика, которые отражают применение или реализацию норм (например, решения судов и судебная статистика), связаны с нормотворческим процессом (например, стенограммы заседаний нормотворческих органов), отражают чье-либо мнение, настроения (например, публикации в СМИ, комментарии в социальных сетях), и др.

Следует проверить и то, позволяют ли число документов, объем и разнообразие статистических данных, их пополняемость обеспечить достаточное количество индивидуальных относительно одинаковых по сложности вариантов с учетом численности студентов и необходимости обновления заданий с определенной периодичностью (дабы исключить копирование готовых решений).

При выборе метода могут учитываться и иные компетенции, которые должны формироваться при изучении предмета. Если это возможно, логично выбрать тот метод, который соответствует какой-либо из компе-

тенций. Например, задание по обобщению правоприменительной практики способствует формированию и проверке ОПК-1 (п. 3.3 ФГОС) в части способности анализировать различные ситуации из правоприменительной практики. Зависит такой выбор и от того, каким методом владеет или какой метод готов освоить достаточное количество преподавателей.

С учетом рассмотренных критериев могут быть выбраны разные методы. Мы в дальнейшем используем как пример контент-анализ прессы [подробнее о методе см., например: Ядов 1995: 122], при этом сказанное о нем будет в определенной мере справедливо и для использования в учебном процессе заданий по применению иных эмпирических методов.

Прежде всего покажем, как проверяется соответствие этого метода ранее обозначенным требованиям.

Контент-анализ позволяет узнать, какая картина мира создается в обществе посредством СМИ [Пашинян 2012: 14]. Функционирование СМИ предполагает отбор и освещение общественно значимых фактов, а также формирование общественного мнения. Использование каналов массовой информации для среднестатистического гражданина является способом получения информации о событиях [Сулейманов 2017: 52], в том числе о принятии того или иного акта. Поэтому, изучив освещение акта в СМИ, можно отследить транслируемое в СМИ и способное сформироваться у граждан отношение к акту. Это в свою очередь позволяет построить гипотезы о влиянии акта на поведение адресата. Таким образом, данный метод пригоден для получения информации о фактическом влиянии акта.

Публикации в СМИ находятся в открытом доступе, что позволяет преподавателю обратиться к первичным материалам, с которыми работал студент, особенно если контрольная требует анализа публикаций в электронных СМИ. Подобный вариант также удобен для студента, ибо не требует дополнительного посещения библиотеки и т. д. Дополнительно минимизировать возможность фальсификации применения метода можно за счет выработки требований к оформлению работы. Например, если от студентов требуется предоставление первичных материалов (полные тексты статей с заголовками и лидами,

с указанием URL и даты обращения), то преподавателю проще проверить корректность утверждений студента, а студенту ясно, что велик риск выявления фальсификации.

В литературе отмечают, что практически во всех СМИ в той или иной мере присутствуют передачи и публикации на темы права [Третьякова 2010: 48]. Объем освещения разных актов не одинаков и дифференцируется, например, в зависимости от их отраслевой принадлежности [Мартынкина 2011: 17–18], но преподаватель может учесть это за счет отбора только тех актов, которым посвящено достаточное число публикаций. Соответственно это позволяет разработать достаточное количество вариантов контрольной.

Благодаря постоянному появлению новых публикаций обновляется база заданий и определяются такие требования к публикациям, которые должен изучить студент, чтобы исключить повторное предоставление готовых работ, выполненных студентами предыдущих лет обучения. Например, студентам дается период, за который надо проанализировать материалы: 10 месяцев, предшествовавших выполнению работы. Естественно, в этом случае преподавателю при выборе актов, которые предлагается проанализировать студентам, придется предварительно проверить, что по каждому из них имеется достаточное число публикаций за требуемый период.

Таким образом, этот метод действительно может быть выбран для проведения экспертизы. Как и любой другой метод, который может быть использован, он имеет плюсы и минусы.

Контент-анализ СМИ предполагает работу с неюридическими текстами. С одной стороны, это позволяет уравнивать положение студентов независимо от умения работать с юридическими текстами, в том числе тех, у кого уже есть юридическое образование, и тех, кто получил образование по другой специальности (на магистратуре могут обучаться и такие лица согласно п. 3 ст. 69 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). С другой стороны, если, например, исходя из иных закрепленных за предметом компетенций требуется углубление навыков работы именно с юридическими текстами, метод не подойдет. Другой минус, связанный с тем, при контент-анализе осуществляется

работа с неюридическими текстами, состоит в неочевидности его практической пользы. В научных исследованиях по юриспруденции этот метод тоже почти не используется.

Так, нами были изучены 29 из 298 авторефератов по отрасли «юридические науки», размещенных в рубрике «Объявления о защитах» на сайте ВАК¹ за 2021 г. Из 26 авторефератов, содержащих информацию об эмпирической базе (эмпирической основе) исследования, только в трех упоминались публикации в СМИ и контент-анализ. Судебная же практика (судебные акты, решения судов и т. п.) упомянута в этом контексте в 24 авторефератах. Вместе с тем в нашем примере в задачи предмета не входит овладение студентами всеми тонкостями какого-либо из методов. Следовательно, всегда предполагается, что изучаемый метод, скорее, служит примером, на котором рассматривается общая схема применения различных методов. С учетом этого осознаваемая всеми участниками образовательного процесса большая вероятность работы выпускника с другими методами может заставить сразу осмысливать общие основания, а не механически запоминать конкретные решения, что может рассматриваться и как достоинство. Непопулярность выбранного метода в текущей практике и научной деятельности тоже не будет недостатком, если мы считаем, что требуется расширить практику использования именно данного метода, и рассчитываем на то, что изучение его студентами этому поспособствует.

При использовании контент-анализа прессы для проведения экспертизы актов изучаемая выборка и объект, информацию о котором мы хотим получить, как правило, совпадать не будут. Например, круг авторов публикаций в СМИ не будет совпадать с кругом потенциальных адресатов нормы, чью реакцию надо узнать, чтобы понять, как норма будет функционировать на практике. В силу этого усложняется задача по распространению полученных выводов на интересующий нас объект (так, если акт оценивается положительно в 80 % публикаций, это еще не значит, что большинство адресатов будет позитивно к нему относиться). Большая сложность может рассматриваться как

¹ Объявления о защитах // URL: https://vak.minobrnauki.gov.ru/adverts_list#tab=_tab:advert~ (дата обращения: 17.08.2022).

достоинство, поскольку заставляет глубже понять саму логику распространения данных с выборки на исследуемый объект. Гипотетически, научившись решать более трудную задачу, в дальнейшем студент сможет решить и более простую. Однако сложность задачи может варьироваться и в зависимости от предполагаемого уровня подготовки студентов, особенно если в будущем вновь планируются применение студентами эмпирического метода и постепенное освоение работы с ним при нарастающей сложности задач.

Перечисленные моменты следует учитывать, решая, выбрать ли именно этот метод из всех возможных. Предположим, что для нас обозначенные плюсы имеют большее значение, поэтому метод был выбран. Далее надо определить, как именно он должен быть применен студентами при выполнении контрольной.

В целом структура предлагаемого эмпирического исследования может соответствовать стандартному набору стадий для исследований подобного типа: разработка программы исследования, сбор данных, обработка информации, анализ социологической информации и интерпретация результатов [Волкова 2014: 3].

Ответы на некоторые из раскрываемых в программе исследования вопросов полностью или по большей части заданы для студента условиями контрольной, поэтому не требуется включение их в схему в качестве пунктов, которые студент должен раскрыть (объект и предмет исследования, его цель и задачи). Также предлагается сосредоточить внимание на выяснении фактического влияния акта, что заранее императивно задает рамки для формулировки гипотезы. На выдвижение гипотезы влияет и то, какие характеристики акта студент раскрыл, какое предположение о его влиянии он выдвинул на основе их анализа. Такое предположение выступает теоретической гипотезой, студенту требуется в дальнейшем трансформировать ее в более конкретную гипотезу, которую он сможет проверить с помощью предложенного эмпирического метода. На основании же эмпирически проверяемой гипотезы студенту понадобится разработать категории анализа, определить единицы анализа и единицы счета [подробнее об этих понятиях см., например: Каташинских, Кульминская 2017: 19].

Требования к осуществлению выборки, как ранее указывалось, также определяются условиями проведения контрольной, поэтому задача студента сводится к отбору публикаций и описанию выборки.

Для прохождения каждой из стадий исследования нужны определенные усилия, временные затраты. Определяя то, как именно поставить перед студентами задачу по проведению исследования, надо учесть, каким временем студенты располагают для выполнения задания в соответствии с учебным планом и то, какие усилия они предположительно будут готовы затратить. При этом на разработку программы и интерпретацию результатов исследования всегда затрачиваются примерно одинаковые время и усилия. Варьировать объем работы можно за счет требований к сбору данных и обработке информации.

Поскольку основная задача – мотивировать студентов провести полноценное эмпирическое исследование, с тем чтобы исключить воспроизводство уже готовой информации из использованных источников и фальсификацию результатов исследования, предлагается максимально упростить работу с эмпирической базой и формирование выборки. Студентам дается задание с помощью поисковой системы (например, *Google*) выбрать определенное количество публикаций в СМИ (допускаются экспертные статьи, интервью, публично высказанные мнения). Такая рекомендация гарантирует определенный объем материала для исследования. При случайном отборе некоторой доли материалов из всех, что были опубликованы за соответствующий период, в выборке может не оказаться публикаций, в которых обсуждается акт, проходящий экспертизу; если же таковые публикации имеются, может потребоваться значительное время для их отбора.

Предлагаемый же вариант отбора позволяет обнаружить с приложением меньших усилий за меньшее время определенное количество публикаций, в которых точно обсуждается анализируемый акт, что обеспечивает каждому студенту возможность дать ответ на заданный в контрольной вопрос об отношении к такому акту. При этом, в зависимости от формулировки гипотезы, параметры поиска публикаций могут меняться.

Количество материалов, которые должны быть отобраны и проанализированы, также

требуется установить так, чтобы не превысить время, отведенное на самостоятельную работу, и обеспечить соответствие задачи возможностям студентов. Для того чтобы понять, сколько реально затрачивается времени на исследование на отдельных стадиях, было проведено собственное пробное исследование с использованием метода контент-анализа с фиксацией количества времени, затраченного на сбор первичной информации и ее обработку. По ранее описанным правилам летом 2021 г. была произведена выборка 25 публикаций и осуществлена их обработка. Объем выборки определен исходя из рекомендаций, согласно которым, если исследование носит сугубо пробный характер, «вполне достаточно выборки в 20–30 элементов» [Кинсбургский 2009: 12]. В качестве исследуемого акта был выбран Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 85 «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации“». Обобщение проводилось по трем параметрам.

При таких условиях на сбор первичной информации и ее обработку ушло примерно 28 академических часов. Данный показатель составляет 33 % от количества часов, отведенных на самостоятельную работу студента по предмету, т. е. оставляет время для выполнения им других частей экспертизы. Это в принципе вписывалось бы в рекомендуемые показатели распределения времени на организацию социологического исследования [Эмпирическая социология 2013: 15], если рассматривать все проведение экспертизы как такое исследование, особенно с учетом того что в нашем случае не предполагается машинная обработка данных (что увеличивает время, необходимое для обработки), а некоторые элементы программы заранее определены преподавателем и не требуют самостоятельной проработки их студентом (что несколько уменьшает время, необходимое для разработки программы). Однако в нашем случае экспертиза выходит за рамки тех операций, которые нужно выполнить для проведения собственно контент-анализа (например, в части установления характеристик акта), требуя больших временных затрат.

Также у студентов может уйти больше времени на сбор и обработку первичной информации, нежели в проведенном нами исследовании, в силу некоторых моментов:

- 1) на объем затраченного времени влияло то, что работа выполнялась преподавателем, имеющим опыт осуществления контент-анализа;
- 2) выбранный акт широко освещался, что уменьшало время на поиск публикаций, а при работе с иным актом, возможно, поиск займет больше времени;
- 3) количество используемых студентом параметров может быть как больше, так и меньше, может варьироваться и сложность их применения, что тоже способно повлиять на временные затраты.

С учетом сказанного представляется логичным уменьшить количество публикаций, которые должен проанализировать студент.

Согласно рекомендации, на которую мы опирались, 20 публикаций – минимальное количество, нужное для анализа. Использование этого требования к контрольной в условиях, обозначенных в начале настоящей статьи, в течение одного учебного года показало, что если требуется большое количество вариантов контрольной¹, то приходится брать и акты, доступное количество публикаций о которых лишь чуть больше или равно 20, или большая часть этих публикаций связана с актом лишь косвенно, просто воспроизводит его текст и т. п. В результате некоторые студенты испытывали сложности в подборе требуемого числа публикаций, на что они жаловались (правда, стоит отметить, что некоторые из жалоб были связаны с ошибками, которые студенты допускали при формулировании поисковых запросов). Этот опыт говорит о том, что если необходимое число вариантов контрольной аналогично числу в нашем примере, то количество публикаций, которые должен изучить студент, может потребоваться снизить (менее 20).

Обобщив все ранее сказанное, **мы получим следующий вариант схемы проведения экспертизы акта**, пригодный для использования в учебном процессе.

1. Опишите как минимум одну характеристику акта (его фрагмента) на выбор (характеристики могут относиться к содержанию и (или) форме выражения его предписаний, его взаимодействию с иными актами, соци-

¹ В нашем случае предполагалось, что каждому студенту достается уникальный вариант контрольной, при этом численность студентов составила более 600 лиц на очной и заочной формах обучения для всех направлений по первичным спискам без учета их корректировки в течение учебного года.

альными институтами, специфике регулируемых отношений и т. п.).

2. Выскажите предположение о том, каким исходя из этой характеристики будет отношение к анализируемому акту или к связанным с ним актам, или к праву в целом в связи с его принятием, применением (теоретическая гипотеза).

3. Поясните, в чем предположительно может состоять связь между описанной характеристикой (характеристиками) и предполагаемым отношением (почему считаете, что именно эта характеристика (характеристики) может способствовать именно такому отношению).

4. Проверьте высказанные предположения с помощью контент-анализа прессы. Для этого:

с помощью поисковой системы (например, *Google*) выберите столько-то публикаций в электронных версиях СМИ (допускаются экспертные статьи, интервью, публично высказанные мнения) за десять месяцев, предшествующих дате выполнения контрольной работы. Опишите выборку;

сформулируйте на основе теоретической гипотезы эмпирически проверяемую гипотезу

(тезис, который можно проверить с помощью анализа СМИ);

разработайте категории анализа, определите единицы анализа и единицы счета;

осуществите сбор данных, зафиксируйте полученные по каждой из публикаций первичные данные;

осуществите обработку и анализ полученных данных (обобщение первичных данных по отдельным публикациям, группировка, вычисления и т. п.);

сделайте вывод о том, в какой мере проведенное исследование позволило подтвердить или опровергнуть выдвинутую теоретическую гипотезу.

К работе прилагаются полные тексты всех изученных публикаций (с заголовками и лидами) с указанием URL-адреса каждой публикации и даты обращения.

Приведенная схема является лишь одним из возможных вариантов. При решении вопроса о том, следует ли использовать именно этот вариант или модифицировать его и если нужна модификация, то какая именно, необходимо учитывать те соображения, которые были изложены в настоящей статье.

Список литературы

Барановский Н. А., Шевчук Н. Н. Криминологическая экспертиза в системе предупреждения преступности // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки. 2012. № 13. С. 189–194.

Блещик А. В. Выявление искажений в законодательстве и коммуникативный подход к праву: опыт правовой экспертизы нормативных актов // Российский юридический журнал. 2021. № 2. С. 101–114. DOI: 10.34076/20713797_2021_2_101.

Бошно С. В. Пошаговый алгоритм проведения антикоррупционной экспертизы для работников, не имеющих специальной подготовки и навыков // Право и современные государства. 2015. № 1. С. 60–62. DOI: 10.14420/ru.2015.1.8.

Волкова Л. В. Методика проведения социологического исследования. М.: Издат. центр РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, 2014. 46 с.

Гайфутдинов А. М. Ведущие дидактические принципы в системе знаний отечественной педагогики второй половины XX – начала XXI века // Историко-педагогический журнал. 2014. № 1. С. 110–120.

Еровенко В. Н. *Votum separatum*: нужна ли юристам «математика права»? // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2010. № 5. С. 68–74.

Кабанов П. А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: опыт правового регулирования субъектов Российской Федерации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 172–182.

Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986. 352 с.

Каташинских В. С., Кульминская А. В. Методы сбора социальной информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 74 с.

Кинсбургский А. В. Как провести учебное социологическое исследование: пособие для студентов социол. фак. ун-тов. М., 2009. 77 с.

Ковалева Ю. Н. Юридическая техника как важный аспект правотворчества, правореализации, правоприменения и юридического образования // International Independent Scientific Journal. 2021. № 29. С. 20–23.

Мартынкина Д. Ю. Роль печатных средств массовой информации в правовом просвещении населения: на материалах федеральных общественно-политических газет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 22 с.

Муртазина Г. И., Усманова Е. Ф. Роль правовой культуры в антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов // Проблемы права. 2022. № 4. С. 12–15. DOI: 10.14529/pro-prava220402.

Пашиных И. А. Контент-анализ как метод исследования: достоинства и ограничения // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 3. С. 13–18.

Поливаева О. Г. Совершенствование кадрового сопровождения процедур оценки регулирующего воздействия проектов и экспертизы действующих нормативных правовых актов // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 1. С. 171–174. DOI 10.22394/1818-4049-2017-78-1-171-174.

Роцин С. Р. Правовая экспертиза в деятельности юридической службы Росгвардии: нормативное правовое регулирование и проблемные аспекты // Военное право. 2022. № 1. С. 153–160.

Сащико П. И. О совершенствовании Методики криминологической экспертизы нормативных правовых актов в Республике Беларусь // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3. С. 24–28.

Сладков Д. В. О дидактических принципах подготовки независимых экспертов в области антикоррупционной экспертизы и об основаниях их независимости: вопросы к обсуждению // Вестник Российской правовой академии. 2011. № 3. С. 10–13.

Соловьев П. В. Гендерно-правовая экспертиза нормативных правовых актов как элемент нормотворческого процесса и способ защиты конституционных прав граждан в Республике Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д. Экономические и юридические науки. 2018. № 6. С. 193–201.

Сулейманов Э. А. Отражение политической реальности в СМИ // Коммуникология: электронный научный журнал. 2017. Т. 2. № 3. С. 51–59.

Третьякова О. В. СМИ в процессе правовой социализации личности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 46–51.

Туранин В. Ю. Формирование системы повышения квалификации независимых экспертов, уполномоченных на проведение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Право и образование. 2018. № 4. С. 99–104.

Эмпирическая социология: учеб. пособие / сост. Л. А. Мироненко. Комсомольск-на-Амуре: КНАГТУ, 2013. 181 с.

Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1995. 266 с.

Елена Игоревна Думанская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: dumanskaya@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-2066-1012

Дарья Александровна Кокотова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: darya.kokotova@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-9455-5864

Development of the Law Examination's Algorithm Used in the Learning Process

In connection with the requirement of the educational standard to ensure the formation of students' competence in conducting the examination of legal acts, the question arises of what should be the algorithm of examination of legal acts used in the educational process. When developing the algorithm, the authors relied on the analysis of personal pedagogical experience; generalization of the norms regulating various examinations; generalization of data on the methods used in scientific research. The authors also conducted their own pilot study, similar to that proposed for students, with fixing the time spent on performing individual operations.

The paper discusses a number of problems, in particular whether it is necessary to develop examination algorithms specifically for the learning process or to use algorithms already used in practice; the degree of detail of the algorithm and the possible stages of examination. The paper substantiates the need to include empirical testing of the hypothesis in the examination algorithm, which allows assessing the actual or potential impact of the act, and also discusses the criteria for choosing an empirical method. On the example of a specific method, ways of setting a task for its application in the framework of the examination of an act as a learning task are discussed. As a result, a variant of the algorithm for the examination of legal acts was developed for use in the learning process.

Keywords: laws and regulations examination, hypothesis empirical verification, study process, formed skills, content analysis

Recommended citation

Dumanskaya E. I., Kokotova D. A. Razrabotka skhemy ekspertizy pravovogo akta dlya ispol'zovaniya v uchebnom protsesse [Development of the Law Examination's Algorithm Used in the Learning Process], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 6, pp. 124–138, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_6_124.

References

Baranovskii N. A., Shevchuk N. N. Kriminologicheskaya ekspertiza v sisteme preduprezhdeniya prestupnosti [Criminological Expertise in Crime Prevention], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2012, no. 13, pp. 189–194.

Bleshchik A. V. Vyyavlenie iskazhenii v zakonodatel'stve i kommunikativnyi podkhod k pravu: opyt pravovoi ekspertizy normativnykh aktov [Identification of Distortions in the Legislation and a Communicative Approach to Law: Experiences of Legal Acts], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2021, no. 2, pp. 101–114, DOI: 10.34076/20713797_2021_2_101.

Boshno S. V. Poshagovyi algoritm provedeniya antikorrupcionnoi ekspertizy dlya rabotnikov, ne imeyushchikh spetsial'noi podgotovki i navykov [The Stepwise Algorithm of Anti-Corruption Expertise for Analysts not Having Special Training and Skills], *Pravo i sovremennye gosudarstva*, 2015, no. 1, pp. 60–62, DOI: 10.14420/ru.2015.1.8.

Erovenko V. N. Votum separatum: nuzhna li yuristam «matematika prava»? [Votum Separatum: Is «Juridical Mathematics» Necessary for Jurists?], *Vysheishaya shkola: navukova-metadychny i publitsychny chasopis*, 2010, no. 5, pp. 68–74.

Gaifutdinov A. M. Vedushchie didakticheskie printsipy v sisteme znaniy otechestvennoi pedagogiki vtoroi poloviny XX – nachala XXI veka [Leading Didactic Principles in the System of Knowledge of the Russian Pedagogy Second Half of XX – Beginning of XXI Century], *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 110–120.

Kabanov P. A. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: opyt pravovogo regulirovaniya sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Anticorruption Expertise of Normative Legal Acts and Projects of Normative Legal Acts: Attempt of Regional Legal Regulation in Russian Federation], *Yuridicheskaya tekhnika*, 2014, no. 8, pp. 172–182.

Karbon'e Zh. *Yuridicheskaya sotsiologiya* [Juridical Sociology], Moscow, Progress, 1986, 352 p.

Katashinskikh V. S., Kul'minskaya A. V. *Metody sbora sotsial'noi informatsii* [Methods of Collecting Social Information], Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017, 74 p.

Kinsburskii A. V. *Kak provesti uchebnoe sotsiologicheskoe issledovanie* [How to Conduct a Sociological Research], Moscow, 2009, 77 p.

Kovaleva Yu. N. Yuridicheskaya tekhnika kak vazhnyi aspekt pravotvorchestva, pravorealizatsii, pravoprimeneniya i yuridicheskogo obrazovaniya [Legal Technique as an Important Aspect of Law Making, Law Implementation, Law Enforcement and Legal Education], *International Independent Scientific Journal*, 2021, no. 29, pp. 20–23.

Martynkina D. Yu. *Rol' pechatnykh sredstv massovoi informatsii v pravovom prosveshchenii naseleniya: na materialakh federal'nykh obshchestvenno-politicheskikh gazet* [The Role of Print Mass-Media in the Legislative Enlightenment of the Population: Research of Federal Socio-Political Newspapers]: autoabstr. of cand. philological sc. thesis, Moscow, 2011, 22 p.

Mironenko L. A. (ed.) *Empiricheskaya sotsiologiya* [Empirical Sociology], Komsomolsk-on-Amur, KnAGTU, 2013, 181 p.

Murtazina G. I., Usmanova E. F. Rol' pravovoi kul'tury v antikorrupcionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov [The Role of Legal Culture in the Anticorruption Expertise of Normative Legal Acts], *Issues of Law*, 2022, no. 4, pp. 12–15, DOI: 10.14529/pro-prava220402.

Pashinyan I. A. Kontent-analiz kak metod issledovaniya: dostoinstva i ogranicheniya [Content Analysis as a Method of Research: Advantages and Limitations], *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya*, 2012, no. 3, pp. 13–18.

Polivaeva O. G. Sovershenstvovanie kadrovogo soprovozhdeniya protsedur otsenki reguliruyushchego vozdeistviya proektov i ekspertizy deistvuyushchikh normativnykh pravovykh aktov [Development Staffing of the Assessment Procedures of Regulating Influence of the Projects and Examinations of the Existing Regulations], *The Power and Administration in the East of Russia*, 2017, no. 1, pp. 171–174, DOI 10.22394/1818-4049-2017-78-1-171-174.

Roshchin S. R. Pravovaya ekspertiza v deyatelnosti yuridicheskoi sluzhby Rosgvardii: normativnoe pravovoe regulirovanie i problemnye aspekty [Legal Expertise in the Activities of the Legal Service of the Rosgvardia: Regulatory Legal Regulation and Problem Aspects], *Military Law*, 2022, no. 1, pp. 153–160.

Sashcheko P. I. O sovershenstvovanii Metodiki kriminologicheskoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov v Respublike Belarus' [On Improving the Methods of Criminological Expertise of Legal Acts in the Republic of Belarus], *Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2013, no. 3, pp. 24–28.

Sladkov D. V. O didakticheskikh printsipakh podgotovki nezavisimyykh ekspertov v oblasti antikorrupcionnoi ekspertizy i ob osnovaniyakh ikh nezavisimosti: voprosy k obsuzhdeniyu [About the Didactic Principles of Preparing Independent Experts in the Field of Anticorruption Expertise and Grounds of Their Independence: Questions for the Discussion], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2011, no. 3, pp. 10–13.

Solov'ev P. V. Genderno-pravovaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak element normotvorcheskogo protsessa i sposob zashchity konstitutsionnykh prav grazhdan v Respublike Belarus' [Gender Expertise of Legal Acts as Element of the Law-Making Process and Method of Protecting the Constitutional Rights of Citizens in the Republic of Belarus], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2018, no. 6, pp. 193–201.

Suleimanov E. A. Otrazhenie politicheskoi real'nosti v SMI [The Reflection of Political Reality in the Media], *Kommunikologiya: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2017, vol. 2, no. 3, pp. 51–59.

Tret'yakova O. V. SMI v protsesse pravovoi sotsializatsii lichnosti [Mass-Media in the Individual's Legal Socialization], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 6, pp. 46–51.

Turanin V. Yu. Formirovanie sistemy povysheniya kvalifikatsii nezavisimyykh ekspertov, upolnomochennykh na provedenie antikorrupcionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proektov [Formation of the System of Increasing the Qualification of Independent Experts Authorized for Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Projects], *Law and Education*, 2018, no. 4, pp. 99–104.

Volkova L. V. *Metodika provedeniya sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology for Conducting Sociological Research], Moscow, Izdat. tsentr RGU nefti i gaza im. I. M. Gubkina, 2014, 46 p.

Yadov V. A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological Research: Methodology, Program, Methods], Moscow, 1995, 266 p.

Elena Dumanskaya – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: dumanskaya@bk.ru.

ORCID: 0000-0002-2066-1012

Daria Kokotova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: darya.kokotova@mail.ru.

ORCID: 0000-0001-9455-5864

Дата поступления в редакцию / Received: 01.11.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 30.11.2022

**ИНДЕКС СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА, НАУКА» В 2022 Г.**

<i>Allahyarova F. B. (Baku)</i> Implementation of Mediation in the Republic of Azerbaijan	№ 1 (127)
<i>Абросимова Е. А., Сачек А. М. (Москва)</i> «Хромающий родительский статус» как следствие заключения трансграничных договоров суррогатного материнства	№ 1 (127)
<i>Антонченко В. В. (Владивосток)</i> Тоталитаризм и либерализм в парадигмах правопонимания	№ 4 (130)
<i>Бараданченкова Н. Е. (Екатеринбург)</i> Практика обращения взыскания на коррупционные доходы в Российской Федерации	№ 3 (129)
<i>Басова А. В. (Саратов)</i> Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при практическом обучении студентов-медиков	№ 5 (131)
<i>Бахтеев Д. В. (Екатеринбург)</i> Об основных направлениях междисциплинарного развития криминалистики	№ 3 (129)
<i>Бедрина И. С., Несмеянова С. Э., Калинина Е. Г. (Екатеринбург)</i> Роль правового регулирования в формировании образовательной среды дополнительного профессионального образования: опыт и инновации	№ 6 (132)
<i>Богустов А. А. (Гродно)</i> Проблематика прав на результаты интеллектуальной деятельности в трудах ученых «русского зарубежья»	№ 4 (130)
<i>Бодрова Э. Э., Калистратова Н. С. (Екатеринбург)</i> Реализация цифровых компетенций и технологий: из опыта преподавания истории государства и права	№ 2 (128)
<i>Бондаренко Д. В. (Москва)</i> Единственная отрасль законодательства, оставшаяся неизменной в современной России	№ 3 (129)
<i>Винницкий А. В., Харинов И. Н. (Екатеринбург)</i> Нераскрытый потенциал судебного нормоконтроля в свете Закона об обязательных требованиях	№ 6 (132)
<i>Вохидов М. А. (Душанбе)</i> Возникновение института субсидиарной ответственности по долгам несостоятельного лица	№ 2 (128)
<i>Гаврин Д. А. (Екатеринбург)</i> Особенности правового регулирования инвестиционных платформ	№ 1 (127)
<i>Горшков Д. Ю. (Екатеринбург)</i> Содержание преступных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации	№ 2 (128)
<i>Губарева А. В. (Екатеринбург)</i> Пути совершенствования правового регулирования использования иностранной рабочей силы в предпринимательской деятельности в Российской Федерации	№ 1 (127)
<i>Гуторова А. Н. (Курск)</i> Конституционно-правовое обеспечение народного доверия к судебной власти	№ 6 (132)
<i>Долганичев В. В. (Екатеринбург)</i> Особенности применения интерактивных методов в преподавании дисциплины «Рассмотрение судами дел о защите коллективных интересов»	№ 6 (132)
<i>Долинин В. Н. (Екатеринбург)</i> Распознавание ложных показаний при допросе с использованием психотехники	№ 2 (128)
<i>Домченко А. С. (Екатеринбург)</i> Экспансия исполнительной власти как объективная закономерность развития публичного правопорядка	№ 2 (128)
<i>Дорошенко В. С. (Лангепас)</i> Трубопровод как место кражи нефти и ее продуктов	№ 2 (128)

- Дрыгина А. А.** (Казань) Летальное оружие v. нелетальное. Правовой анализ применения оружия № 3 (129)
- Дубовик Д. М.** (Екатеринбург) Объекты накопленного вреда: к вопросу о несанкционированных свалках № 3 (129)
- Думанская Е. И., Кокотова Д. А.** (Екатеринбург) Разработка схемы экспертизы правового акта для использования в учебном процессе № 6 (132)
- Ергашев Е. Р., Асоян К. А.** (Екатеринбург) О современных проблемах представления, применяемого при осуществлении надзорной функции прокуратуры № 4 (130)
- Жабреев М. В.** (Екатеринбург) Правовое регулирование применения в советской России дореволюционного законодательства № 6 (132)
- Зазулина Л. Д.** (Екатеринбург) Установление содержания иностранного права в трансграничных наследственных делах: международная правовая помощь и альтернативные пути преодоления трудностей № 4 (130)
- Исмаилова Ю. В.** (Нижний Новгород) Современное состояние законодательства в сфере оказания психологической помощи населению № 1 (127)
- Кабанов А. В., Цветкова А. Д.** (Екатеринбург) Исследование подписей, выполненных от имени других лиц № 4 (130)
- Карасев А. Т., Мещерягина В. А.** (Екатеринбург) Защита конституционного права на жилище в исполнительном производстве № 5 (131)
- Карепанов Н. В.** (Екатеринбург) Вопросы развития криминалистики: основы криминалистической теории следов № 1 (127)
- Коваль В. П.** (Екатеринбург) Соотношение правовой позиции суда с судебной практикой, судебным актом и судебным прецедентом на примере трудовых споров № 6 (132)
- Козлов М. А.** (Екатеринбург) Стандарты доказывания как результат рецепции иностранного процессуального права № 4 (130)
- Кокотова М. А.** (Екатеринбург) Правовое регулирование состава, структуры и порядка работы ТОС (РФ), советов кварталов и советов граждан (Франция): сравнительный анализ № 1 (127)
- Кокурин Г. А.** (Екатеринбург) О некоторых способах фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности № 1 (127)
- Коржова И. В.** (Москва) История развития научных представлений о криптоактивах № 3 (129)
- Костин А. А.** (Москва) Извещение российского ответчика по электронной почте в рамках иностранного судебного разбирательства № 5 (131)
- Куликов М. А.** (Москва) Противодействие манипулированию целями и средствами в правовом регулировании: концепция и механизмы № 5 (131)
- Курочкин С. А.** (Екатеринбург) Развитие теории административного судопроизводства: несколько слов о монографии М. Ю. Старилова «Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность» № 5 (131)
- Леднев И. В.** (Екатеринбург) Выявление серийности преступлений в Великобритании № 2 (128)
- Лифанов Д. М.** (Екатеринбург) Об административной ответственности за нарушение порядка рассмотрения обращений граждан № 3 (129)

<i>Лунёв А. А. (Екатеринбург)</i> Права человека и юридические лица: парадокс реализации в международном праве	№ 5 (131)
<i>Малинова И. П., Домченко А. С. (Екатеринбург)</i> Идеологические факторы социального конструирования в правовом измерении. Противодействие антисоциальным идеологиям	№ 5 (131)
<i>Малинский Ю. В. (Сибай)</i> Внедрение информационно-коммуникационных технологий в институт извещения и уведомления в сфере судопроизводства	№ 1 (127)
<i>Маслов В. А. (Екатеринбург)</i> Общественная опасность деяния как основание криминализации (декриминализации)	№ 3 (129)
<i>Маслов В. А. (Екатеринбург)</i> Уголовная политика России в отношении смертной казни	№ 6 (132)
<i>Мельников Р. В. (Москва)</i> Формирование морально-этических требований к прокурорским работникам в России: исторический анализ	№ 3 (129)
<i>Митин А. Н. (Екатеринбург)</i> Специфика преподавания антикоррупционных дисциплин в вузе с применением синергичных и персуазивных технологий	№ 5 (131)
<i>Нечаев А. И. (Екатеринбург)</i> О немедленном исполнении судебных решений по делам об оспаривании ненормативных правовых актов	№ 6 (132)
<i>Никитина Е. В., Раменская В. С. (Екатеринбург)</i> Проблемы законодательного регулирования следственного действия, направленного на получение доступа к электронным сообщениям	№ 2 (128)
<i>Овсеян Ж. И. (Ростов-на-Дону)</i> Модификации президентско-парламентской формы правления в Российской Федерации (на основе анализа новелл Закона РФ о поправке к Конституции РФ 2020 г.)	№ 6 (132)
<i>Одинцова В. С. (Екатеринбург)</i> Международно-правовой аспект реализации права на здоровье в контексте применения генетических технологий	№ 3 (129)
<i>Одинцова В. С. (Екатеринбург)</i> О статусе эмбриона в международном праве	№ 1 (127)
<i>Орлов В. Г. (Санкт-Петербург)</i> Генезис и современные концепции источников права Финляндии	№ 4 (130)
<i>Пенизев М. В. (Красноярск)</i> Концептуальные проблемы реформы местного самоуправления в России	№ 4 (130)
<i>Пономарева Е. В. (Тюмень)</i> Права человека: универсальный язык международного общения или продукт западной правовой мысли?	№ 1 (127)
<i>Попов А. А. (Москва), Попов В. А. (Екатеринбург)</i> Право арбитражного суда первой инстанции разрешить спор по имеющимся в материалах дела доказательствам	№ 3 (129)
<i>Сабитов Т. Р. (Екатеринбург)</i> Точность квалификации как уголовно-правовой принцип	№ 2 (128)
<i>Саввина Л. Я. (Екатеринбург)</i> Кадастровый учет земельных участков под многоквартирными домами как гарантия снижения риска возникновения конфликтов по поводу использования таких территорий	№ 1 (127)
<i>Саликов М. С. (Екатеринбург)</i> Региональный конституционный контроль в России: возможен ли ренессанс?	№ 5 (131)
<i>Селькова А. А. (Екатеринбург)</i> Метод командного обучения (team-based learning) в юридическом образовании	№ 2 (128)

Степкин С. П. (Москва) Цифровая трансформация обращений граждан с использованием современных информационных технологий	№ 4 (130)
Табаринцева-Романова К. М. (Екатеринбург) Рецензия на коллективную монографию «The Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons»	№ 5 (131)
Тескаро М. (Верона) Наследование имущества государством сквозь призму римской правовой традиции	№ 5 (131)
Тихонов А. Н. (Екатеринбург) Установление происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью	№ 2 (128)
Торгашев А. В. (Санкт-Петербург) Конкуренция поворота исполнения решения суда и иска о возвращении взысканного	№ 2 (128)
Туктамышев В. Д. (Екатеринбург) Компетенция арбитража: общая характеристика	№ 6 (132)
Фетюков Ф. В. (Екатеринбург) Геном человека как объект междисциплинарных социально-гуманитарных исследований и система соответствующих им методологических средств	№ 3 (129)
Ширяев А. Ю. (Екатеринбург) Учение о составе преступления в прагматической концепции уголовного права П. А. Фейербаха	№ 6 (132)
Щекин Д. М. (Москва) Возврат излишне уплаченного косвенного налога: гармонизация интересов налогоплательщика, носителя налога и государства	№ 4 (130)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 28.02.2023. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,74. Уч.-изд. л. 15,56.

Тираж 100 экз. Заказ № 7

Дата выхода в свет 09.03.2023.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отпечатано в ООО «ПРИНТ».
426035, Ижевск, ул. Тимирязева, д. 5, оф. 5